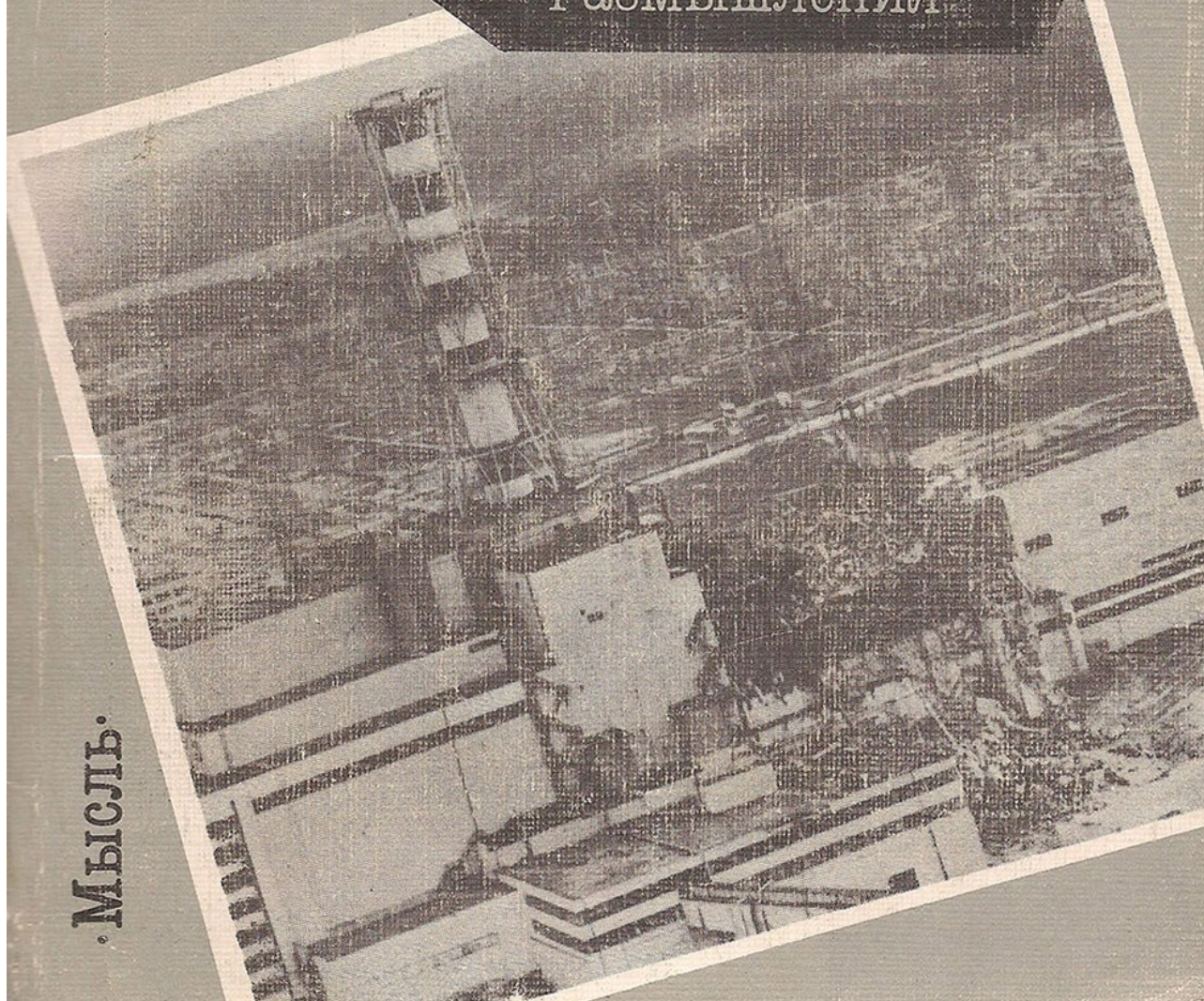

А.В.Иллеш
А.Е.Пральников

РЕПОРТАЖ
ИЗ

ЧЕРНОБЫЛЯ

Записки
очевидцев.
Комментарии.
Размышления

Мысль

31.47
ИЧЧ

А.В.Иллеш
А.Е.Пральников

РЕПОРТАЖ
ИЗ
ЧЕРНОБЫЛЯ

Записки
очевидцев.

Комментарии.

Размышления

531457

Читальный зал

г. Волгоград
Центральная
библиотечная система
Филиал № 12

Москва «Мысль» 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Пассажирский поезд Москва — Киев плавно отошел от столичного перрона. Был воскресный вечер. И на вокзале, и на перроне, да и в самом поезде пассажиров было немного. Но даже среди этих немногочисленных людей чувствовалось скрытое напряжение: ведь было уже опубликовано сообщение Совета Министров СССР об аварии на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции. И эти первые скупые строки рождали тревогу. Ясно было одно: дело это — чрезвычайное, а последствия предсказать просто трудно...

И в книге «Репортаж из Чернобыля» мы попытались рассказать об одной из самых крупных аварий XX века.

Авария на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции — событие не только трагическое, затронувшее так или иначе интересы сотен тысяч людей, заставившее задуматься о многом политиков, ученых и просто каждого из нас.

Чернобыль высветил высочайший взлет духа человека и потрясающую по своим последствиям халатность, мощнейшие возможности нашей экономики и удивительную косность, которую мы обязаны назвать преступной.

Безусловно, в «Репортаже», написанном по горячим следам, невозможно ответить на все вставшие в полный рост после аварии вопросы. Да мы к этому и не стремились. Оценивать произошедшее в Чернобыле предстоит еще не год и не два. Но урок Чернобыля — экономический, нравственный, политический — должен остаться в каждом из нас навсегда. Во всяком случае, на то время, пока одетый в мощную броню из бетона и стали будет стоять «саркофаг», в который упакован теперь четвертый аварийный блок.

В книге нет исчерпывающих оценок произошедшему, хотя бы потому, что случившееся поистине огромно и увидеть все своими глазами мы, два журналиста из «Известий», были просто не в состоянии. Кроме того, сколь документально ни старались бы мы описывать перипетии на самой атомной электростанции, в Припяти или в некогда тихом и уютном райцентре Чернобыль, в прекрасном, но взбудораженном Киеве, в строгих клиниках или на шумных международных пресс-конференциях, все равно мы не можем оставаться полностью беспристрастными. За месяцы пребывания в особой зоне мы убедились, сколько же существует точек зрения на то, что происходило и происходит в Чернобыле!

Конечно, сегодня взгляд на чернобыльские события отличается от того, что был в первые дни. И это понятно. Беспрецедентность случившегося не позволяла в апреле, да и в первые дни мая

абсолютно точно и четко ответить: что же произошло? кто виноват? каковы глобальные последствия событий? И так далее. Десятки самых крупных специалистов, ученых с мировым именем, прибывших на место событий, находясь в непосредственной близости от еще продолжавшего быть опасным четвертого, полуразрушенного и обугленного, многометровой высоты блока, решали миллион задач одновременно. И проблемы, с которыми они столкнулись, были не только невероятно сложны, они часто вообще ставились впервые в мировой практике.

Потому-то категорично «да» или «нет» на многие из технических вопросов ответить было невозможно. Ответы эти складывались в сложнейшей обстановке - непосредственно в процессе работы по ликвидации последствий аварии. Время, конечно, расставит все по местам, рассудит, кто чего стоил. Это произойдет. Это уже происходит.

Но урок Чернобыля будет исчерпывающим только при одном условии: когда даже «невыгодная» правда вытеснит всякое умолчание. Когда информация не будет раскладываться по ранжирам, не будет делиться на правду для избранных и правду для всех. Ибо все мы — вольные или невольные — участники чернобыльских событий.

И последнее. Нам профессионально повезло — специальные корреспонденты «Известий» прибыли в Чернобыль в числе первых из журналистов. И потом, сменяя друг друга, пробыли на месте до «конца книги» — до глубокой осени, когда был построен «саркофаг», укrywший смертоносную радиацию четвертого блока. И чтобы не подправлять, не подчищать действительность, написали «Репортаж из Чернобыля» как видели. Как чувствовали. Как думали — от первого лица.

ГЛАВА I

АВАРИЯ

Хроника событий одной ночи

Увы, слишком часто в наше время героизм оказывается вынужденным. Слишком часто он — оборотная сторона чьей-то преступной безответственности...

Обстоятельство это, впрочем, ни в малой степени не принижает того, что было сделано пожарными в ночь чернобыльской аварии. Оно лишь больнее отзывается в душе осознанием того, что цена любой халатности, любой глупости или даже самоуспокоенности стала в конце XX века непомерно высокой. Она оплачивается слезами, больше — жизнями...

Попробуем, насколько это возможно, восстановить события трагической ночи 26 апреля. Хотя прошло уже довольно много времени и время это вместило в себя многое... Но какие бы значительные события, наслаиваясь друг на друга, ни разделяли день сегодняшней и ночь 26 апреля, мне кажется чрезвычайно важным буквально по минутам еще раз вспомнить о том, что и как тогда происходило.

Ведь журналисты появились не сразу. И оценки их в силу сложившихся обстоятельств не могли скрупулезно точно донести до читателя то, что происходило час за часом, минута за минутой на четвертом блоке АЭС. На станции к началу мая расспрашивать о взрывах и пожаре было практически некого. Очевидцы, все те, кто принимал участие в борьбе с огнем, те, кто шел в первой шеренге, были эвакуированы или лежали в больницах Киева и Москвы. Но хранят подробности документы тех дней. И они, на мой взгляд, при всех техницизмах и специфичности языка доносят, пожалуй, самые верные сведения о первых часах борьбы.

Итак, ночь с 25 на 26 апреля.

1 час 23 минуты 03 секунды. Точное время взрыва определилось не сразу. Расхождения в минутах, разночтения в газетах — естественны. Люди ведь смотрели на свои часы, а те показывали время по-своему. Так же по-своему, по-разному воспринимали момент аварии очевидцы...

Дежурство по пожарной охране АЭС нес третий караул. Целый день караул проводил время в соответствии с обычным распорядком: теоретические занятия в учебном классе, практические — под руководством лейтенанта Владимира Правика на строящемся пятом энергоблоке. Потом играли в волейбол, смотрели телевизор.

В третьем карауле дежурил Владимир Прищепя: «Я ушел спать в 23 часа, потому что позже надо было заступать дневальным по части. Ночью я услышал взрыв, но не придал ему значения. Через одну-две минуты прозвучала боевая тревога...»

На стремительно развивавшиеся события в первые секунды не обратил особого внимания и Иван Шаврей, который в этот момент находился на посту возле диспетчерской: «Мы стояли втроем, разговаривали, как вдруг — мне так показалось — послышался сильный выброс пара. Мы это не приняли всерьез: похожие звуки раздавались и до того дня неоднократно. Я собирался уходить отдыхать, как вдруг сработала сигнализация. Кинулись к щиту, а Легун пробовал выйти на связь. Но никакой связи не было... Тут и произошел взрыв.

Я бросился к окну. За взрывом последовал мгновенно следующий взрыв. Я увидел черный огненный шар, который взвился над крышей четвертого блока...»

Итак, по свидетельству очевидцев, находившихся вне четвертого блока, примерно в 1 час 23 минуты последовали два взрыва, над блоком взлетели какие-то горящие куски и искры. Часть из них упала на крышу машинного зала. Начался пожар.

Момент взрыва и сирену внутри пожарной части разделяла минута. Вряд ли этого времени было довольно, чтобы осознать до конца всю опасность, а главное — что предстоит сделать пожарным в ближайшие часы рядом с разрушенным реактором. Пока они только успели натянуть робы и бросились к машинам, к своим постам.

Стало ясно: это не просто пожарная тревога. Это — сигнал тревоги номер 3 — самой большой, требующей особой мобилизации. Мобилизации не только всех пожарных частей в широком радиусе, но и собственных сил — физических, а еще больше — моральных.

Сразу после получения сигнала о взрыве к месту вызова выехала пожарная автоцистерна, а также насосная станция и «рукавный автомобиль» во главе с начальником караула лейтенантом Владимиром Правиком.

К выезду стали готовиться все свободные от дежурства сотрудники пожарных частей. Не только Припяти. К месту пожара уже спешила машина из Киева...

1 час 30 минут. К станции подъехала машина Правика.

По внешним признакам — отблескам пламени на кровле машинного зала и аппаратного отделения — лейтенант определил очаг горения и организовал тушение пожара со стороны машинного зала — это было необходимо для защиты несущих металлических ферм. И со стороны реакторного отделения — для тушения огня на кровле.

Как позже выяснилось, это было единственно верное решение. Благодаря ему и удалось предотвратить распространение пожара.

Из документов: «Лейтенант внутренней службы Правик Владимир Павлович, начальник караула военизированной пожарной части МВД по охране Чернобыльской АЭС. 1962 года рождения, Киевская область, г. Чернобыль, украинец, член ВЛКСМ с 1977 года, образование среднее специальное.

Тов. Правик В. П. в органах внутренних дел с 1979 года. После окончания Черкасского пожарно-технического училища в 1982 году назначен на должность начальника караула военизированной пожарной части номер 2 (ВПЧ-2) по охране Чернобыльской атомной электростанции. За весь период службы характеризуется только с положительной стороны.

К моменту прибытия двух отделений во главе с начальником караула лейтенантом Правиком В. П. пожаром был охвачен четвертый энергоблок, кровля машинного зала, создалась реальная угроза распространения пожара по всей кровле машинного зала, на третий энергоблок.

Лейтенант, прибыв на объект, правильно оценил обстановку, подтвердил повышенный (номер 3) вызов, выбрал решающее направление для работы боевого участка и в условиях высокого уровня радиации, проявляя стойкость и мужество, обеспечил успешное тушение».

Час и 20 минут находился Владимир Правик в смертоносных лучах радиации. И этот срок оборвал его короткую жизнь. Это ничтожно малое по сравнению с жизнью время вместило в себя подвиг лейтенанта, имени которого теперь всегда будут предшествовать высокие слова — Герой Советского Союза.

Еще выдержка из документов. Она обозначена как «дополнительные сведения», они, эти сведения, так же кратки, как и прожитая лейтенантом Правиком жизнь. «Лейтенант Правик Владимир Павлович. В 1982 году закончил Черкасское пожарно-техническое училище, из семьи рабочего, член ВЛКСМ с 1977 года, учился в средней школе № 1 г. Чернобыля, окончил школу на «4» и «5». После окончания училища в 1982 году был назначен начальником караула СВПЧ-6 г. Припяти, в июле 1983 года для укрепления службы на АЭС переведен в ВПЧ-2 начальником караула. За успешное выполнение соцобязательств в 1983 году объявлена благодарность. В 1985 году поощрен за рационализаторскую работу.

Любил спорт, III разряд по лыжам, занимался пожарно-прикладным спортом. За образцовую службу поощрен приказом МВД СССР.

Принимал активное участие в благоустройстве и эстетическом оформлении помещений части. Любил столярное и плотницкое дело...»

В эти «дополнительные сведения» не уместить главного: горя молодой жены Владимира — их дочери едва исполнился месяц, когда не стало отца, — слезы родителей и брата...

1 час 35 минут. К месту аварии прибыл дежурный караул другой пожарной части города Припяти во главе с начальником караула лейтенантом Виктором Кибенком. Кровля над машинным залом четвертого энергоблока и помещениями аппаратного отделения

продолжала гореть. Здесь в результате взрыва частично обрушилась крыша...

«Прибыв на место аварии с дежурным караулом СВПЧ-6, Кибенок В. Н. возглавил звено газодымозащитной службы и произвел разведку пожара в помещениях, прилегающих к активной зоне реактора. Уровень радиации там был велик. Правильно определив боевые позиции, Кибенок В. Н. организовал работу личного состава караула, обеспечил подачу воды на кровлю машинного зала с помощью автолестницы и стационарных сухотрубов. Действиями руководимого им караула было остановлено распространение огня в сторону третьего энергоблока.

Личным примером, профессионально грамотными, смелыми и решительными действиями Кибенок В. Н. воодушевил подразделение на выполнение боевой задачи.

После длительного воздействия высокого уровня радиации, высокой температуры и едкого дыма Кибенок В. Н. был выведен из боевого расчета. Позже госпитализирован в клинику г. Москвы».

Дополнительные сведения: «Кибенок Виктор Николаевич, родился 17 февраля 1963 года, член ВЛКСМ с 1977 года. В 1980 году окончил Иванковскую среднюю школу. В сентябре 1980 года зачислен пожарным в ВПЧ-2 Чернобыльской АЭС. Учился в Ворошиловградской школе подготовки младшего и среднего начсостава. После окончания училища назначен начальником караула СВПЧ-6. В 1985 году поощрен за достигнутые успехи по предупреждению пожаров. В 1983 году награжден грамотой РК ВЛКСМ. Секретарь комсомольской организации части.

Из семьи потомственного пожарного. Отец — Кибенок Николай Кузьмич, майор запаса. Мать — Ирина Иосифовна, 1937 года рождения. Сестра — Татьяна Николаевна, 1966 года рождения. Жена — Татьяна Николаевна, 1962 года рождения».

К выписке из личного дела двадцатичетырехлетнего лейтенанта, теперь уже Героя Советского Союза Виктора Кибенка, добавлено уже просто от руки: «Поощрялся за успешное выступление в областных соревнованиях по пожарно-прикладному спорту. Увлекался техникой, любил быстро ездить на мотоцикле...»

Мало все-таки говорят эти отрывочные сведения. Только одно, пожалуй, — как молоды и как полны жизни были эти ребята. О том, что на самом деле значит «произвел разведку в помещениях, прилегающих к активной зоне реактора», приходится только догадываться. Ибо никто никогда в мирное время так вплотную не приближался к невидимой смерти.

1 час 46 минут. На место пожара прибыл начальник ВПЧ-2 майор Леонид Телятников. Это был последний день его отпуска. 12 мая, уже в московской клинике, майор Телятников напишет о том, что видел и как действовал во время пожара. Но прежде чем привести его

собственноручное описание, вновь обратимся к протоколу: «...майор Телятников принял следующие решения:

Организовать боевой участок № 1 со стороны кровли машзала с задачей локализовать пожар.

Организовать боевой участок № 2 со стороны реакторного отделения для тушения пожара на кровле.

После взрыва невозможно было пробраться в аппаратное отделение через разрушенные помещения, и боевые позиции ствольщиков были переведены на кровлю аппаратного отделения, откуда происходило тушение пожара и охлаждение конструкций.

Майор Телятников разведал места с большой радиацией и загазованностью, правильно оценил обстановку, расставил силы и средства на решающем направлении. Тем самым он обеспечил локализацию пожара на кровле машзала и предотвратил серьезные последствия. Майор Телятников в зоне радиоактивного заражения получил сильное отравление...»

Ах, как сух и строг протокольный слог!.. Вновь заставляет он о многом догадываться, «включать» воображение...

Позиции для атаки на огонь организованы, но они не укрепленное «сооружение». Менять их приходится постоянно, ведь сам огонь своенравно и коварно передвигается. Не так просто в тех условиях было «перенести боевые позиции» ствольщиков - каждый шаг давался с трудом. Из-за адской жары плавился битум покрытия и сапоги пожарных с каждой минутой становились все тяжелее, вязли в расплавленной массе, превращались в «свинцовые» из-за налипшей на них смолы. Невидимый удар радиации настигал не сразу...

Вот как написал о пожаре майор Телятников: «В 01 часов 45—50 минут прибыл на территорию АЭС. Увидел разрушения аппаратного отделения четвертого энергоблока и горение на покрытии аппаратного отделения третьего энергоблока. Горение было во многих местах и на различных отметках — от 12,5 до 71,5 метра.

...Машины стояли на гидрантах, я спросил: где начальник караула? Легун С. И. сказал, что он побежал к начальнику смены станции. По наружной лестнице поднялся на покрытие машзала. Пожарный Прищеп В. А. доложил: горение на кровле ликвидировано. Но это я и сам увидел. Дал команду подготовить еще один ствол и обвязаться спасательной веревкой. Воду без надобности — не лить. Кровля на площади 200— 500 квадратных метров просела...

Через пожарного Шаврея Л. Н. передал команду: ВПЧ-2 остается у машзала, а СВПЧ-6 и другим двигаться к аппаратному отделению третьего энергоблока для тушения там покрытия».

И все дела — бегом, бегом... Время воистину не ждало.

«Шаврей Л.П. помог установить технику. Тогда я побежал к начальнику смены станции. По пути установил, что в машзале огня уже нет. Мы осмотрели четвертый блок. Через выбитые панели просматривались кабельные помещения, где пожара не было. Однако из центрального зала хорошо можно было разглядеть не то зарево, не то свечение... Что это? Ведь в центральном зале, кроме «пятака» реактора, ничего нет, гореть — нечему. Мы решили: свечение исходит от реактора. Позвонил, доложил обстановку для передачи в Киев».

Прервем еще раз рассказ Телятникова. Итак, он увидел свечение. Сомнений в том, откуда оно исходит, у него не оставалось. Майор тут же доложил об увиденном. Не снял тем самым ответственности с себя — свой долг Телятников исполнил до конца, — но передал эстафету дальше.

Кто должен был подхватить ее? Кто был обязан немедленно принять меры по защите населения, а не трусливо перекладывать бремя ответственности дальше и дальше — пусть «наверху» решают.

Начинать бить в колокола надо было на месте, не дожидаясь разрешений и виз. Из Москвы еще не видно было того, что воочию видел Телятников, — свечения реактора, но заслонить людей, пусть даже от возможной опасности, надо было немедленно.

Приходится предположить, что и на этот раз в поведении тех, кто должен был решиться на всю полноту и тяготы власти в критическую минуту, роковую роль сыграло пресловутое «авось». Авось обойдется, авось пронесет. Из столиц приедут, разберутся, укажут, что делать дальше. Из-за этого же «авось», авторов которого и не сыскать теперь, случилась задержка информации, которую приписывали злему умыслу, а надо — безответственности.

Докладная Телятникова: «Передал, чтобы диспетчер по радиации связался со вторым отделением ВПЧ-2 и направил его к аппаратному отделению на помощь СВПЧ-6.

Взял «лепестки» (респираторы). Поднялся на аппаратное отделение, чтобы убедиться в обстановке. Напор воды был слабым. Дал команду двум машинам подавать воду в сухотрубную систему. Направились в аппаратное отделение через транспортный коридор четвертого блока. Там сильным потоком шла вода, пройти не было возможности. В это время с покрытия спустился Правик В. П., доложил обстановку, с ним еще семь человек. Им было плохо: всех тошнило. Ехала скорая помощь, я ее остановил и отправил личный состав в медсанчасть.

...Я пошел для получения помощи. Мне сказали, что уже создан штаб. Это было около трех часов. Соединили с директором. Я ему доложил обстановку, попросил направить дозиметрическую службу.

У директора дозиметристов под рукой не оказалось, он мне разрешил взять любого, которого найду на станции. Директор попросил откачивать воду, которая заливает третий энергоблок. Я — пообещал, только просил, чтобы показали конкретное место.

Побежал вновь к третьему блоку. Прибыл капитан Леоненко Г. А., который стал вести учет прибывающих частей. Я ему коротко объяснил расстановку наших сил... Пожар был потушен на покрытиях, но что внутри делается — еще полностью не знали. Мы объехали боевые участки. Вовсю заработал штаб пожаротушения. Мы прибыли в штаб гражданской обороны, доложили директору...»

И последняя из этих записей. «...Личный состав пожарных частей работал добросовестно, не нужно было ни уговаривать, ни дважды повторять команды, понимали с полуслова, выполняли бегом».

Через пять месяцев после пожара, 25 сентября, были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Леониду Телятникову, Виктору Кибенку и Владимиру Правикову (последним — посмертно).

Когда я позвонил Леониду в Кустанайскую область, где он отдыхал у родителей после выписки из больницы, чтобы поздравить его с высоким званием и взять интервью, разговора не получилось. Майор был взволнован. И не улеглась еще, остра была горечь потери друзей.

Строки из протокола. Возможно, они в чем-то повторяют уже сказанное, но и это, убежден, не будет лишним: «Личный состав работал в следующих исключительно сложных условиях: разрушение активной зоны реактора и выход осколков деления за пределы помещений главного корпуса повлекли за собой сильную радиацию в зоне боевых действий; осложняло борьбу с огнем наличие продуктов горения; ствольщики действовали на больших высотах (от 32 до 60 метров), там, где произошли обрушения строительных конструкций...»

3 часа 22 минуты. К месту аварии прибыла первая оперативная группа Управления пожарной охраны УВД Киевского облисполкома. К этому времени уже шло активное тушение пожара на кровле машинного зала, охлаждение обрушившихся после взрыва конструкций. Майор Телятников, лейтенант Правик к тому часу находились в состоянии сильного отравления. Впрочем, плохо было уже многим. На месте пожара работали прибывшие по сигналу номер 3 части из Чернобыля, Полесского, Иванкова, других районных центров Киевской области.

С 3 часов 30 минут до 4 часов была проведена частичная замена людей на боевых участках № 1 и № 2 машины скорой помощи начали увозить тех, кто получил сильное отравление и имел признаки облучения (рвота, потеря сознания).

4 часа. На месте аварии сосредоточено 15 оперативных отделений.

4 часа 20 минут. С учетом уровня радиации решено не подвозить непосредственно к месту аварии прибывающую технику и людей. Их сосредоточивали в пяти километрах. Начали формировать резервы.

4 часа 50 минут. Пожар локализован.

6 часов 35 минут. Пожар полностью и везде ликвидирован.

Заключительная страница официальной бумаги, описывающей действия подразделений пожарной охраны по тушению пожара на АЭС:

«С первым сообщением об аварии на АЭС была правильно прогнозирована возможная обстановка и приняты меры:

— по немедленной информации партийных и советских органов, областных организаций;

— по первому сообщению об аварии и пожаре были привлечены силы и средства 37 подразделений пожарной охраны с переводом личного состава на повышенную готовность и усиленный вариант службы. Все это дало возможность уже к 4 часам сосредоточить на месте аварии 81 основную и специальную пожарную машину, организовать сводный отряд численностью 186 человек для ликвидации возможных последствий аварии (возник повторный пожар)».

...Жива еще боль потерь, но уже стала историей та ночь, озарявшаяся вспышками, когда потоки воды стекали из проломов четвертого блока АЭС. А внизу — все прибывавшие машины «скорой помощи». И люди — грязные, измученные, обожженные. Их усаживали в машины с красными крестами. И машины эти срывались прочь от станции.

...Белая палата. Капельница. Ночные сестры. Тонкий, острый, приносящий облегчение шприц. Чужая, спешащая по трубке кровь, которая станет твоей. А твоя — уже не твоя, ее врачи меняют все чаще... Впрочем, так представлялось мне. А что на самом деле чувствовали молодые парни из Чернобыля и Припяти, сказать не берусь: не решался их об этом расспрашивать.

Держу в руках другой документ, обозначенный канцелярским названием «объяснительная записка». Ее автор, вообще-то говоря, тоже настоящий, невыдуманный герой. Но «объясняет» он не смелость своего поступка, нет. Он рассказывает о том, как действовали его друзья. Рядовой Андрей Половинкин к концу «объяснительной» устал. Это заметно — строчки побежали криво.

«...На место аварии мы прибыли через три минуты. Стали разворачивать машину и готовиться к тушению... На крышу энергоблока поднимался два раза, чтобы передать приказ начальника части, как там действовать. Лично я хочу отметить смелость лейтенанта Правика, который знал, что получит сильное радиационное поражение, и все равно пошел в пекло и разведал все до мелочей. Также могу отметить Ивана Шаврея, Леонида Шаврея, Александра Петровского, Булаву... Кто отличился еще — я не знаю, так как борьба с огнем еще продолжалась, а меня увезли в больницу».

Пожарные отлично знали, на что идут, знали, какой объект отбивали у огня. Если бы не их точная и самоотверженная работа, как знать, можно ли было бы ограничить радиус особой зоны тридцатью километрами.

Вновь записки пожарных.

Кратко пишет о том, что сделал, сержант Александр Петровский: «...мне и Ивану Шаврею было приказано подняться по наружным лестницам для ликвидации пожара на крыше. Там мы были минут 15—20. Тушили огонь. Потом спустились вниз: больше там находиться было невозможно. После этого нас забрала «скорая помощь». Вот и все».

Так просто?!

«...При такой обстановке, — пишет командир отделения Иван Бугрименко,— никто не позволил себе никакого расслабления. А наоборот, показали свою сплоченность и организованность, умение принять самостоятельное и даже рискованное, но единственное в данной ситуации решение. Хотя каждый знал и понимал, на что идет. Все, что зависело от нас, мы выполнили честно».

То же самое про себя — работу выполнили до конца и честно — могли написать и шесть других людей. Но они этого сделать не успели. Погибли от огня, от пронизавшей тело радиации — сержант Николай Ващук, старший сержант Василий Игнатенко, лейтенант Виктор Кибенок, лейтенант Владимир Правик, старший сержант Николай Титенок, сержант Владимир Тищура.

Белая палата. Капельница. Ночные сестры... Да, почти все из первой шеренги после той ночи попали на больничную койку.

Когда был на станции, состояние одних не вызывало опасений, про других врачи-специалисты, видевшие всякое, говорили отводя глаза. Но все то, чем располагала современная медицина, что могли дать доноры — костный мозг, кровь,— было использовано для спасения жизни ребят. И печальный список погибших пожарных, к счастью, не увеличился. Их осталось шесть.

Шесть жизней, положенных в одну ночь, хоть и умерли четверо из них позже, в больнице. Они выполнили свой долг до конца. Заслонили собой не только близких своих, но и дальних. Всех нас. Низкий им поклон.

...В зеленой бронированной машине, в лобовой ее части, над смотровыми окнами медленно поднялась бронева защита. Я еду к станции. Стала видна дорога. Короткая дорога от административного корпуса к четвертому реактору — аварийному реактору Чернобыльской атомной. Бронетранспортер покачивает на колдобинах. Покачивается и стрелка на приборе, чем-то неуловимо напоминающем счетчик такси. Этот измеритель внешней радиации укреплен у меня прямо под ногами.

Первые десятки метров фон радиации невысок. Неожиданно у проема одного из зданий стрелка взяла в галоп и уперлась в край «счетчика», уровень радиации под колесами бронетранспортера был в этом месте очень высокий. Водитель, не мешкая, переключил скорость, передернул рычаги, и бронетранспортер рванул с опасного места...

А ведь здесь, по этой земле, по местам еще более страшным, которые скрывает стена четвертого блока АЭС, - в трагическую ночь

ходили люди. Пешком. Они тащили тяжелые рукава, подключали их к гидрантам, подавали воду на пылающую крышу, производили детальную разведку — узнавали, можно ли вообще сунуться в помещение? Взбирались по лестницам... И шли, шли, шли вперед. С единой целью, с единой мыслью — быстрее задавить огонь.

Но совсем рядом, в двух шагах от них, сквозь разорванный взрывом бетон источал смертоносную радиоактивность поврежденный реактор атомной электростанции. Чудовищная температура плавил графит, сыпались обломки защиты, ядерное топливо излучало невидимую смерть.

Несколько часов провели пожарные на четвертом энергоблоке. Сколь тяжела и страшна была эта работа, можно судить хотя бы по тому, что часть земли перед станцией нынче срыли. Срыли, чтобы захоронить глубоко и навечно: так она опасна сама по себе. Настолько сильно пронизала ее радиация. Жизнью и здоровьем оплачены короткие часы неимоверно тяжелой работы в том месте, где и через месяцы находиться можно будет считанные минуты. Я видел, как при ликвидации последствий аварии в особо зараженные места посылали людей с превеликими осторожностями, и срок их пребывания там ограничивался минутами. И это тоже в газетах и по радио, на экране телевизора называлось подвигом. По праву.

Какой же подвиг тогда совершили пожарные?! Несомненно — величайший, ни с чем не сравнимый! Но возникают иные вопросы и недоумения. И как бы подробно и обстоятельно ни говорилось о причинах произошедшей в апреле трагедии, главная боль не отпускает: как можно было допустить такое, как это стало возможным?

Одна из причин аварии — и пусть это не покажется странным — психологическая. Те, кто бывал на атомных станциях, знают, как сильно отличается обстановка на них от, скажем, заводской, с неутомимым конвейером. У атомного реактора — тишина. Следи лишь внимательно за показаниями приборов. «Убаюкивает» сама атмосфера. Психологической расслабленности способствует и длительная «без приключений» работа реактора. Собранность, дисциплинированность персонала — вопрос, важный на любой атомной станции.

Да, подготовка специалистов для АЭС требует особого внимания и ответственности. Теперь, после случившегося, предусмотрено увеличить сеть тренажеров, при обучении будущих работников АЭС уделять особое внимание выработке у них умения и готовности принимать решения в экстремальных ситуациях, когда на размышления остаются считанные минуты. Не только оборудование, но и психологическая готовность обслуживающих АЭС должны быть в высшей степени надежными. Здесь, на четвертом блоке, как мы теперь знаем, работниками АЭС был допущен целый ряд грубых нарушений правил эксплуатации.

Блок, на котором произошел взрыв, был введен в строй в декабре 1983 года. Работал он все это время, как и другие, весьма

удовлетворительно. Очень может быть, что бесперебойная работа станции и привела к некоторой самоуспокоенности и благодушию, что в свою очередь могло явиться косвенной причиной безответственности и недисциплинированности, повлекшие за собой такие трагические последствия.

Суть произошедшего: четвертый блок должны были, как запланировано, после двух лет работы остановить для ремонта. Но перед его остановкой дирекция атомной станции наметила провести испытания одного из турбогенераторов. А качество программы испытаний оказалось, увы, низким. В этой программе не были предусмотрены необходимые меры безопасности.

За несколько часов, а точнее, 25 апреля в 14 часов, была отключена система аварийного охлаждения реактора и те, кто должен был заниматься экспериментами, уже хотели было приступить к испытаниям, но по требованию диспетчера Киевэнерго вывод четвертого блока из работы был задержан. Блок, к сожалению, продолжал работать до последней секунды, то есть до 1 часа 23 минут ночи, с отключенной системой аварийного охлаждения.

...Программа испытаний, что уже не лезет ни в какие ворота, не была согласована ни с представителями главного конструктора реактора, ни с главным проектировщиком станции, ни с научным руководством по ядерной безопасности, постоянно находившимся на станции. Поэтому многие специалисты — те, кто вроде бы мог по своей квалификации или специфике работы ответить, что же произошло, — в первые дни и часы ничего толком объяснить не могли. Ведь у них не было фактов. А догадываться о безобразиях — такое попросту и в голове не укладывается...

Есть такой специальный термин, применяемый в современной технике, — «защита от дурака». Смысл этого не слишком парламентского выражения — создать такую систему, которая сама ограждала бы себя от неправильного обращения.

До недавнего времени казалось, что на АЭС многократные блокировки, суперсовременная техника и технология оградят от любых случайностей. И все-таки, выяснилось, что создателям черновобильского реактора (вполне современного, превосходящего даже своих собратьев по многим параметрам) не удалось предусмотреть эту самую «защиту от дурака». Чрезмерно длинная цепочка упорных нарушений правил при эксплуатации четвертого блока, о которой я рассказал, закончилась неожиданно для его создателей и для тех, кто там экспериментировал... Закончилась взрывом.

Не слишком ли велика плата за прогресс энергетики — опасность аварий на станциях, гибель людей, заражение окружающей среды? Не станем спешить с окончательными выводами. Хотя, казалось бы, чего проще — не строить станции на таком коварном топливе. Но тогда не

логично ли отказаться, скажем, от химического производства? Ведь в 1947 году в США, в Техасс-сити, произошел взрыв нитрата аммония. Погибло 576, ранено 2000 человек.

В 1979 году в Канаде, недалеко от Торонто, произошло крушение поезда с жидким топливом, нефтехимическими продуктами и хлором. Из пораженной ядами зоны было эвакуировано 250 тысяч человек! Но даже такая страшная катастрофа не остановила движение поездов по железным дорогам.

А море — так ли оно привычно и безопасно? А космос? Да что говорить, слишком много джиннов пришлось бы заталкивать в бутылки обратно, если бы мы стали следовать логике: опасно — значит, не дразни судьбу.

И те аварии, о которых я упомянул, и те, что подскажет читателю его память, заставляют ученых сегодня прийти к самому, пожалуй, серьезному выводу.

Основная причина подобных катастроф — дефекты во взаимодействии человека с техникой. А чем сложнее и мощнее техника, тем дороже обходятся людям эти дефекты.

Если техника — просто автомобиль, а человек — просто нетрезвый водитель, трагедия коснется в большинстве случаев одной или двух семей. В атомной энергетике техника во сто крат сложнее. Потому тут небрежность и легкомыслие оборачиваются горем тысяч и тысяч.

При этом как бы многократно ни проигрывались варианты возможных неполадок, как бы многоступенчато ни блокировались все возможные и невозможные сценарии нарушений технологии, как бы суперсовременна ни была техника, уповать на то, что машина сама по себе защитит и спасет, — наивно. Единственная надежная «защита от дурака» — человек. И это единственный закон безопасности не только работы АЭС. Это закон безопасности каждой отдельной человеческой жизни, жизни целых народов, государств и континентов.

После Чернобыля мы с обостренным вниманием вчитывались, вслушивались в каждое сообщение об авариях. Они происходили, увы, и на море, и на суше, и в небе. Поэтому не приходится удивляться, что в наших умах как бы сама собой «ввязалась» цепочка страшных происшествий.

Трагическое столкновение пассажирского теплохода «Адмирал Нахимов» с сухогрузом близ Новороссийска... Лоб в лоб ударившиеся пассажирские поезда в Кировоградской области... Рухнувший при испытаниях мост через Даугаву...

Эти события, повлекшие гибель многих, имеют между собой нечто общее. В широком смысле причина тут одна — безответственность. Безответственность, парализовавшая волю, совесть, профессиональные навыки. Многолетняя привычка к показухе и барабанному треску, к цифрам, к красивой отчетности, за которой прятались маленькие трещины. Эти незаметные до поры изъяны не могли не разрастись и не обнажиться.

Катастрофы, повлекшие за собой гибель людей,— наиболее болезненные для всех нас проявления таких изъянов.

И то, что мы говорим сегодня об этом прямо, во весь голос, то, что пытаемся в каждом случае дойти до корней, до сути происшедшего, сделать так, чтобы ничто не могло увести в сторону от ответственности виновных в трагедии,— это тоже урок Чернобыля. Единство слов и действий, принципиальность и ответственность — залог того, что чрезвычайные происшествия в нашей жизни станут действительно чрезвычайными.

Но при всей видимой, а скорее, логически прослеживаемой связи чернобыльской драмы с иными событиями 1986 года авария на АЭС все же стоит особняком. Она как бы предупреждение из дня завтрашнего. Человек, вооружая себя суперсовременной техникой, будь сам на ее уровне! Чудовищные по своей силе и необратимости последствий «возможности» атомной энергетики несовместимы с мышлением на уровне паровой машины. Речь идет не только о технических знаниях специалистов, эксплуатирующих конкретный энергоблок, отвечающих за конкретную работу. Весь механизм наших взаимоотношений — экономических, человеческих — требует обновления. Ибо трудно даже представить, как далеко могут завести сегодня последствия бездумных действий или бездействия любого человека, казалось бы, даже далекого от Чернобыля. В единый клубок переплел век сложнейшую экономику, наши дела и судьбы. И ошибка безвестного бухгалтера или сварщика, диспетчера или стрелочника, вчера еще такая «локальная», нынче может оказаться поистине роковой.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ ДНИ

Что происходило вокруг атомной станции!

Пожалуй, впервые так остро ощутил я тогда, в мае, надобность своей профессии.

Шумный и, как это ни стандартно звучит, действительно прекрасный Киев разглядывать долго не приходилось: 130-километровые (это только в одну сторону) поездки в Чернобыль с ночными возвращениями в гостиницу съедали время. Ночью приходилось суммировать увиденное за день, по возможности облекать это в стройные фразы, а утром вызывала редакция, и я диктовал очередной репортаж. И так день за днем, ночь за ночью.

Теперь о цене профессии журналиста. Эта гордость была рождена не сумасшедшим ритмом майских дней, нет. Привычка диктовать в номер вполне естественна для репортера. Но жажда информации, которая ощущалась здесь, в Киеве, да и, наверное, везде — чернобыльское эхо без преувеличения всколыхнуло страну, — была просто физической. Уже через день после приезда, толкая стеклянную дверь гостиницы, я знал, что меня спросят. Девушки-администраторы, знавшие поименно группу журналистов, встречали одними и теми же фразами: «Ну, как там в Чернобыле? Каков радиационный фон?»

И ...бойко пересказывали мне содержание моей же собственной статьи, которую я еще не видел (уехал утром, когда газета не поступила в продажу), а они уже успели прочесть. Они, многие другие требовали: подробности, подробности, подробности!

Это была абсолютно искренняя заинтересованность, так же как вполне искренне многие интересовались здоровьем корреспондента. Мой внешний вид, видимо, их успокаивал. Осмысливая сильно тогда преувеличенные в городе опасности, «примеряли» радиацию на себя. Раз уж я езжу «в самое пекло», то, по их представлениям, им, их семьям, детям, родственникам, знакомым, знакомым знакомых радиация, особенно страшная оттого, что невидима и неосязаема, впрямую не грозит...

Но с другой стороны, со стороны улицы, оттуда, где расположены кассы аэрофлота, железнодорожный вокзал, поступала иная, вполне паническая информация. Билетов не было, а возникшие словно чертики из-под земли спекулянты торговали билетами за фантастические цены.

Да, газеты не просто читали, их зачитывали, передавали друг другу, ссылались на них, спорили, когда попадались в статьях о Чернобыле разночтения... И жаждали новой и новой информации...

Позже, когда всю «раскрутилось» телевидение, и так-то не слишком людные к программе «Время» и к сроку передачи местных информационных программ улицы пустели напрочь.

И вместе с этим чувством причастности к интересам миллионов людей возникало обостренное чувство огромной ответственности за каждое написанное тобой слово.

Я вот сейчас думаю, почему не тянуло меня в те первые дни к описанию эффектных (в газетном смысле) мелких человеческих подлостей, которые, увы, как и во всякой большой беде, как и во всяком грандиозном событии, выползали и в Киеве, и в тридцатикилометровой зоне?

Почему, скажем, в первые дни не писал о воре, орудовавшем в опустевшей зоне, «чистившем» в оставленных людьми домах холодильники, о барыгах, перепродававших многодетным матерям втроедорога железнодорожные билеты, о напившихся на работе (это в аварийных-то условиях!) специалистах? Наверное, потому, что хоть и были такие события неприятной частью жизни, однако ж не главной.

Неясность обстановки... Тревоги — мнимые и реальные... Нервозность... Ну скажите, как можно было обвинять тех же беженцев из Киева в создании паники, когда по большому счету напряженность обстановки родили не в последнюю очередь мы сами, журналисты. А точнее, те, кто не давал нам реальной информации, кто, строго указуя перстом, говорил: «Совершенно ни к чему газетчикам знать, скажем, подробно о радиационном фоне».

Как в эти пронзительные дни впопыхах можно было ругать руководство станции за случившееся, когда и компетентнейшая комиссия не одну неделю всесторонне изучала документы, прежде чем вынести вердикт — виновата длинная и безобразная цепочка халатности и легкомыслия на самых разных уровнях...

Сегодня о многом из перечисленного я говорю. Что, прозрел, стал вдруг принципиальным? Не так. Оценки каких-то действий, предпринимаемых в Чернобыле, мною менялись не в зависимости от какой-то конъюнктуры, отнюдь. Просто, находясь в круговерти событий, трудно было подчас правильно оценить происходящее.

Помню, например, боль, смешанную с раздражением, желание тут же что-то предпринять при виде толпы людей у входа в ответственное учреждение. Как же так: без крова дети, женщины! Потом выяснилось, что эти люди сами сорвались, уехали из дома, не дождавшись организованной эвакуации. И вот теперь маялись. Искали, кто и как решит их судьбу? Но и их судить строго — кто вправе!? Если и побежали они от неизвестной, а оттого еще более страшной беды, то, значит, не нашлось специалистов, кто разъяснил бы, убедил в абсурдности такого поведения, усадил в автобусы, отправил, как это было сделано с десятками тысяч других.

И таких противоречивых картин в памяти немало. Особенно запомнилась мне старушка, сидевшая на лавочке под деревьями во дворе пятиэтажного дома. Подбородок ее был ярко-желтым — бабушка пила йод.

«Что же Вы делаете, мамаша?» — бросился я к ней.

И она мне объяснила, что лечится, что йод очень полезный и совершенно безопасный, потому что запивает она его... кефиром. Бабуся протянула для убедительности полупустую бутылку из-под кефира. Растолковать ей что-либо я так и не смог.

В тот же день выяснилось — в киевских клиниках больше совсем не радиационных больных, в них много людей, пострадавших от самолечения, в том числе с обожженным пищеводом. Сколько же сил потребовалось потом и газетам, и местному телевидению для того, чтобы развеять хотя бы эту нелепость.

Да, любое умолчание в те дни оборачивалось своей изнанкой. Но и пугать, преувеличивать беду было тоже опасно. Представьте, сколь точны и взвешенны должны были быть в те трудные дни слова и действия специалистов, руководителей комиссии по ликвидации последствий аварии, всех, кто занимался эвакуацией тысяч людей! И как благодарен я тем ученым и хозяйственным, партийным руководителям, которые в труднейшей обстановке не только смотрели правде в глаза, но и не боялись говорить ее журналистам. А стало быть, всем.

Эта «преамбула» показалась необходимой для того, чтобы правильно оценить происходившее в первые майские дни на территории Киевской области. Чтобы не было путаницы.

Путаница, впрочем, происходила. А началась она с географии. Поэтому прежде чем продолжить, уточню некоторые обстоятельства.

Видимо, все дело в названии — Чернобыльская атомная электростанция. Называется АЭС именно так, хотя и расположена в 18 километрах (по дороге, напрямую — 15) от районного центра Чернобыль с населением в 12,5 тысячи человек, уютного украинского городка, похожего благодаря зелени садов на большое богатое село.

Рядом же со станцией расположен город Припять. Современный, выросший вместе с атомной станцией. Это город, где живут и работают в основном те, кто обслуживает АЭС, и их семьи. Вот короткая «визитная карточка» этого современного города. Территория — 5,7 квадратного километра, население — 49 тысяч, общая протяженность улиц — 12 километров, сберкасс — 3, ресторанов, баров, кафе — 10, домов культуры, кинотеатров, танцплощадок — 3, общежитий — 23...

И вот к этому городу со всех концов Киевской области сразу после сообщения об аварии стали стягиваться силы. Сюда спешили те, кто должен был в первую очередь заняться борьбой с огнем и проверкой — не

коснулась ли беда самого города. А если да, то что она может принести его жителям?..

Вспоминает инженер А. Сахаров: «О пожаре на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС мне сообщили в 5.30 утра 26 апреля. И тут же объявили: срочно прибыть на работу. В 6.30 я был на месте и узнал, командировка уже выписана, самолет с подмосковного аэродрома вылетает в 9.00. Мы имели информацию, что на станции произошел взрыв, возник пожар. Но по скудным данным трудно было себе представить действительные масштабы происшедшего. В Киеве сели в 13.00. И сразу — в машину, которая спешила к станции.

Только подъезжая к тому месту, откуда открылся вид на главный корпус, на реакторное отделение четвертого энергоблока, стало ясно: обстановка воистину чрезвычайная.

В здании Припятского горкома партии собралась комиссия по расследованию причин аварии. На первом заседании приняли решение: в течение двух-трех часов специалистам из различных министерств и ведомств разобраться во всем досконально и доложить свои предложения.

Наскоро пообедав, я вместе с группой специалистов Главного управления пожарной охраны МВД СССР выехал на АЭС. Переодевшись в санпропускнике, мы прошли через «грязную зону» в машинный зал.

Там на удивление царила деловая обстановка. Первые три блока работали, персонал выполнял свои обязанности без суеты. Переговорив с дежурными на блоках, а затем в штабе гражданской обороны (в подвале, где размещается дирекция станции), мы воссоздали примерную картину аварии. Естественно, только со слов присутствующих: очевидцев и работавших в ту ночь не было, практически всех забрали медики...»

Прервем пока инженера. Люди тогда действовали на редкость самоотверженно. Но были ли их действия абсолютно верными? Нет, я не пытаюсь преуменьшить заслуги людей или поставить под сомнение работу по ликвидации последствий аварии. Объективно, в такой обстановке без ошибок не обойтись...

А город тем временем жил своей жизнью. Лишь немногие, собрав кое-какие пожитки, выезжали или выходили из Припяти. В основном население еще не поняло до конца серьезности сложившейся обстановки.

...К 19.00 члены комиссии и созданного штаба стали возвращаться в горком партии, обменялись впечатлениями. На вечерне-ночном заседании комиссии (а оно продолжалось до 4 часов утра) предлагались разные варианты проведения спасательных работ, намечались различные мероприятия. Зашел разговор об эвакуации Припяти. Было решено дождаться утра, тщательно выяснить радиационную обстановку и только тогда принять кардинальное решение.

...Из «кратера» реактора тем временем «выходил» небольшой дымок. А ночью из окна гостиницы были видны даже свечение и отблески пламени.

А. Сахаров: «По предложению Минэнерго перед подразделениями пожарной охраны была поставлена задача ликвидировать горение (скорее, свечение) подачей воды в кратер. Мы категорически возражали, так как для этого было необходимо направить людей в зону повышенной радиации. К тому же подача воды на раскаленные конструкции и элементы реактора могла вызвать самые нежелательные последствия.

Было все-таки отработано три варианта подачи воды в реактор. Однако последующая проверка с земли и с вертолетов показала: эти варианты не могут быть задействованы. Почему? Взрывом строительные конструкции были разбросаны на значительное расстояние от блока, и установить пожарную технику здесь без ликвидации завалов не представлялось возможным.

Тогда в дело вступили вертолетчики. Первые такие полеты были проведены на вертолете МИ-8 во второй половине дня 27 апреля. Открывая боковую дверь вертолета, мы сбрасывали мешки со специальным огнетушащим порошком (а затем и с песком) вниз, производили пристрелку. Увы, мешки сыпались мимо... Тогда по нашим чертежам были изготовлены специальные контейнеры, а затем приспособлены старые тормозные парашюты. Позже с борта сбрасывалось одновременно до 3—4 тонн песка, борной кислоты...»

27 апреля принято решение об эвакуации жителей.

«Какое-то особое состояние мы все испытали, находясь в городе, население которого было эвакуировано,— говорит инженер. — Совсем недавно оживленный, он опустел. На улицах — ни одного человека. Вечером и ночью — мертвая тишина, слепые окна, как в фантастическом фильме».

Что же было в это время в Киеве? Как оттуда поступали сообщения о первых принятых мерах, которые должны обеспечить безопасность населения?

В рассказе об этом без повторов не обойтись. Кроме того, люди видели события неодинаково в силу своей причастности к делу, разного уровня технической грамотности, просто жизненного опыта. Но, как мне кажется, любые, пусть иногда разноречивые, точки зрения на эти дни имеют право на публикацию. Ведь только «сумма» взглядов и даст непредвзятую картину происходившего. Картину, не имеющую аналогов.

...Четко и самоотверженно действовали в сложной ситуации не только пожарные и вертолетчики, но и другие службы, в том числе и милиция. Надо было перекрыть въезд в город всему транспорту, который не связан с ликвидацией аварии и оказанием помощи пострадавшим.

Кроме того, поддержать в городе порядок. И наконец, необходимо было перекрыть все подъезды к АЭС для лишних на тот момент машин.

26 апреля к 4 часам утра в городской отдел внутренних дел первыми для оказания помощи прибыли сотрудники милиции из соседнего Полесского района, затем — из Чернобыльского и Иванковского. Все силы были брошены на организацию контрольно-пропускных пунктов, на перекрытие дорог, в оцепление, сгруппированы для несения контрольно-постовой службы в городе, охраны важных объектов.

В особых условиях оказались сотрудники этих самых контрольно-пропускных пунктов. Здесь, вблизи от места аварии, близ от горящего здания, была, естественно, наибольшая опасность. Но одновременно сюда же спешили спецмашины, и поток их нужно было регулировать. Сотрудникам автоинспекции из Припяти в первый день пришлось нести службу по 10—12 часов.

Да, потрачено немало сил. Но порядок на дорогах был наведен. К тому времени и пожар потушен.

Как только рассвело, специалисты сели в вертолеты и начали облеты станции, чтобы с близкого расстояния осмотреть четвертый блок, выяснить его состояние, определить количество и объем разрушений, произвести замеры радиации, выбрасываемой в атмосферу. Словом, если пользоваться языком военных, гражданские люди — ученые, инженеры, техники — шли в настоящую боевую разведку.

Какова была опасность для них? Безусловно, большая. Но только они могли точно ответить на все вопросы, без чего и шагу сделать было невозможно. И люди шли на заведомый риск для спасения других людей, тех, кто еще ничего не подозревал в мирно спящей Припяти...

А вскоре, как вы уже знаете, вертолеты стали брать на борт не только людей, но и грузы. Началась засыпка с воздуха «кратера» четвертого блока. Вниз летели мешки с песком и специальными порошками...

Смысл этих продолжавшихся много дней также чрезвычайно опасных работ — попытаться «законопатить» жерло кратера. Для чего? Чтобы сбить выбрасываемые оттуда зараженные радиацией «выхлопы». Пилоты машин для точности попадания снижались до возможного минимума. Иначе попасть в кратер было трудно: пожар искорежил крышу, там торчала оплавленная огнем арматура, балки перекрытий разрушились...

Да, у станции, у самого четвертого блока было тяжело работать. Фон там был очень высокий. Но, как выяснилось, не везде. Радиация «выпала» местами, словно оспины на лице человека, перенесшего болезнь. Местами — густо, а местами — пусто. Однако и это стало ясно не в первый день.

Вернемся вновь в Припять. Там были предприняты первые защитные действия — врачи начали обходить население. Они обеспечили всех препаратами стабильного йода. Эта мера нужна была для профилактики против возможного поступления в организм радиоактивных изотопов

йода, которые так характерны для выброса из атомного реактора. Эта мера чрезвычайно важная. Все работы по обеспечению населения препаратами стабильного йода были закончены быстро. Увы, так не всегда случается при авариях. Советские врачи учли прошлый опыт, например аварии на атомной станции Тримайл Айленд в США, где это же лекарство было роздано лишь в конце четвертых суток.

Как выглядело самое первое утро после аварии жителей Припяти? Вспоминает Клавдия Радуль: «Мы встали рано, в семь. Я торопилась отправить сына Виталика в школу, а сама спешила на рынок. Хотелось купить зелени — и для домашних, и самой надо много витаминов, ведь через месяц ждала второго ребенка. Только муж утром спал — вернулся с рыбалки.

Когда я пришла на рынок, оказалось, что он закрыт. Что-то случилось! И тут услышала: на атомной авария. Как гром среди ясного неба...

Бросилась в школу, к сыну. Школа заперта, детей из здания не выпускали. Меня, как могли, успокоили. Сказали, что с детьми все будет в порядке. Потом уже по радио я услышала, как надо себя вести — выступали врачи. Они объяснили, что детей не стоит выпускать на улицу, да и самим лучше быть дома. Сын пришел домой после обеда, и в субботу мы уже больше никуда не выходили.

А наутро в воскресенье в дверь постучали и велели подготовиться к отъезду. Взять запас продуктов на два дня. Из дома не отлучаться — возможно, будет эвакуация.

Днем передали новое сообщение по радио. Сказали, что к двум часам дня к подъездам будут поданы автобусы. Лишних вещей попросили не брать. Конечно, все мы волновались и многого не понимали. Я больше всего беспокоилась об одном: брать или не брать пеленки? Вдруг роды в дороге? Волновалась и за Виталика: как же он без школы, без занятий? Никто не знал, надолго ли уезжаем...»

Эвакуация... Знакомое по военным сводкам, страшное слово. А здесь — под ясным небом... Эвакуация требовала, с одной стороны, такта и понимания, с другой — особой скорости выполнения. И милиция вместе с городскими властями с этим важнейшим делом справилась.

Вся Припять была разбита на пять секторов — каждый охватил один жилой микрорайон. В соответствии с секторами было укомплектовано и пять эвакуогрупп. Основная тяжесть всех трудностей эвакуационных дел легла на участковых инспекторов. От них во многом зависело, как быстро и четко пройдет сама эвакуация. Ночь и половину дня готовились списки, распределялись сотрудники в соответствии с количеством домов и подъездов (а последних — 700), проводился подсчет нужно-то транспорта.

Автобусы делили на каждый сектор, водители четко получали свои маршруты.

«Эвакуация была объявлена в 14.00,— вспоминает начальник политотдела Министерства внутренних дел Украины А. Боровик.— В 13.50 в каждом подъезде появился наш сотрудник, который обошел все квартиры и предупредил людей, дублируя переданное раньше сообщение по радио. Сборных пунктов не устраивали, для того чтобы избежать сутолоки и паники. И добились желаемого».

Результат говорит сам за себя: в течение менее чем трех часов практически все население города (почти 50 тысяч) было эвакуировано на 1100 автобусах, которые растянулись по шоссе на 20 километров. Этой огромной колонне была дана зеленая улица — движение без пробок и заторов.

Те немногие, кто не успел эвакуироваться вместе со всеми жильцами своего дома, подъезда, приходили в милицию. Их быстро доставляли на эвакуационные пункты и по мере накопления рассаживали по прибывавшим вовремя автобусам. Даже тех, кто в этот выходной день мог уйти с утра пораньше на рыбалку или в ближайšie леса, не забыли, отыскивали.

Как печальный анекдот рассказывали мне позже работники милиции о двух деревенских старушках, что спрятались так далеко и «прочно», что их даже после прочесывания местности обнаружить не удалось. Вышли бабушки из укрытия только 28 мая. И сразу попали в больницу. Одной — 85, другой — 74 года. Невыносимо трудно, конечно, в такие годы оторваться от родимого крова, покинуть обжитое место. И не упрекнешь их. Только и можно — пожелать здоровья и покоя на старости лет...

Город опустел... Но не остались брошенными дома со скарбом, магазины, учреждения — словом, ничто. Сразу же после эвакуации в дело вступила служба охраны. Все личное имущество 49 тысяч горожан поступило под постоянную охрану. В пустом городе ездили теперь лишь спецмашины с патрулями.

Колонну с жителями города уже ждали. Места для их нового жительства были определены. Но, к сожалению, эвакуация на этом не закончилась. Ученые определили круг выселения из опасной зоны — 30 километров.

И линия, 30-километровым кольцом окружавшая АЭС, плотно сомкнута. Внутри нее остались только те, кто занимается ликвидацией последствий аварии или работает на трех оставшихся блоках атомной станции. Были организованы регистрационная служба, адресный стол для потерявшихся.

Сигнал о несчастье с Чернобыльской атомной поступил в Министерство здравоохранения Украины одним из первых. Прошло лишь несколько часов, а в окружающих АЭС районах было сконцентрировано такое количество медиков, что его хватило и для профилактического

осмотра людей, находившихся недалеко от станции, и для оказания помощи пострадавшим.

А пострадавшие были. Помните записки людей, тушивших огонь на четвертом блоке? Многие из них заканчивались словами: «Дальше как было дело, не знаю: меня забрали медики». Ближе всего к месту трагедии находилась медицинская часть № 126.

Рассказывает профессор Ангелина Гуськова из московской клиники, где позже будут произведены операции больным, радиационное поражение которых определялось как сверхтяжелое: «Первое, где себя великолепно проявили медики, и прежде всего специалисты медсанчасти № 126 города Припяти,— это опознание среди большого числа людей — взволнованных, уставших, обгоревших или просто надышавшихся дымом — нуждающихся в специальном лечении. Представьте, что там творилось после взрыва и пожара!..

Однако врачи сделали все, что нужно, чтобы тяжелые больные практически без потерь перенесли долгую транспортировку в Киев и Москву. За первые, видимо, самые трудные сутки там, на месте, в районе повышенной радиации, было сделано до тысячи анализов и осмотрено столько же людей».

Из них для сверхсрочной отправки выбрали первых сто. Тремя самолетами с небольшим промежутком они были вывезены из района атомной станции. Лучшие профессора страны, специалисты с мировыми именами получили выписки из местных больниц от врачей, кото- 111.ю впервые в мире столкнулись с подобным. Это были срочно отобранные из огромной массы людей пострадавшие, действительно те, кто нуждался в лечении здесь, в Москве...

Вспоминает хирург медсанчасти № 126 Татьяна Бонадысенко: «Бывший школьный лагерь отдыха «Сказочный» превратился за считанные часы в госпиталь. Здесь медики оказывали помощь, следили за состоянием здоровья рабочих АЭС. Да, все мы трудились тогда не покладая рук и проделали огромную по объему работу. Найти пострадавшего, вынести на себе, доставить в приемный покой, вернуться и вновь повторить то же самое... Этим занимались водители и мои коллеги в страшные ночь и день 26 апреля. Осматривали, оказывали первую помощь, нуждающихся направляли в стационар. Паники не было.

Время остановилось: перед глазами лишь непрерывный поток больных, нуждающихся в помощи. Все палаты терапевтического отделения стали палатами интенсивной терапии. Много сил и времени отнимала постоянная дезактивация. Штаб обеспечивал всем необходимым, организовал дозиметрический контроль, йодопрофилактику.

И вдруг удар: умер больной. Знали, что его поражение несовместимо с жизнью, но... Как больно, какое чувство беспомощности... Однако

оставались десятки других больных, за жизнь которых надо было продолжать бороться».

Некоторые из тех, кто первым вступил в борьбу с ожогами и лучевой болезнью, вскоре оказались вдали от АЭС: они выработали свой «лимит» в зоне аварии и переведены в другие места. Первые дни заделали радиационным крылом и их, медиков из Припяти. Ни один из них, конечно, не мог тогда и предположить, что превратится из врача в пациента.

У операционной медсестры Лилии Булявичене так и осталась лежать в тумбочке ее квартиры в Припяти путевка в туристическую поездку по Средней Азии. На май...

Врач Александр Якимчук, завезший 28 апреля пациента в полесскую больницу, неожиданно для себя сам оказался госпитализированным. Но посчитал это в пылу работы ошибкой и очень просил шофера своей автомашины «скорой помощи» подождать его до утра. Думал, что утром коллеги исправят диагноз, что нет у него радиационного поражения.

Беда никогда не приходит вовремя — это так же верно, как то, что никого из них она не застала врасплох.

Вот хроника ночи, что провели врачи из медсанчасти № 126 с 25 на 26 апреля.

Валентин Белоконь — врач «скорой помощи»: «Всю ночь — на колесах: вызовы, вызовы, вызовы. В начале второго заехал в медсанчасть, а диспетчер с порога: «Немедленно на станцию, там пожар! Саша Скачок (это наш фельдшер) уже выехал».

На станции были уже пожарные, я поставил три наши машины так, чтобы всем было видно, где мы находимся. До реактора — метров сто. Первыми стали отправлять пожарных. Работы было так много, что водителям Гумарову, Винокуру и Юрченко пришлось гонять по кругу: больница — станция, станция — больница. Часов в пять я почувствовал металлический привкус во рту, головную боль, тошноту... Все понял и попросил разрешения уехать. К этому моменту меня уже сменила Галина Гавойчик».

Анатолий Винокур — водитель «скорой»: «Мы с фельдшером Скачком выехали на АЭС вместе с пожарными по первому сигналу тревоги. Нам тут же погрузили обгоревшего человека. Позже я узнал, что это был энергетик, работник АЭС, оператор Александр Шашенок. Мы помчались. Потом я еще раз шесть ездил на станцию. Машину проверяли дозиметром. Стрелку этого прибора, указывающего уровень радиации, клонило в сторону: опасность была высокой... Но не ездить за пострадавшими было нельзя. Утром я вернулся домой. Жена испугалась, потому что одежду я снял и оставил за порогом. А днем опять вышел на работу».

Владимир Печерица — заместитель главного врача медсанчасти №126: «Практически все, кто был нужен, собрались к началу третьего ночи, когда над станцией пламя еще бушевало. Мы с женой, она тоже

врач, ушли тихо, чтобы не будить сыновей. Но оказалось, они в 3 часа проснулись и очень волновались, особенно младший.

Заведующие отделениями клиники Нуриахмедов, Бень, Мальцева решали сразу несколько задач: мыли, обрабатывали, делали первые вливания поступающим со станции, занимались перераспределением по палатам тех, кто уже лежал в нашей клинике, носили и устанавливали новые кровати, готовили растворы... А уже вечером 26-го первая партия пострадавших была отправлена спецрейсом в Москву».

Лилия Булявичене — операционная медсестра: «Меня подняли телефонным звонком. Потому я поняла, как сложна ситуация. Когда приехала, в реанимации уже лежал Саша Шашенок, но я его не узнала, хотя мы и соседи по дому...»

В эти первые сутки особенно тревожно было тем из медиков, чьи близкие работали на станции. Как и всех, медсестру Людю Шашенок подняли по тревоге — в последние часы жизни мужа она была рядом с ним.

Когда началась эвакуация города, из Припяти медики уходили среди последних. Они продолжали дежурство даже после того, как уехали жители. В их медсанчасть еще продолжали поступать больные — значит, нужно было ухаживать за ними, стирать, готовить. Но по санитарным соображениям были уже закрыты кухня, котельная. Тогда из дома стали носить для всех еду, принесли чью-то стиральную машину.

К концу дня 28 апреля приехала большая бригада врачей, лаборантов из Москвы. Стало легче.

Каждый из медиков знал, чем рискует. И чтобы глубже понять цену каждого их шага, скажем, что нашелся и такой человек, занимавший не последний пост, кто лишь в середине мая объявился телеграммой из далекого города. В ней был вопрос: не нужен ли он? Ему просто не ответили.

Скоро выяснилось, однако, что слово «быль», хоть и связанное историческими корнями со значением «быть», «существовать», в данном случае имеет отношение скорее к ботанике: былка — былинка — травинка, а черная былка, чернобыль — одно из названий полыни.

Законы распространения людской молвы таинственны и стремительны. Хотя мало в каком доме у нас есть Библия, строки об упавшей с неба звезде полыни и о третьей части вод, ставшей горькой, из откровения святого Иоанна Богослова стали известны почти всем.

Столетия назад толпы людей падали ниц и простирали руки к небесам: затмение солнца, извержение вулкана, землетрясение или наводнение — все наводило ужас, представлялось божественной карой за людские грехи. Не стал, увы, менее грешен человек за долгую свою историю, не чужд, к сожалению, и суеверия. Правда, затмение солнца

теперь богу не припишешь — о нем предупредят заранее, и тысячи желающих успеют закоптить стеклышки и с любопытством станут рассматривать солнечные протуберанцы, выбивающиеся за черный лунный диск. Но вышедший из повиновения атом вдруг начал рождать у многих почти забытые ассоциации.

Свет разума правит торжество в непрестанной работе ума, в ежедневной добыче знаний. Куда как проще отказаться от этой тяжелой работы, отодвинуть в сторону книги и уставить взор в одну-единственную — в Библию.

Волна слухов и мистических интерпретаций как нахлынула, так и исчезла, забылась. Но надолго останутся в людской памяти дни, когда пришлось покинуть родной дом, обжитую землю. Когда вновь зазвучало тревожное слово — эвакуация.

...Грустное это зрелище: безлюдные села Чернобыльского района, пустая Припять, по улицам которой лишь изредка проезжают патрульные машины с усиленной радиационной защитой, животноводческие фермы с наглухо закрытыми воротами...

А вдоль дорог, ведущих в Чернобыль,— съезжать с них категорически запрещено из-за опасности, которую таит в себе обычная пыль, ставшая радиоактивной,— притихшие поля, леса. И это здесь, где прежде и в будни было немало грибников, а по выходным дням, пожалуй, даже тесновато, куда, как говорят, «весь Киев» стремился на субботу и воскресенье.

Авария вынудила переселиться сто с лишним тысяч человек. Эвакуировались быстро, но спокойно. Отчасти это спокойствие объяснялось надеждой, почти уверенностью, что покидают свои дома на два-три дня, ну, может быть, на неделю. Прошло время. Уже давно из данных наблюдений стало ясно, что в некоторых районах 30-километровой зоны, объявленной потенциально опасной для здоровья населения, уровень радиации существенно не поднимался даже в самые неблагоприятные дни. И другие районы вернуться жителям можно будет не скоро...

В каждое село, которое заранее оповещали, приходили автобусы. Люди, захватив скарб, усаживались. Маршруты для этих автобусов также заранее были определены.

Сейчас чернобыльцы (так одним словом принято называть всех эвакуированных, из какой бы деревни или поселка они ни уехали) живут в основном в четырех других районах Киевской области. У всех есть крыша над головой, всем выданы безвозмездные денежные пособия, все устроены на работу (согласно специальному положению, минимальный их заработок равен среднему прежнему).

Как же это происходило? В памяти встают по-весеннему пронзительные солнечные дни начала мая. Дороги, по которым спешат

прочь из Чернобыля автобусы с людьми... Грузовые машины, в кузовах которых мычат коровы, блеют овцы... Другой скот, идущий по обочинам дорог... Внешняя спешка не рождала ощущения хаоса, хотя, конечно, проблем вокруг перемещения такого количества людей было немало. Ведь не только перевезти лишь бы куда, нет. Подготовить жилье, медосмотры, продукты, бани, питание маленьким детям... Тысячи, сотни тысяч забот! Всех и не перечислить...

Вспоминает первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г.Ревенко: «Сначала было принято решение об эвакуации из 15-километровой зоны. Но как только специалисты все обследовали и точно определили уровень радиации по каждому поселку, полю, деревне, лесам — зону пришлось расширить до 30 километров. Оттуда мы вывезли всех людей. Зону расширили из-за оправданной в данном случае подстраховки. Мы отлично понимаем, что речь в конечном итоге идет о здоровье наших людей. И тут двух мнений, как поступать, быть не должно. Лучше перестраховаться».

...Я еду по местам, куда спешат эвакуированные. Неожиданное препятствие: сотрудник милиции поднял жезл, и моя машина затормозила. В чем дело? Пункт проверки на шоссе, ведущем в Киев. В колонне рядом с нами стояли грузовики, рефрижераторы, «Волги»... Понятно: гигантский город пропускает через себя немалый поток транспорта. Сюда везут и продукты, и промышленные товары, и все надобное для сотен заводов и фабрик. Эхо чернобыльской аварии не должно помешать привычному рабочему ритму жизни столицы Украины. Стало быть, весь транспорт необходимо проверить — не несет ли он на своих колесах радиоактивную «грязь».

Вот подходит моя очередь. Медленно подъезжаю к специалистам, проводящим дозиметрическую проверку автомобилей и пассажиров. Вылезаю. Колеса, кузов «Лады» — в норме. Показания приборов говорят о том, что радиоактивной «грязи» нет. Однако и нас осматривают. Прежде всего обувь. Это правильно — мало ли по каким местам бродил корреспондент, собирая материал. Спрашиваю у милиционера о его работе. Тот улыбается: «Вынужден разочаровать: у меня на участке сенсаций нет. Весь транспорт, прибывающий в Киев, практически чистый. Но это не значит, что дело можно бросить. Ситуация призывает к особой бдительности».

Стоя в очереди автомобилей, подглядел я и иную сложность в работе милиционера: он — тактичен, а возможностей повысить голос, раскомандоваться — достаточно. Ведь спешащие окончить рейс шоферы зачастую нервничают, а тут — задержка. Но и те и другие, понимая ситуацию, стараются сдерживать эмоции. Через несколько дней такая проверка на дороге станет привычной и исчезнет вопрос, который пока еще задают многие водители: «Я ведь даже рядом с атомной станцией не

проезжал. Зачем меня проверять?» Строгость милиции в данном случае оказалась оправданной.

Итак, я в Макаровском районе. Здесь идет напряженная — с двойной нагрузкой — жизнь. Сюда тоже прибыли эвакуированные. «Можете представить всю сложность положения хотя бы по тому факту, что наш хлебозавод увеличил теперь выпуск вдвое — выпекаем по 24 тонны хлеба в сутки», — сказал мне председатель Макаровского райисполкома И. Кожуховский.

Эвакуированным в первые майские дни выдана безвозмездная денежная помощь — 370 тысяч рублей. Эти деньги предоставили профсоюзы. Две тысячи комплектов одежды, 1500 швейных и 4000 шерстяных изделий — только одна из партий, выданных бесплатно нуждающимся. Почему понадобилась одежда? Почти все думали, что вернутся очень и очень скоро. Увы...

Еще немного цифр, которые характеризуют и обстановку, и то, как в этой обстановке действовали различные министерства. Эвакуированным были предоставлены также практически сразу товары в кредит без первого денежного взноса. Помогли и с постельными принадлежностями — их сразу было выдано 16 400 комплектов. У некоторых появилась нужда в мебели — предоставили и мебель: 3800 кроватей и раскладушек, 3500 матрацев, на 62 тысячи рублей посуды, 300 газовых плит с баллонами... Условия, в которых они оказались, потребовали соблюдения особой чистоты. Для того переселенцам было выдано 8,5 тонны моющих средств.

Но вернемся в Макаровский район. В тот день, когда я здесь оказался, проходило размещение очередной группы людей, вывезенных из зоны. Расселяли их так: на один двор — два подселенных.

Я с удивлением разглядывал бланки, отпечатанные специально на этот случай. В этих листах, которые заполняют прибывшие, надо указать возраст, пол, откуда приехали, специальность, количество детей... С какой целью такая «бухгалтерия»? Это, как оказалось, необходимо в условиях срочной эвакуации. Для чего? Чтобы избежать трудностей с трудоустройством, с размещением и питанием детей, наконец, для того, чтобы родственники из других городов могли отыскать эвакуированных.

Иногда возникали проблемы, во всяком случае, для меня горожанина — необычные. Скажем, скот. Его в Макаровский район привезли 17 446 голов — коров, овец, свиней, разместили в девяти здешних колхозах.

Скотину же не только доить, но и кормить приходится!

А рассчитывали местные хозяева только на корм для собственных животных. Но резать скот на мясо практически нигде не стали. Было трудно, но рассортировали животных, привезли из других мест корм, построили или переоборудовали фермы...

Расселяли людей по домам обдуманно. К примеру, плотника селили к плотнику. У председателя колхоза разместили председателя, к бригадиру пригласили жить бригадира. Так они на дому быстрее о будущей совместной работе договорятся, скорее и к делу приступят. Ведь переселенцам «отдохнуть» времени не было: вновь возникавшие проблемы они решали вместе с хозяевами.

И теперь в каждом хозяйстве Макаровского района образовались два хозяйства. Срочно пустили в поля трактора: досевали кукурузу, травы... Впереди была зима. Жителей стало значительно больше, всех кормить надо. И не только кормить.

Население Иванковского района, куда были эвакуированы жители города Припяти, также увеличилось вдвое. Всех приехавших осмотрели врачи. Позже они тоже проводили профилактическое обследование. Хозяева помогали эвакуированным устроить жизнь на новом месте. Местные Советы наладили снабжение продуктами, организовали работу столовых, магазинов. Выдали двухсотрублевые пособия.

Селян на новых местах легче оказалось устроить на работу. Энергетиков из Припяти направили в командировки на другие атомные электростанции. Работников завода «Юпитер» и членов их семей приняли в Вильнюсе на заводе радиоизмерительных приборов.

Но все это гигантское перемещение людей не закончилось разом. В течение лета происходила, если так можно выразиться, своеобразная «внутренняя» миграция. Уже в новых районах «утрясалось» население в зависимости от количества жилья, рабочих мест, свободных площадей (а их в обжитой зоне почти не было) для посевов... Словом, часть людей из 30-километровой зоны снималась с мест не один раз. В Полесском районе, например, к июню осталась лишь часть прибывших в первые дни — 2 тысячи из 23 тысяч человек. Количество переселенцев уменьшалось, правда временно, еще и из-за того, что вывозили детей на курорты — школьников, малышей с матерями... Всех, кого можно и нужно было тогда. Их путь лежал в Крым, на юг Украины, в Краснодарский и Ставропольский края — в лучшие здравницы и дома отдыха.

«У нас начинается строительство 180 усадебных домов, — рассказывает заместитель председателя исполкома Иванковского районного Совета В. Корзун.— Вести его будут около полутора тысяч специалистов, приехавших из Киева и других мест. Так что вновь людно... Кроме того, в районе размещена база отдыха для тех, кто ведет работу по ликвидации последствий аварии.

Прибывшие помогают нам, а мы стараемся им помочь. В две-три смены работают столовые, магазины. Но не все пока удастся организовать так, как хотелось бы: база района на такое количество людей все-таки не рассчитана. Трудно со стиркой одежды, ждем помощи от министерства бытового обслуживания республики. Непросто и с транспортом — с

автобусами... Но с трудностями справимся,— заканчивает рассказ Владимир Васильевич.— Никто не говорит, что легко, но — справимся. Наши люди это понимают. Беда, постигшая чернобыльцев,— общая беда».

Одна тема бесед в те весенние дни меня, признаюсь, удивила. Это серьезные разговоры о том, как переселенцы будут чувствовать себя осенью, и в связи с этим — о капитальном строительстве.

Какое строительство? Миллион куда более важных на первый взгляд проблем стоял тогда. Еще всю шла эвакуация людей из 30-километровой зоны. Еще не все были, как говорится, накормлены и обогреты до конца.

Главное, казалось,— расселить, снять напряжение нелегкого переезда. Да и сами переселенцы, уйдя из родных мест, никак не предполагали, что кого-то в эти страшные часы может занимать вопрос нового капитального жилья.

Но в Киеве уже считали тонны цемента, миллионы штук кирпича, кубометры леса для новых поселков. А из областей Украины, тех, которых впрямую беда не коснулась, собирались в дорогу строители. Многие из них сами просились на такую работу.

Вскоре почти 50 тысяч строителей приступили к возведению десятков новых поселков для эвакуированных. Срок сдачи жилья, больниц, детских учреждений, магазинов и школ был определен: 1 сентября.

Да, без паники прошла эвакуация. Но это не значит легко, не задевая души людей. Оставляли-то родные, обжитые места, где дорог каждый камень, где каждое дерево памятно с детства. Вот каким наблюдением поделился с нами один из районных руководителей. Не выходила у него из головы (даже в такой суматохе) эта история. Суть ее, кратко, такова.

Переселенцы привезли с собой, как вы знаете, и скот — не только колхозный, но и свой, личный. На первых порах его кое-как разместили. Как-то утром увидел он пожилую женщину с подойником. Растерянную, заплаканную. В чем дело? Пришла подоить буренку — не пускают. Корова вроде уже и не своя — колхозная.

И вот объясняет ей председатель райисполкома: «Мать, тебе государство деньги за корову выплатит. А забрали животное потому, что ты ведь и так с семьей не дома живешь. Где ж тут стойлом, кормами корову обеспечишь? Так и себя, и скотину замучаешь...»

Та ни в какую. Привыкла к своей корове и иной жизни — будь тут хоть реактор рядом — знать не желает.

Выходит (и это правильно), авария — аварией, а привычки и уклад — своим чередом. И мешать это, по возможности, не стоит.

Незатейливая история — вроде бы штрих, мелочь в большом коловращении переселения: сколько людей стронулось с места!.. Но продолжала она волновать по настоящему председателя. Это и натолкнуло на простую мысль: если уж конкретная старуха и ее проблемы так сильно занимают районное руководство, то жизнь придет к надобному порядку.

Но в этой круговерти переселения происходило и другое — люди, случалось, на какое-то время теряли из виду родных, близких, если, скажем, жили они в соседнем селе. А село уехало в иное место. Больно, бессонницей, тяжелым стрессовым ударом легла эвакуация на людей. Но не сломила.

Жизнь и заботы на новом месте не были сладким пирогом. Это понятно. Но та же жизнь, будни, а главное, люди, которые так по-доброму встретили переселенцев, помогали им быстрее справиться с трудностями и обжиться.

Не обошлось, конечно, в этом многотрудном деле без человеческой нечистоплотности, желания нагреть руки на чужой беде, корысти. Была и несправедливость, были и обиды. Но главным все же, и мне пришлось быть этому свидетелем, стали объединившее многих в те тревожные дни чувство человеческого братства, желание помочь ближнему всем, что в твоих силах.

И чувство этого братства было велико. Оно, образно говоря, не имело каких-то четко очерченных географических границ. Далеко от Киевской области, от тех мест, где еще только наспех устраивали свои дела вынужденные новоселы, откликались на их заботы и проблемы. Наверное, самое высокое человеческое качество — способность сострадать. В «Известия» в ответ на репортажи из Чернобыля хлынул поток писем. И стало ясно: тысячи, десятки тысяч людей ставят себя рядом с теми, кого застигла беда. Чем могут, готовы помочь чернобыльцам. Мгновенно, сразу. Ну, хоть сейчас.

Вот письмо шофера из Сум Виталия Михайловича Сидоренко. От себя, от всей своей семьи пишет он:

«...как видно, трудновато в такой ситуации детям эвакуированных. Мы дома посоветовались и решили — пусть бы родители направили к нам своих детей. К моей маме в село Зеленое Белопольского района. Село небольшое, но хорошее. Дорога — асфальт. Всего один километр от трассы, легко добираться. Луг, ставок, будет им где купаться и загорать, рыба хорошо ловится. Хлеб, яйца — все свежее, хорошее... Пусть приезжают. Будем сердечно рады. И к деду (это тесть мой) их свозим, в Курскую область, в поселок Коренево. Дедушка на пенсии, будет их водить в лес. Сколько там земляники, грибов, орехов, какая красота».

И адрес свой шофер из Сум к письму прикладывает.

Это одно из тысяч посланий, почтой и телеграфом приносимых в нашу редакцию, в редакции других газет, в партийные и советские органы Киева и области.

А еще в этом потоке шли пожелания открыть в Госбанке специальный счет. Чтобы все желающие могли оказать быструю и посильную помощь. Как написала учительница, ветеран Великой Отечественной войны Т. Мороз, «чтобы мы могли оказать быструю и

посильную помощь в восстановлении нормального хода жизни». От сердца сказано. Такие, от сердца, пожелания и открыли в Государственном банке СССР особый счет. И получил он свой номер — 904. Эти три цифры моментально стали известны всей стране.

Финансисты, как и положено им, педантичны. И когда на счет № 904 в Госбанк СССР ежедневно стало поступать по тысяче и более платежных поручений, каждый документ по порядку подшивался в специальных книгах. Но в банке понимали: это документы не только отчетности, но и истории. На корешке каждого перевода — необходимые для регистрации лаконичные надписи: кто? откуда? сколько? Приходят в банк вместе с документами и письма, и протоколы общих собраний, и поименные списки живущих в доме, где каждый внес деньги в фонд Чернобыля.

Я рассматривал документы, столь непривычные для строгого старинного здания на Неглинной площади. Здесь, в Госбанке СССР, где обычно оперируют миллионными цифрами, вскоре и эти необычные послания, подсчитанные с педантичной точностью, «обросли» многими нолями. 500 миллионов рублей (и это не итоговая цифра) значилось здесь в ноябре. А были еще переводы в левах и злотых, донгах и долларах, фунтах и лирах...

Эхо чернобыльской беды для многих людей планеты отозвалось, словно личное горе.

Телеграфное агентство Советского Союза в майские и июньские дни часто передавало среди своих сообщений подобные новости: «Новгород. Унифицированные сборные здания общей площадью 2,5 тысячи квадратных метров и партию жилых домиков на колесах изготовили здесь для Чернобыля»; «Свердловск. Для ускоренной телефонизации населенных пунктов, прилегающих к АЭС, коллектив Свердловского завода «Промсвязь» изготовил сверх производственного задания телефонные станции. Они уже направлены в Чернобыль...»

Государство спешило на помощь эвакуированным. Забегая вперед, скажу, что летом на строительство домов усадебного типа было выделено 300 миллионов рублей. Только на Украине было построено больше 50 сел для переселенцев. Для работников атомной станции и жителей Припяти Киев предоставил 7,5 тысячи квартир, 500 — Чернигов. И как временное жилье — 10 тысяч мест в общежитиях. Кроме того, в Киевской области, в тех местах, куда не пришла беда, у местного населения было выкуплено и безвозмездно передано эвакуированным 6 тысяч домов...

Пожалуй, каждый из нас — участник огромной кампании по оказанию помощи людям, вынужденным покинуть родные места. Вспомним: ведь все мы как минимум день отработали безвозмездно. А деньги за наш труд в этот день были переведены в фонд помощи пострадавшим.

Прошло время, и поток писем с желанием помочь чернобыльцам в редакции, естественно, иссяк. Почему? Это не оттого, что люди загорелись сердобольностью на час. Совсем нет. Пришел в действие мощный механизм государственной централизованной помощи и заботы о людях, которых беда выгнала из родного дома.

Но вдруг посреди занятого обычной журналистской текучкой рабочего дня у меня в кабинете раздался неожиданный звонок. Звонили с восьмого этажа редакции — там расположен отдел писем: «Пришел странный пакет. И записка. Взгляните...»

Взглянул. И оторопел... В здоровенном, сделанном из плотной бумаги куле лежали — каждый отдельно — аккуратно упакованные в пластик, переложенные мхом двадцать два маленьких пакета. В каждом из которых был корень женьшеня. Да ведь такая посылка — целое состояние!

Из записки явствовало, что направил все это богатство в редакцию «Известий» из Омска Борис Карпович Пушкин. Он бы рад был еще летом снести на почту свои драгоценности, да к тому моменту «не поспел» женьшень. А Борису Карповичу очень надо было, чтобы великое это лекарство достигло полной силы. Ибо посылал он вместе со своими друзьями — такими же сибирскими садоводами-любителями корень в «Известия», чтобы мы его передали в больницу. В какую? В ту, где лечатся пострадавшие от радиации.

Вырастили люди такое добро на маленьких участках возле дач. У них нет плантаций. Для себя и самых близких сажали корень жизни. И вот самыми близкими посчитали чернобыльских больных.

Когда я рассказал об этом Ангелине Константиновне Гуськовой, профессору, мимо которой не прошел ни один тяжелый чернобыльский больной, эта профессионально сдержанная женщина даже несколько растерялась. Она была тронута. «Конечно, конечно, мы найдем корню применение. Есть у нас в клинике и такие специалисты». Помолчала, а потом добавила: «Обязательно используем. Спасибо».

Я уже знал, что в эту клинику, услышав о ее специализации, шли летом самые разные лекарства со всех концов света. Знал также о том, что всех Гуськова благодарила, но и всем почти отказывала. Была острейшая ситуация, и лечить больных можно было только досконально изученными и проверенными средствами. Гак что ее сегодняшние слова стоили многого.

...Но впрочем, я действительно поспешил, все это будет потом. А пока еще кипели переселенческие волнения у кольца 30-километровой зоны, еще только шли эшелоны с грузами, адрес которых — Чернобыль.

ГЛАВА IV

СТАНЦИЯ

Тревоги и заботы специалистов

Несколько слов в пояснение. Расспросы знакомых убедили меня, что мало кто из людей, не побывавших в районе аварии, правильно представляет себе местность. А от этого — досадные недоразумения. Чернобыль, давший имя атомной электростанции, повторю, находится в 15 километрах по прямой от нее и, следовательно, от взорвавшегося реактора. В Чернобыле люди живут и работают. На станции все действия полностью подчинены указаниям дозиметристов, регламентированы радиографической схемой, наложенной на топоснову, — картой уровня радиации.

Чернобыль — город теперь вахтовый, где, сменяя друг друга, работают члены правительственной комиссии, представители ведомственных штабов, военные, медики, повара, строители, милиционеры. Из Припяти — города, который не успели нанести на большинство карт страны и который расположен в двух с половиной километрах по прямой от четвертого энергоблока, на работу большинство сотрудников ходили пешком. В мае и июне в абсолютно пустой Припяти на улицах появлялись только патрульные бронемшины ГАИ и пожарных. Водители их не обращали внимания на светофоры, продолжавшие менять цвета, регулируя несуществующие потоки пешеходов и транспорта.

Многие зрители помнят кадр телехроники, запечатлевший детскую куклу, которая смотрит сквозь закрытое окно на пустую улицу...

На станции опаснее, чем в Припяти. И народа здесь много. В первое время смены доставляли сюда на бронемашинах, металл которых вдвое снижает уровень радиации. Рабочее время лимитировано рентгенами, поэтому нужно постараться, чтобы набранная в дороге доза оказалась минимальной. Позже, в июне, появились специальные автобусы, выпущенные львовскими машиностроителями. Сиденья в них расположены ниже, чем обычно: усиленные свинцом стенки защищают пассажиров, а стекла окон почти на всю высоту покрыты специальным составом. Этим белым составом закрашено и лобовое стекло, в котором оставлена лишь небольшая «амбразура» для обзора дороги.

Но в начале мая таких удобств еще не было...

...К станции мы, плотно задрав люки, ехали на бронетранспортере. Для водителя старшего сержанта Николая Олейника дорога за минувшие дни стала уже привычной. Дозиметрист лейтенант Юрий Мослак тоже выучил трассу, но для него она складывается не из поворотов и неровностей пути, а из пятен радиоактивного загрязнения. Но дозиметрист

заранее может сказать, что вот там, впереди, будет очередной «пик». Только сегодня, скорее всего, немного ниже, чем вчера.

У бетонной стенки канала, проложенного неподалеку от здания станции, стоят пожарные машины. На этот раз не на случай огня: по рукавам подается вода для мощных бетономешалок. Простая вроде бы вещь, но в чрезвычайной ситуации мелочей нет. Если бы вдруг вода иссякла, «закозлило» бы трубы, по которым бетон подается дальше, к аварийному блоку. «Распечатать» трубопровод уже не удастся — пойдет насмарку огромный труд, будет потеряно драгоценное время. Поэтому водоснабжение продублировано трижды.

У насосов, у стыков рукавов, там, где временные водопроводы пересекают полотно дорог, у бетономешалок — всюду дежурят люди. Радиационный фон здесь довольно высокий, но при авральской работе первых дней совершенно необходимо исключить любые неожиданности, любые сбои — слишком дорогой может оказаться цена даже небольшой ошибки. Был случай, когда машина с негабаритным грузом зацепила магистраль, — стыковочный замок раскрылся, прервалась подача воды. Эту аварию удалось быстро устранить только потому, что наблюдатель моментально заметил произошедшее. Визуальное наблюдение — это, так сказать, «ручной труд» здесь, перед зданием станции. Он необходим, как как нет, совершенно нет времени на прокладку стационарных, надежных коммуникаций — к аварийному реактору нужно постоянно и бесперебойно подавать бетон.

Многие решения приходится искать на ходу. Вот, например, магистраль, по которой подается вода для охлаждения, проложена над дорогой по пожарной лестнице, опирающейся на две большие цистерны. Мелочь? Но иначе пришлось бы строить эстакаду, а вода нужна была сию минуту! Мелочей на станции нет. Еще одно изобретение — дождевальная установка, смонтированная на пожарной машине. Благодаря ей удалось значительно снизить радиоактивный фон воздуха в районе насосного пункта: капли захватывают зараженную пыль, кладут ее на землю. Люди, работающие здесь, получают теперь за смену меньшую дозу.

В здание станции мы идем с начальником военизированной пожарной части по охране АЭС майором Маевским. Он сменил на этом посту майора Леонида Телятникова, руководившего тушением пожара в ночь взрыва. Владимир Станиславович приехал сюда с Южно-Украинской АЭС сразу после аварии и за минувшие дни освоился уже, как у себя.

Сопровождая Маевского, я получил редкую возможность осмотреть практически всю станцию. Пока мы шли бесконечным лабиринтом коридоров, переходов, лестниц, майор рассказывал, что после аварии приходится вести наблюдение во всех помещениях огромного здания: автоматическая сигнализация сейчас не работает — отчасти из-за повреждений на линиях, отчасти из-за высокой ионизации воздуха. Ну, а как важна сегодня полная безопасность, напоминать не приходится.

«Недавно,— говорил Маевский,— случилась ложная тревога: запустили на станции дизельные двигатели. Они, разумеется, дали выхлоп. Дым заметили сразу с нескольких объектов, и отовсюду посыпались звонки в наш штаб, в штаб правительственной комиссии и оттуда — снова к нам. Что ж, лучше так, чем беспечность...»

Противопожарной службе приходится решать на станции множество самых различных задач. Пожарные начали операцию, за которой, затаив дыхание, следили в Чернобыле и в Москве. После аварии из разрушенных трубопроводов охлаждения реактора хлынула вода. Пятьсот тонн воды в час проходит через систему — вода эта собралась в бассейне, расположенном под реактором. Поврежденная взрывом и раскаленная до температуры в тысячи градусов установка, как опасались специалисты, могла сорвать фундамент и уйти вниз. Тем более что на реактор уложили с вертолетов огромную по весу «подушку» из защитных материалов. Пар в этом случае грозил разнести все здание и выбросить, разметать вокруг радиоактивную «начинку» — топливо, которого в реакторе почти 200 тонн.

Необходимо было срочно откачать воду из бассейна.

А для этого нужно прежде всего попасть в затопленное подземелье, выяснить обстановку на месте. Оказалось, что задвижки, регулирующие сток, покрыты полутораметровой толщиной радиоактивной воды и добраться до них практически невозможно. Да и неизвестно, в каком они состоянии, откроются ли?

Решили начать откачку воды пожарными насосами. Первыми заводить рукава в бассейн пошли пожарные В. Л. Бовт, И. П. Войцеховский и М. А. Дьяченко. Когда бойцы вернулись с задания, им тут же, на станции, вручили денежные премии — по тысяче рублей.

Мне не удалось поговорить ни с кем из троих: их вывели из опасной зоны. Но товарищи их рассказывали, что вознаграждение это оставило даже неприятный осадок: не из-за денег пошли на опасное задание. И трое премированных разделили сумму поровну на всех бойцов своих расчетов — знали, что каждый готов был пойти добровольцем. Потом больше суток экипажи добровольцев, сменяя друг друга, откачивали из-под реактора зараженную воду. Наконец показали задвижки...

Хронологию событий я знал еще до того, как первый раз попал на станцию, но тут, на месте, все воспринимается иначе. Маевский вел меня по галерее, обращенной окнами на тыльную сторону здания. Много времени спустя стекла закрыли свинцовыми шторами, а потом, уже осенью, перед пуском первого энергоблока, в репортаже для газеты я передавал, что свинец снят — обстановка нормализовалась. Майор открыл дверь, и мы вошли в зал, куда собраны нити управления станцией. Знакомит с начальником смены Чернобыльской АЭС Борисом Александровичем Барановым.

Худощавый человек с профессорской бородкой. Из-за белого спецкостюма и шапочки похож на врача, как большинство атомщиков.

«Сегодня относительно спокойно, — говорит Борис Александрович, — идет работа. Технические детали для непосвященных малоинтересны. Все события, все действия фиксируются здесь. — Он показывает на амбарную книгу, озаглавленную «Оперативный журнал начальника смены станции».

Есть там и сухая короткая запись о событиях, в которых Баранов принимал самое непосредственное участие. В тот день уровень воды в бассейне, который осушали, упал настолько, что показались задвижки. Если удастся открыть их, вода уйдет гораздо быстрее. И снова в бассейн отправились трое.

Баранов и старшие инженеры А. Ананенко и В. Беспалов натянули гидрокостюмы, взяли дозиметры. В бассейне абсолютно темно — пришлось освещать путь фонарями. Пробирались по затопленному коридору. Задвижки подались!

Когда вода сошла, на АЭС, в Чернобыле, в Москве вздохнули спокойнее. Угроза нового катастрофического взрыва была ликвидирована.

В подвальном помещении станции разместился оперативный штаб аварийно-спасательных работ — один из центров, направляющих действия по ликвидации последствий взрыва. В Чернобыле, в штабе правительственной комиссии принимают решения о необходимых мерах, а здесь заняты неотложными, сиюминутными проблемами. Сколько, например, специалистов — сварщиков, буровиков, бетонщиков — нужно направить на конкретный участок, какая требуется техника. Как лучше, быстрее, а значит, и безопаснее выполнить ту или иную работу.

В комнате рядом с канцелярскими столами стоят раскладушки. В коридоре у штабной двери построены нары, здесь отдыхают перед вахтой или, вернувшись, в ожидании транспорта.

В оперативном штабе мы встретились с министром транспортного строительства СССР Владимиром Аркадьевичем Брежневым. Он объяснял: «С «тыла» третьего блока АЭС вырыт котлован. Осыпающуюся землю укрепили сваями — забили шпунты. Из Москвы приехали 150 бурильщиков, привезли три установки. Предстоит пройти под землей из котлована к реактору большое расстояние. Это самое сложное — горизонтальное бурение. Когда все будет готово, в скважины загонят трубы и пустят по ним жидкий азот. 25 тонн в сутки. Азот создаст минусовую температуру — до 120—130 градусов. Промороженная земля надежно защитит грунтовые воды от загрязнения».

...Всей езды до котлована — минут десять. Но эта короткая дорога вдоль станции таит незримую опасность. Однако водитель у нас бывалый, это далеко не первая его поездка, и на самых опасных участках он резко прибавлял газ. Приехав на место, мы выбрались через люки бронетранспортера и прыгнули на землю. За спиной, как прикрытие, — стена блока АЭС. Под ногами — котлован.

«Вот бы сюда аппарат!» — подумал я. Таких фотографий никто никогда не делал. Но еще в подвале административного корпуса

специалисты, взглянув на мою «Лейку», сказали: «Ты бы, парень, государственную технику сюда не таскал. Вон у нас у одного даже часы отобрали: проверка на радиоактивность потом будет серьезная». А может, зря берег я редакционную технику? Но теперь уже поздно, и только записи — каракули, сделанные в блокноте, положенном на колени, — единственная картинка из центра особой зоны. Впрочем, вряд ли бы что и получилось на снимках, возьми я аппарат. Пленка, скорее всего, просто бы засветилась.

Спустились по песчаному грунту вниз, к буровикам. Люди у станка обернулись, выключили технику. И тишина повисла над котлованом. Лишь из отверстия начатой проходки лилась струйка жидкости, охлаждающей бур. Министр вступил в «специальный» разговор с бурильщиком, а я, воспользовавшись тишиной, расспрашивал окружающих. Пришлось тратить время и на разговоры со мной. Хотя счет его ведут тут строгий — на минуты. Работы регламентированы показаниями приборов.

От темпа их работы, скорости движения бура, ползущего из глубины котлована под реактор, зависела безопасность многих людей. В Чернобыле Иван Степанович Силаев говорил: «Сооружение «подушки» под всей площадью аварийного четвертого блока гарантирует нам...» Эту гарантию закрепляли тогда напряжением собственных сил и мастера, и слесари, и сварщики, и электрики.

Но вот бурстанок заработал вновь, наполнив «чашу» котлована привычным для стройки шумом. Вижу, как министр обернулся и поднял большой палец. Потом он объяснит, что смена уже дала десять метров проходки и это отлично, что в своем подземном пути бур не встретил бетонных преград и движется к цели...

Средоточие сил (и каких!) — академики, генералы, руководители отраслей, ведущие в своих областях специалисты — это чернобыльский штаб. Штабные решения осуществляются здесь. Сложнейшие работы производятся часто впервые в мировой практике. Понятно, что трудятся здесь настоящие мастера. Недаром поиск их шел по всей стране.

Спокойная обстановка царила в котловане, уверенность внушала фигура согнувшегося за рулем черниговского шофера Сереги, знавшего наизусть весь путь к реактору. Десятки людей прошли мимо меня через стеклянные двери административного здания АЭС — они спешили на работу. Не стану преуменьшать — дело, которым были заняты все эти люди, действительно очень опасно. Но делалось оно с полным осознанием самой опасности. Все четко понимали, что зависит от их ежедневного, ежечасного, круглосуточного труда.

...Аккуратно вытерли ноги о тряпку, лежащую в оцинкованном ящике у самого входа в административный корпус АЭС. Там же сдернули и кинули в кучу в углу специальные пластиковые чулки-бахилы, которые прикрывали нашу обувь и брюки. Куча быстро росла с возвращением смены. Вместе с хохочущими над родившейся уже здесь шуткой

молодыми ребятами прохожу в огромные душевые. Вся одежда, в которой человек был на промплощадке, остается здесь: после душа — все чистое.

На станции отключены установки автоматического контроля, которые прежде не открывали никелированных турникетов, «не убедившись», что работник выходит без единого микрорентгена сверх нормы. Сейчас нормы иные, и всех заканчивающих смену проверяют дозиметристы. Это не значит, что «поднят» порог безопасности. По-прежнему непреложно правило: человеку, получившему 25 рентген, на год запрещается работать с радиоактивными веществами. Но эти 25 сейчас набегает гораздо быстрее, чем раньше, до аварии.

...Ничего необычного осмотр не показал, приборы дозиметристов свидетельствовали: норма. Понятно, норма для особой зоны. А ведь в этой обстановке живут и трудятся люди. Много людей. Спускаясь вниз, я видел парня с короткой стрижкой, который ел прямо из банки с надписью «Борщ», слушал топографа, который, пытаясь за юмором скрыть профессиональную гордость, рассуждал о несчастной специфике своей работы: «Топографы, они что? Они первые приходят, разметку работ делают. Потом дожидаются, покуда работы окончат. Вот я сижу и жду который день».

Шутит, конечно: каждому здесь находится дело. Срочное. Важное. Неотложное. Оно требовало сил, умения, смелых решений от огромного числа людей многие дни. Когда слышишь слова «подвиг», «героизм», другие их синонимы, когда сам пишешь их, вспоминаешь: в особой зоне слова эти не произносятся. Хотя дело, которое делается здесь, иначе определить просто нельзя. Здесь, на АЭС, люди действительно совершали подвиг.

...Накануне этой поездки на станцию я встречался с начальником Управления пожарной охраны МВД Украинской ССР генерал-майором Филиппом Николаевичем Десятниковым. Когда мы беседовали в кабинете, стены которого увешаны картами и схемами, вошел подполковник Скобелев и доложил генералу: «Умер старший сержант Василий Игнатенко. Четвертый из наших...»

А на следующий день у четвертого блока я увидел пожарную машину с выдвинутой на всю длину лестницей. Она осталась стоять там, где разместил ее лейтенант Владимир Правик ночью 26 апреля. Каждая машина на счету! И решили вывести ее из опасной зоны и попытаться использовать. Но уровень радиации оказался очень высок — не подступиться. Потом выяснилось, что под днищем машины — осколки графита из реактора. Когда их удалили, фон упал, можно было начать операцию, соблюдая, конечно, все меры предосторожности.

Отогнать машину с выдвинутой лестницей нельзя — слишком опасно. Начались тренировки: в Чернобыле бойцы отрабатывали все действия с точно таким же самоходным шасси. Время засекали секундомером. Получалось, что укладываются в безопасную для здоровья дозу радиации. Но

и на этот раз машина осталась стоять на прежнем месте: специалисты из комиссии предположили, что лестница понадобится у блока для выполнения некоторых работ в будущем. Потом планы изменились, как это часто бывало здесь, где решения диктовала оперативная обстановка.

Спасти дефицитную технику так и не удалось. Лестницу заело, сложить ее не смогли, не смогли и убрать лапы-упоры машины. Пришлось заложить пиропатроны и отстрелять их — только после этого автомобиль вывели из опасной зоны. Но краска и металл оказались так сильно заражены, что машину пришлось отбуксировать на одну из площадок, где уже скопилось немало механизмов, которые, по-видимому, удастся вернуть в строй очень не скоро.

Разговор с крановщиком Владимиром Елышевым, одним из тех, кто эвакуирует технику из зоны высокой степени поражения, начался с обсуждения защитных свойств материалов. Он считает, что в этих условиях и при такой погоде лучше всего шапочка из плотной бумаги. Такой и пользуется на работе: голове легче, не жарко. Бумага так бумага, главная задача — уберечься от пыли.

«Работа обычная,— говорит он.— А радиация — так не нужно без толку суетиться. Проверь все сначала, посмотри, как лучше дело сделать. А потом действуй».

«Вы давно приехали сюда? Откуда?»

«Приехал... отсюда я — припятский. Нас эвакуировали. Сразу, как семья разместилась на новом месте, я вернулся. Нас семь человек семья. Устроили их хорошо. Нет проблем ни с питанием, ни с крышей над головой. Но ведь это все же не дома.

Я тут, на Припяти, с первого колышка, с 1970 года. Вот не выдержал, забежал недавно домой — сердце защемило... Со сколькими старожилками встречался, все хотят вернуться. Верю, что так и будет. Но сначала нужно эту работу сделать».

Работа оказалась дольше и труднее, чем представлялось в мае многим оптимистам. К осени жители Припяти получили разрешение забрать после дозиметрического контроля свои вещи из квартир, но вернуться сюда населению можно будет еще не скоро. Правда, по вахтовому методу тут уже работают: в городе открылась на базе бывшей химчистки специальная прачечная по обработке одежды. Она стала одним из подразделений цеха дезактивации Чернобыльской АЭС. Но об этой службе — в другой главе.

В мае на станции появилась первая радиоуправляемая техника для работы на участках, где для человека риск очень велик. Бульдозеры, способные срезать верхний слой сильно зараженного грунта, сгребать куски реакторного графита, разбросанные взрывом, другие радиоактивные обломки. На технику эту возлагали большие надежды. Создан даже специальный участок дистанционно управляемых механизмов.

Но опыта работы в столь экстремальных условиях ни у кого не было. Когда машины пустили в дело, оказалось, что очень быстро выходят из строя аккумуляторы: ионизирующее излучение разряжает их и мощные агрегаты бессильно останавливаются. Основную тяжесть труда по дезактивации территории и зданий станции пришлось нести людям.

Тяжелая работа досталась здесь всем — шахтерам, ученым, министрам, строителям... Вот о дорожных строителях я и хочу рассказать.

На станцию не ходят пешком. Не голосуют в поисках попутной. Короткая трасса, всего полтора километра: село Копачи — Чернобыльская АЭС. Дорога эта лежит под колесами огромных трайлеров, цементовозов, армейских машин. Спешат по ней львовские автобусы, тягачи, пожарные, непривычных форм инженерные машины...

Участок, видимо, самый загруженный в зоне. И самый новый: с момента окончания строительства дороги прошли считанные дни. Сегодня на этом вроде незначительном по размерам даже для 30-километровой зоны отрезке решаются, быть может, одни из главных задач по обеспечению всем необходимым площадки АЭС.

Как же она создавалась — короткая дорога к станции?

В начале мая сплошным потоком шли на атомную станцию машины. От Копачей до нее тогда было около 8 километров. Немного вроде, но... Долго подобным образом работать невозможно. Да и врачи не разрешат. И кто-то повернул баранку, взял напрямую.

За ним — другие. Быстро набилась ухабистая колея. Путь позволял выиграть время, уменьшить личную радиационную нагрузку. Но повисло над этим первопутком облако пыли... Сразу же преимущество в безопасности передвижения свелось на нет. Нужна была настоящая дорога. И немедленно.

Даже в той обстановке, когда не существовало понятия «раскачка», когда все решалось на месте, на организацию ушел день. Пока в Копачи собирали технику и везли материалы, нужно было создать бригады, оборудовать базу отдыха для смен. А самое главное — рассчитать время: сколько можно работать человеку на открытом пространстве, да еще в прямой видимости разрушенного реактора?

Решалась задача о двух точках, которые предстоит соединить прямой, осложненная тем, что в пункте А излучение втрое сильнее, чем в пункте Б. До мая 1986 года никто никогда такого не решал.

Вот в будущее полотно дороги засыпали первый щебень. Работали по схеме «два через четыре», два часа работы, четыре — отдыха. Но так, чтобы каждый — не более шести часов в сутки. Такая схема задавала темп и одновременно гарантировала безопасность.

А машины шли и шли. И туда, и оттуда...

Вспоминает главный инженер треста И.П. Марусюк: «Когда уже сделали дело и немного отоспались, я тронул товарища сзади за плечо. Он отскочил вправо — реакция на привычный наш сигнал: идет

бронетранспортер. Иначе во время строительства и не «переговаривались». Простого человеческого голоса тогда было не расслышать за лязгом техники...»

Бульдозерист Виктор Киричук о первом дне работы: «Яблони всюду цвели в Копачах. А впереди — черные развалины у реактора. И никого под открытым небом — только мы. Не по себе немного. Тем, кто рядом проезжает в машинах, спокойнее. Но втянулись быстро. За работой и не до страха, и не до лирики: только успевай поворачиваться. То, что с нами на равных работало начальство, дозиметристы все время рядом, тоже помогало, снимало напряжение».

Дорога работала и строилась. Одновременно. В непрерывный поток грузовиков вклинились бульдозеры, грейдеры, асфальтоукладчики, катки. Свежее покрытие подавалось под колесами. Его заравнивали. И полотно неостановимо тянулось к АЭС.

На базе в Чернобыле, где отдыхали сменившиеся, без всяких сводок чувствовали, знали, до какой отметки дошла трасса сейчас, дойдет через 20 минут. Знали не только техники, кому скоро вновь туда — на дорогу. Каждый метр ее выстрадали работницы дорожно-строительного управления № 39, дежурившие круглые сутки, чтобы накормить каждую вахту, державшие чайник горячим всегда, в любое время суток.

Мы ехали по этой дороге, заняв место в колонне других машин. Прошло всего ничего с того момента, как стала твердым покрытием последняя порция горячего асфальта, высыпанная на дорогу из последнего самосвала. Мы и не знали тогда, как дался строителям этот путь: 104 человека трое суток непрерывно прокладывали дорогу в полтора километра. Мы видели только темную ленту. И как-то не приходило в голову, что движемся мы по пути, каждый метр которого уложен в самые тяжелые и опасные дни. Что здесь не только техникой, но и руками орудовали люди.

«Обычно за смену, — говорит управляющий трестом «Киевдорстрой-2» А.Г.Деушев, — укладывали 300—350 тонн асфальтобетона. В последний день — больше 1,5 тысячи тонн. Конечно, все время держаться на таком уровне невозможно. Да и людей для подмены у нас не хватает. И все-таки, взяв темп в первые дни, идем и сегодня по новому графику. Что делаем нынче? Строим площадку для перевалки грузов, чтобы меньше автомашин въезжало в 30-километровую зону».

О ней, о новой транспортной цепочке внутри 30-километровой зоны рассказывал в свое время заместитель Председателя Совета Министров СССР И. С. Силаев.

Тогда в штабе правительственной комиссии, стоя у карты особой зоны и слушая крупного руководителя, я, конечно, понимал значение сделанного, перспективы новой тактики — максимум отдачи, минимум разноса «грязи» по зоне и полностью чистый транспорт у ее границ.

Понимать-то понимал, но за фразами и цифрами вставала лишь грандиозность дела. Но, как бы поточнее выразиться, не материальная, что ли. А тут — на новом полотне, среди бульдозеристов, водителей катков и просто дорожников, здоровенных ребят, красная черта на «штабной» карте приобретала ту самую недостающую «материальность».

...Как часто пассажиры с неудовольствием, а шоферы, чего греха таить, со злостью глядят из кабин на людей в оранжевых броских жилетах. Они посреди потока машин кажутся помехой, хотя, в сущности заняты устранением помех — рытвин да колдобин. Есть, право, за что клясть шоферам дорожников — об этом кричат сами дороги. Сложился некий стереотип взгляда па этих людей. Вроде они — у обочины.

Чернобыльская беда перевернула многие представления о ценностях. И в частности, о нужности профессии, точнее, разрушала «шкалу престижа». Во всяком случае у многих, с кем пришлось говорить.

Площадка у «края» зоны. Она оборудована кранами-погрузчиками, рядом — пункты дезактивации, заправочные станции, столовые и павильоны, где могут отдохнуть водители. Основное назначение перевалочных пунктов — защитить от радиоактивного загрязнения. Чем меньше транспорта попадет в зону, тем спокойнее. Но и тем меньше «потери» техники — дозиметрический контроль сейчас жесткий, автомобили с избыточным фоном вернуться за новым грузом уже не могут.

Известно: въезд на обочины дорог категорически запрещен. Там — злосчастная пыль. Полосы по обе стороны асфальтового полотна поливают составом. Он образует пленку, закрепляет верхний слой грунта. Но и этого все-таки недостаточно. Дорожникам сказали: вообще уничтожьте обочины! Теперь трасса Иванков — Чернобыль на всем протяжении становится шире. На некоторых участках почти вдвое. По объему эти работы можно сравнить с прокладкой новой трассы.

«Крупные тресты («Киевдорстрой-1» и «Киевдорстрой-2») ведут строительство, — уточнил диспозицию главный инженер «единицы» В. Хорошавцев, — в «общий котел». Конечно, принцип отчетности остался прежним: потом все равно закрываем процентовку. Но работаем вместе: дело не ждет, время не терпит».

Вернувшись в Москву на пару дней после длительного — весь май — пребывания на станции и выступая перед иностранными журналистами, вице-президент Академии наук СССР академик Е. П. Велихов сказал среди прочего такую фразу: «Возвращаться не хотелось — так работали!»

Многие в Чернобыле с гордостью говорили: «Решаем все максимально быстро. Людей оцениваем по их действиям». Решимость, ответственность за конкретное, труднейшее, никем не опробованное дело — вот что ярко выявилось здесь в первые же дни. Такой стиль работы — чрезвычайно важен: ведь ликвидация последствий аварии — дело не только многотрудное, но и нескорое.

...Работают трассы, ведущие в Чернобыль, на Припять. Нигде, пожалуй, не увидишь такого разнообразия номерных знаков, собранных в одну «точку»: машины из Ленинграда, с Кавказа, из Подмосковья, с Поволжья, из Прибалтики... Гладкой лентой ложится под их колеса трасса, которую строят дорожники всей Украины. Проносится техника, обгоняя медлительные тяжелые катки, которыми управляют дочерна загоревшие люди в треуголках из газеты.

А несколько дней спустя правительственная комиссия приняла решение о строительстве еще одной новой дороги. Машины, идущие с грузом на АЭС и возвращающиеся с промплощадки, не будут теперь заезжать в Чернобыль: в городе станет чище, путь к аварийному реактору — еще короче.

Длина нового участка — 3 километра 100 метров. Дорожникам предстояло выполнить грунтовые работы объемом 32 тысячи кубов, уложить 6 тысяч тонн асфальтобетона. Сроки реальные только для сегодняшнего ритма в особой зоне.

...Трудный май приближался к концу. У работающих на станции появлялся опыт. Шахтеры из сводного отряда Подмосковного и Донецкого угольных бассейнов, которые повели тоннель под аварийный реактор, «просчитали» дорогу к своему рабочему месту — котловану — и пришли к выводу, что добираться сюда лучше пешком по относительно безопасным участкам. От бронетранспортеров много пыли.

Тоннель этот понадобился для того, чтобы подвести под реактор мощную бетонную плиту — основание будущего «саркофага». В стене глубокого котлована — вход в штольню. Забойщики вгрызаются в грунт молотками, породу пересыпают лопатами в вагонетки и по рельсам выкатывают их в котлован. Экскаватор перегружает грунт на пологий склон, а бульдозер сдвигает кучу вверх. Проходческий щит держит «потолок», пока не установят бетонные кольца крепи двухметрового диаметра. А следом за щитом ложатся на дно новые секции рельсового пути.

В штабе Минуглепрома висит еще не просохшая «молния»:

«Смена горного мастера В. Амельченкова установила 5 колец крепи. Так держать! Цель — 6 колец. Равняйтесь на передовиков!»

Забегая вперед, можно сказать, что и тоннель, и шестиметровой толщины плита под реактором были сооружены раньше срока, установленного правительственной комиссией. Так строилось основание «саркофага». А на окраине Чернобыля сварщики уже монтировали металлические секции для его будущих стен — биологической защиты.

Уже тогда, в мае, началась подготовка к пуску остановленных после аварии первого и второго блоков Чернобыльской АЭС. Было ясно, что энергия двух «миллионников» должна поступить в сеть с приходом холодов.

ГЛАВА V

БУДНИ

Ночной разговор в Чернобыле и заботы обычного дня

Полночь. Круглая золотая луна висит над Чернобылем. Луна заливает светом пышные сады, спуск к реке, купол запертой церкви. Луна струится в припятской воде. Тихая ночь. Сюда не доносится шум работ, идущих на промплощадке АЭС, гул проходящих в стороне грузовиков. Спят птицы, не лают собаки — их в городе не осталось. Прошла последняя поливальная машина — прибила до утра радиоактивную пыль на улицах.

Ученые, министры, их заместители и помощники уехали в Иванков. Там в гостинице за чаем еще долго будут продолжаться разговоры, для которых не хватило дня. А в восемь утра все снова соберутся в Чернобыле на утреннюю планерку. Новые сутки станут не легче ушедших.

В здании штаба правительственной комиссии остались четверо. Дремлет на стуле у входа дежурный милиционер. Валентина Михайловна Калиниченко, секретарь комиссии, разбирает накопившиеся записи, потом начинает наводить порядок в приемной: убирает с подоконников чашки и тарелки, составляет в ящики бутылки из-под минеральной, загружает холодильник на завтра.

Почти два месяца — с первого дня после аварии и до середины июня — Валентина Михайловна была не просто секретарем. Собственно, все функции и обязанности, которые она добровольно взяла на себя, перебравшись с первого этажа здания Чернобыльского райкома партии, на двери которого так и осталась висеть табличка с ее фамилией, на второй этаж — в приемную председателя правительственной комиссии,— трудно перечислить и четко обозначить.

Инструктор райкома Калиниченко разыскивала по телефонам тех, чьи консультации или отчеты срочно требовались членам комиссии, обходила все комнаты здания, выглядывала на крыльцо, где постоянно толпились курильщики, когда кому-то звонили из Москвы или Киева. Валентина Михайловна объясняла вновь приехавшим, где разместился какой штаб, куда именно нужно обратиться. Разгоняла курильщиков, когда они забывались и чересчур дымили в коридорах или на лестнице здания. Заставляла сотрудников, которым не хватало времени пойти в столовую, съесть что-нибудь и выпить чаю или кофе.

Валентина Михайловна — единственная женщина, которую мы видели в те дни в Чернобыле, — каким-то образом безошибочно знала, где и когда споры становятся слишком ожесточенными из-за прибавившихся к постоянному перенапряжению разногласий. И, появляясь среди разгневанных мужчин, одетых в одинаковые спецовки или в

полевую генеральскую форму, спрашивала о чем-то нейтральном, угощала минералкой. Этого всегда бывало достаточно.

Многие из тех, кому приходилось хоть на несколько часов отлучиться в Киев, возвращались с букетами цветов. Для секретаря.

Наконец, Валентина Михайловна дирижировала отношениями между членами правительственной комиссии и прессой. В первый день, когда кабинет председателя занял заместитель Председателя Совета Министров СССР Лев Алексеевич Воронин, я мыкался в приемной в расчете на «окно» в графике работы.

«Валентина Михайловна, попросите, пожалуйста, несколько минут для «Известий»!»

Секретарь прошла в кабинет с кем-то из вызванных на совещание специалистов и, вернувшись, объявила: «Считайте — повезло. Спросил, как поступал в таких случаях прежний председатель. Я ответила, что Иван Степанович Силаев вас принимал, когда, конечно, время позволяло».

И тут, минуя все запреты и ограничения, через приемную в кабинет двинулась бригада медиков. Чтобы реализовать свою обязанность по обследованию всех прибывших в Чернобыль и «накрыть» разом постоянно снятых членов комиссии, медики решили использовать совещание время полного сбора. Валентина Михайловна заговорщицки кивнула в сторону врачей, и я вошел, пристроившись в хвосте.

Первым сдал кровь председатель, и, пока кололи пальцы остальным присутствующим, у нас оказалось время для беседы. Лев Алексеевич говорил о том, что составлен план работ на месяц вперед, что нет недостатка ни в специалистах самой высокой квалификации, ни в технике, ни в материалах. «Вообще должен сказать, что, на мой взгляд, принципиальных трудностей в организации работ нет. Есть, и они неизбежно будут возникать и решаться, проблемы текущего характера. Многие конкретные вопросы будут связаны со строительством саркофага для реактора: дело это сложное и долгое».

— Лев Алексеевич, что можно сказать о причинах аварии, установлены они?

— Пока, попросту говоря, было не до того. Сами видите: занимались и занимаемся самыми неотложными делами...

Не буду пересказывать все довольно пространное интервью, помещенное тогда в «Известиях». Спасибо, Валентина Михайловна! Через день я привез в Чернобыль свежие газеты: регулярная почта тогда еще не ходила.

...Это было время, которое вспоминают все ветераны работ. Штаб правительственной комиссии был местом, куда мог прийти каждый, кто работал в Чернобыле. Не было еще специальных пропусков, дающих право попасть в здание,— пропуском служило «добро» дозиметриста, означавшее: входящий не несет на башмаках и одежде много

радиоактивной грязи. Еще не висели на дверях кабинетов выведенные тушью по линейке аршинные надписи, неуловимо напоминающие министерские вывески, а были приколотые кнопками тетрадные листки с набросанным шариковой ручкой: «Медицина», «АН СССР», «Зал заседаний».

В штаб приходили водители грузовиков, которые не могли узнать у только что принявших пост сотрудников ГАИ, куда именно в Чернобыле сдать доставленную технику. Сварщики, горняки, строители разыскивали здесь своих руководителей, чтобы, не теряя времени, обсудить и утвердить возникшую идею. Тогда еще не носили в Чернобыле нашейных бирок с фамилией и фотографией владельца, печатями и подписями. Спецовки и белые полотняные шапочки стали формой, лишенной знаков различия, и это иногда приводило к недоразумениям. Но никто не обижался, и каждый помогал другому, если мог, справкой, советом. Вспоминают больше именно то трудное время, когда в постоянном напряжении было еще не до кондиционеров и не до выгораживания в штабах клетушек-приемных, где обосновались позже секретарши с ухоженными прическами.

...Итак, Валентина Михайловна готовила рабочее место для завтрашнего дня, дремал дежурный, а мы с подполковником Юрием Павловичем Устиновым разговаривали о погоде. Устинов — военный метеоролог, погода для него — забота профессиональная.

Мы сидим в комнате, отведенной представителям Госкомгидромета СССР при правительственной комиссии, тут под рукой карты и схемы, позволяющие мне лучше понять собеседника. Вот заштрихованный язык, вытянувшийся от четвертого блока на запад: зона самого сильного поражения территории от выброса при взрыве. Место это уже не раз приходилось видеть по пути на станцию: сосны с побуревшей засыхающей хвоей и редкие зеленые пятна березок, оказавшихся более стойкими к радиации.

Устинов рассказывает, как важно было точно предсказать изменения погоды в самые первые дни, когда в воздухе находилось особенно большое количество взвешенных радиоактивных частиц. Куда подует ветер? Пойдет ли дождь? От этого зависела картина радиационной обстановки рядом со станцией и вдали от нее. Прогноз был необходим для подготовки планов эвакуации населения, для того, чтобы просчитать ситуацию хотя бы на один день вперед.

Погода всегда бывает для чего-то хороша, для чего-то — не очень. Но вообще в Чернобыле с ней повезло: с самого момента аварии — сухо и тепло. Почва стала как сухая губка. Даже сильные дожди теперь, как считают специалисты, не вызовут стока в реку, не загрязнят ее выпавшими на землю радиоактивными частицами. По берегам Припяти за это время

успели возвести защитные валы. Это песчаные брустверы, тщательно укрытые пленкой плотного полиэтилена.

Верхний слой земли так просох, что стало спокойнее за состояние грунтовых вод в районе аварии. Почва впитает атмосферную влагу, не даст ей просочиться в водоносные горизонты. Конечно, валы из песка едва ли I могут стать существенной преградой во время весеннего паводка. Позже были разработаны и приняты меры по долгосрочной безопасности поверхностных и грунтовых вод. Время покажет степень их надежности.

Но «сухой сезон» принес и свои трудности. В сухую жаркую погоду у земли часто появляются небольшие смерчи, в которых закручивается пыль,— термические вихри, как называют их метеорологи. Такой вихрь может подняться на высоту до двадцати метров и переносить по воздуху немало пыли. А пыль в зоне радиоактивна. Так погодные явления меняют уже сложившуюся картину загрязнения.

В мае уже разворачивались масштабные работы по дезактивации территории 30-километровой зоны, жилых домов, промышленных зданий. На промплощадке АЭС бульдозерами срезали 20-сантиметровый верхний слой грунта, готовили эту мертвую землю к захоронению. У черновыльского причала на Припяти высились штабеля стальных контейнеров, в которые предстояло упрятать снятый грунт. Из пожарных стволов специальными составами обрабатывали деревья вдоль дорог. А лес поливали с вертолетов. На предприятиях Минавиапрома срочно сделали емкости, которые уже тут, в Чернобыле, установили на машины МИ-2, МИ-8.

За пять минут мощный вертолет рассеивает широкой полосой около 12 тысяч литров жидкости, которая превращается в пленку, «связывает» радиоактивные частицы — не дает ветру растащить их дальше. С меньших машин обрабатывали территорию, прилегающую к линиям высоковольтной электропередачи. Здесь нужна была ювелирная точность в работе экипажей. Ведь линии под током: Чернобыльская АЭС после аварии из производителя энергии превратилась в ее потребителя. Энергия нужна для поддержания режима «заглушённых» реакторов, для работы множества устройств, для освещения.

Пыль была основной опасностью после аварии. Порывами ветра ее заносило на уже очищенные участки, и фон там снова поднимался; тогда работу приходилось повторять. Пыль поднималась из-под колес тысяч машин, шедших в Чернобыль и из Чернобыля. Дорожникам пришлось ликвидировать обочины на дорогах. Сначала их поливали связывающим составом, расставили везде знаки, запрещающие съезжать с полотна, а потом асфальтом залили всю ширину насыпи до самой травы.

Однако пыль практически вездесуща. Позже, когда появились новые модели индивидуальных приборов для регистрации радиоактивного излучения, это замечалось особенно хорошо. Небольшие коробочки,

напоминающие мини-калькулятор, выбрасывают на электронном табло цифры, показывающие уровень фона в том месте, где вы находитесь. Одновременно прибор отзывается негромким зуммером. Так вот, в Чернобыле, скажем, на улице приборчик в безветрие молчит, а как только подует порыв — начинает попискивать: регистрирует пролетающие мимо «грязные» пылинки.

В основном именно из-за пыли менялся радиационный фон в зоне вокруг станции. А тут появилась еще и сажа: при установившейся сухой и жаркой погоде начали гореть леса. Авиаторам, и без того загруженным выше всяких норм, прибавилось работы. Но эти пожары лесоохрана быстро ликвидировала.

Погода помешала провести намечавшийся в мае эксперимент по комплексной дезактивации почвы. Суть его в том, что верхний слой переворачивают тяжелыми плантажными плугами и тут же обрабатывают химическими веществами, фиксирующими радиоактивные частицы. Но за тракторами потянулись шлейфы, которые ветер грозил растащить на большие расстояния. К тому же не хватало специально подготовленных машин с герметизированными кабинами, надежно защищающими механизаторов. Такие работы лучше вести при влажной погоде. Вспашку основных площадей решили отложить до осени.

Меры по дезактивации и естественный ход вещей — полураспад короткоживущих изотопов — ведут к тому, что уровень радиоактивности на станции и на территории постоянно снижается. Председатель правительственной комиссии говорил накануне о том, что идет постоянный контроль за радиационным состоянием среды. Обследованы все населенные пункты, взяты пробы воды, грунта. Каждые три часа метеорологическая станция в Остре сообщает данные об уровне радиации, направлении и скорости ветра, температуре воздуха, количестве осадков. Сведения эти передаются в Международное агентство по атомной энергии. Почти непрерывно, весь световой день, находятся в небе самолеты-лаборатории.

Снижается интенсивность излучения и над самим разрушенным реактором, который постепенно остывает. А плomba из песка, глины, бора, доломитовой муки приглушила поток излучения.

Пломбировали кратер, как вы уже знаете, тоже с воздуха. Нескончаемой каруселью кружились над станцией вертолеты, сбрасывая мешки с грузом. Двадцать два вылета сделал за один день 28 апреля военный летчик первого класса Александр Серебряков, уложив точно в цель 30 тонн изолирующих материалов. Заместитель Председателя Совета Министров СССР Иван Степанович Силаев после подведения итогов одного из дней начала мая назвал такую цифру: при шестидесяти шести заходах — пятьдесят восемь идеальных попаданий.

Я летал с пилотами, выполнявшими подобные операции. Приходилось пользоваться импровизированными защитными экранами, которые бортмеханики делали из листового свинца, сгибая его в виде корытца или желоба, уложенного на сиденье в кабине. Несмотря на защиту, летчики набирали в первые дни немалые дозы. Но иначе нельзя было сделать необходимую и не терпящую отлагательства работу.

После того как пломба была готова и бомбардировку реактора прекратили, нужно было решать, как быть с сердцевиной четвертого блока дальше. Для этого ученым требовалось знать температуру на поверхности завала — по ней можно судить о состоянии реактора. Снова обратились к авиаторам.

Операцию взял на себя полковник Н. Волкозуб, опытейший пилот, освоивший за тридцать с лишним лет службы все типы вертолетов. Его машина зависла над излучающим радиацию завалом на высоте четырехсот метров и потом начала медленно снижаться. С борта свисал длинный трос, на конце которого была закреплена термопара. Первый замер с высоты пятидесяти метров. Снижение — и датчик в тридцати метрах от жерла, потом — в десяти. Приборы на борту зафиксировали температуру. На все действия полковнику понадобилось шесть минут. Только шесть. Но такие минуты вписывают в биографию.

Потом замеры приходилось проводить практически ежедневно: данные требовались для разработки планов новых этапов работ. Отрывочность полученных таким образом сведений не устраивала ученых. И вот была готова система, которую конструировали с первых дней после аварии. Комплекс датчиков разместили в полости 18-метровой стальной трубы диаметром 10 сантиметров. К трубе присоединили кабели, по которым должна передаваться полученная информация.

Трубу предстояло погрузить в кратер так, чтобы примерно две трети ее длины прошли «подушку» из сброшенных на реактор изолирующих материалов, а треть осталась над поверхностью. Действовать наугад нельзя. Специалисты тщательно изучили подробные аэрофотоснимки завала и наметили несколько участков, где удачное попадание было наиболее вероятно. На аэродромном поле выложили контур, имитирующий вид реактора сверху. Начались тренировки. На макете все получалось отлично.

К реальной цели вышли тремя машинами. Вертолет с установкой пилотировал Николай Николаевич Мельник. С двух других корректировали его маневры. Остановив вертолет над первой точкой, выбранной во время репетиций, Мельник резко повел его на снижение. Первая попытка оказалась неудачной. Со второй труба тоже не смогла пробить запечатанную кратер пломбу. На третьем заходе все произошло именно так, как было нужно: конструкция на две трети погрузилась в нутро разрушенного блока. Замок, удерживавший трехсотметровый кабель,

расстегнулся, и жгут проводов, упрятанных в защитную оболочку, упал на землю.

Но лег он не в расчетное место: попал на участок с высоким уровнем радиации. Кабель лег па крышу здания, а конец его свисал рядом с выбитым окном галереи, расположенной прямо напротив разрушенной стены четвертого энергоблока. Группе, которой руководил Борис Казанцев, удалось втащить кабель внутрь и отвести его подальше от опасного места. Потом провода соединили с подведенной линией, по которой информация о состоянии реактора передается к приборам.

Впрочем, описывая эпизод с трубой, я забежал вперед: события эти происходили почти месяц спустя после той ночи, когда мы с подполковником Устиновым беседовали в опустевшем здании штаба правительственной комиссии.

...Ночь принесла относительную прохладу, но в комнате с наглухо закрытыми окнами — защита от постоянно присутствующей пыли — никакого облегчения после жаркого дня не ощущалось. Мы пошли покурить на ступеньках крыльца. По взгляду очнувшегося от дремы дежурного у входа угадывалось, что он хочет напомнить: все хорошие люди спят в это время. Он, однако, сдержался. Возможно, потому, что, будучи сам военным, угадал офицерскую выправку моего спутника, оплаченного в белый комбинезон атомщика. Фуражку с синим околышем ВВС подполковник оставил в кабинете.

На улице звенели комары. Летели на льющийся сквозь стеклянные двери свет мохнатые ночные бабочки. На пересекающей газон дорожке притаился котенок двух-трех месяцев от роду: сторожил кого-то в разросшейся траве. И, не дождавшись, стал играть лапой с длинным стеблем. Котенка этого, оставшегося, по-видимому, без матери и товарищей по играм после отстрела животных в городе, я встречал каждый день. Он занимался собой и как мог, осваивал внешний мир, но никогда не пытался подойти к людям, приласкаться. Дежурные по штабу оставляли ему еду, но на порог не пускали, и, наверное, никто ни разу его не погладил: прибор, поднесенный к шерстке, показывал столько же рентген, сколько на земле. Позже, осенью, я увидел, что в Чернобыле каким-то образом остались и собаки, и домашняя птица, и даже нутрии. Чтобы исследовать влияние радиации на них, прибыла группа ученых из Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР. Но ни одной кошки около штаба я в то время уже не встретил...

Мы курили и продолжали разговор об авиации, в которой служит Устинов, и о погоде. Точный прогноз очень важен при планировании работ по дезактивации. А долгосрочный будет непременно учитываться при принятии решений о возвращении эвакуированных жителей в некоторые поселки внутри кольца 30-километровой зоны, где уровень радиации повышался незначительно и теперь совершенно безопасен.

Хотя полетов у моего собеседника в начавшийся день не предполагалось, пора было хоть немного поспать. Мы распрощались, и я вернулся в комнату, отведенную под представительство Госкомгидромета. Здесь, устроившись на сдвинутых стульях и укрывшись чьим-то рабочим халатом, благополучно дождался пришедших утром хозяев...

Утро. Столовая была пока закрыта, члены правительственной комиссии, к которым у меня были вопросы, еще не вернулись из Иванкова, в моем ночном прибежище началась работа. Деться было решительно некуда, и я снова отправился на крыльцо.

Тут уже коротали время несколько человек в обычной одежде и с цветными сумками. Из разговора выяснилось, что это проходчики из Казахстана. Приехали вчера днем, а сегодня хотят возвращаться. Пришли узнать, где отмечают командировочные удостоверения, чтобы документально подтвердить: в Чернобыле они были.

Ребят этих, пожалуй, нельзя назвать добровольцами в полном смысле слова. Они не просили отправить их в опасную зону, не писали заявлений. Да и не знали вовсе, что могут здесь понадобиться. Работали у себя дома и, как все, следили за событиями на АЭС по газетам. Их вызвали и сказали: в Чернобыле требуются специалисты вашего профиля и квалификации. Нужно помочь. Пообещали хорошую технику на месте. Раз нужны именно они — дело ясное. Никто не отказался.

Их заботливо встретили в Москве и дали билеты на Киев. В Киеве поселили в хорошей гостинице, коротко проинструктировали и после торжественного митинга, на котором говорилось о долге и героизме, отправили на автобусе вместе с другими новичками в Чернобыль.

Ну а здесь началось непредвиденное. Всех попутчиков встретили и разобрали представители организаций, к которым те были прикомандированы. Ребята потоптались на площади и пошли искать «посольство» своего ведомства. Его не оказалось, не было в городе и полпреда. Заодно выяснилось, что и техника, купленная за границей специально для проведения работ по ликвидации последствий аварии, еще не прибыла — в пути.

Проходчики, пока наводили справки, побывали во многих штабах, разместившихся в Чернобыле. Им предлагали остаться и переквалифицироваться: рабочих рук тогда не хватало. Они отказались, рассудив, что незнакомую работу они будут делать хуже тех, кто уже имеет навык. Успев немного, они наберут какое-то количество рентген, и потом, когда появится возможность заняться делом, с которым никто лучше них не справится, времени на пребывание в зоне останется мало.

Решение здравое, но, оставшись «ничьими», проходчики остались одновременно и без талонов на еду, без спецодежды и респираторов. Кое-как скоротав ночь в одном из общежитий, они пришли в штаб правительственной комиссии доложить, что возвращаются в Киев

дождаться прибытия своего «железа» — техники, необходимой для работы.

Поест они, конечно, потом смогли: раздобыли талоны. Но ситуация, в которую попадает в Чернобыле «бесхозный» приезжий, не из самых приятных. Деньги в заведениях местного общепита хождения не имеют. А бесплатные талоны каждое ведомство выдает сотрудникам, поставленным на довольствие. Проголодавшийся одиночка в роли просителя. (Чаще всех, наверное, в таком положении оказываемся мы, газетчики, постоянно приезжающие сюда за материалом.) То же и с ночлегом: койко-место — дефицит в перенаселенных школах и других общественных зданиях, переоборудованных в общежития.

О сложных городских проблемах мы говорили вечером с заместителем председателя Киевского облисполкома. А пока, провожая новых знакомых из Казахстана в столовую, я рассказывал им, как изменился Чернобыль за месяц, прошедший после аварии. В первые дни никто не ходил вот так неспешно по улицам: все старались побыстрее проскочить открытое пространство. Только вчера появился на площади газетный киоск и первый почтовый мешок на дереве рядом с ним: до сих пор корреспонденция передавалась только с оказией или с нарочным. Вчера же впервые после аварии открылся кинотеатр, и афиша обещает на сегодня ленту «Еще не вечер...».

Уже завезли товары в универмаг — со дня на день он начнет работать. А автолавки торгуют почти неделю: мыло, зубные щетки, сигареты, печенье и прочие мелочи — мало ли что нужно мужчинам, живущим вдали от дома.

Жизнь налаживалась. Напряжение первых дней в Чернобыле ослабело. На промплощадке, конечно, еще есть очень опасные участки — там нужны предельное внимание и осторожность. Но в городе можно практически безошибочно сказать: человек в респираторе — новичок. У «старожилов» маска опущена под подбородок или задрана на лоб. Медики, правда, предупреждают: это лихачество, пока рано прогуливаться по улицам, как ни в чем не бывало...

Перед входом в каждую столовую в Чернобыле, как и перед всеми штабами, кинотеатром, клубом, — различного устройства приспособления для мытья обуви: где мелкие корытца, где резиновый шланг, где вода струится каскадом по каменным ступеням. Всех посетителей обследуют дозиметристы, проверяющие и обувь, и одежду. Однако за все время я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь не прошел контроль.

На еду здесь не жалуются: кормят в столовых довольно вкусно и обильно. Жалуются на очереди и тесноту в залах. Действительно, пробраться от раздачи между столиками с полным подносом сложно, сложно бывает найти место, чтобы сесть. К сожалению, вечный этот недостаток нашего общепита (недостаток — в буквальном смысле)

проявился и в Чернобыле. Причем впечатление складывается такое, что не хватает не только помещений для столовых, но и в основном расторопности организаторов.

В отличие от города энергетиков Припяти Чернобыль рос медленно, веками. Районный центр, приспособленный для той тихой, неспешной жизни, которую он вел, конечно, не был рассчитан на обслуживание вахт, да и вообще большого количества людей, пользующихся столовыми. Магазинов тоже было не много, выручали огороды. Вот и стоят теперь очереди.

«Было бы логично,— говорит первый заместитель председателя Киевского облисполкома Николай Степанович Степаненко,— чтобы основные министерства, приславшие сейчас людей на АЭС, организовали тут и обслуживание и торговлю, используя систему «рабочего снабжения». Прежде всего, это относится к министерству энергетики, которое обеспечивало нужды почти пятидесятитысячного населения Припяти. В структуре министерства сохранились ставки снабженцев. Есть опытные специалисты — все они были эвакуированы после аварии и сейчас временно работают в других местах. Кому, как не им, помочь теперь людям, приехавшим спасти станцию?»

Мы беседуем в кабинете Чернобыльского райисполкома, окна которого выходят на Советскую улицу. Через дорогу — здание, где разместился штаб правительственной комиссии. Остальные комнаты райисполкома гоже заняты различными службами и штабами. Только что вернулся с насосной станции, питающей город водой, председатель Чернобыльского исполкома. И тут же к нему, Анатолию Петровичу Щекину, потянулась вереница посетителей. Вопросов масса: жилье для прибывших, оформление документов окончившим вахту, новый участок дороги, который нужно принять у строителей...

Когда было объявлено чрезвычайное положение, Советы провели огромную работу по эвакуации населения. А потом нужно было разместить массу людей в весьма ограниченных помещениях, которыми райисполком мог распоряжаться по своему усмотрению. Нужно было накормить и напоить всех, наладить, что не менее важно, когда кругом радиоактивная пыль, работу бань, прачечных, парикмахерских.

«Резерва жилых помещений практически не осталось, объясняет Николай Степанович,— а люди все прибывают. Сегодня численность «гражданского населения», несущего вахту в городе, около трех тысяч человек. Будет, это уже сейчас ясно, еще больше. А всех нужно разместить, создать нормальные условия».

Город остается городом. Со всеми обычными городскими проблемами, обостренными особыми обстоятельствами. Чтобы наладить жизнь, быт людей, приехавших спасти положение, эти проблемы тоже

нужно решать. Безотлагательно, как все, что нужно для обеспечения работы в особой зоне.

До аварии в Чернобыле жили двенадцать с лишним тысяч человек. Но сейчас, после эвакуации, квартиры их заперты. Придется либо принимать какое-то решение об их использовании, либо строить новые дома, завозить балки, вагончики. Забегая вперед, скажем, что Минэнерго избрало вариант строительства вахтового поселка эксплуатационников АЭС Зеленый Мыс. Не все благополучно было при производстве работ, не все расчеты оказались верными, не все, далеко не все вахтовики довольны новым «домом». Тесно оказалось в поселке, нередко по двое хозяев — сменщик и сменяемый — были привязаны к одной койке.

Да, и еще один аспект, хотя его и можно посчитать второстепенным, настораживает. Место, где разместился Зеленый Мыс, прежде именовалось Страхолесьем. Конечно, ввиду сложившихся обстоятельств название не самое оптимистическое. Но зачем же менять?! Ведь и «Чернобыль», как мы сообщали, означает нечто, позволяющее провести аналогии с апокалипсисом. Но, переименовав Чернобыль, например, в Светлоприпятск, мы ничего не выиграем: Чернобыль — веха нашей истории.

Нашу беседу прерывают. Электрики докладывают о том, как идет отключение домов от сети. Закрытые, опечатанные дома необходимо было обесточить: возможно короткое замыкание, пожар. В Припяти сделать это легче — там современные многоэтажные здания, в Чернобыле, где большинство домов частные, пришлось монтерам ползать по столбам. На отключение решились не сразу. Было опасение, что продукты в холодильниках испортятся: начнут разлагаться и станут источником болезней. Тогда Совет предложил, чтобы каждую квартиру вскрыли в присутствии представителей специальных комиссий, показания которых гарантировали бы сохранность вещей в домах. Против такого образа действий высказались юристы. Положение становилось неразрешимым.

Мне довелось присутствовать при работе службы дезактивации, проводившей работы в Припяти. Дозиметристы и химики обследовали состояние городских строений. Как и везде, внутри зданий, на лестничных клетках уровень радиации был почти на порядок ниже, чем снаружи. Но пока мы поднимались по ступеням на верхние этажи, нас преследовал крик кошек, запертых в квартирах: эвакуация проходила так стремительно, что многие жители не успели вывезти животных. Впрочем, как выяснилось позже, в закрытых квартирах остались и самые необходимые документы, и эвакуированным пришлось выправлять разрешения на то, чтобы приехать сюда и забрать их.

Однако медики после тщательных прикидок и расчетов пришли к выводу, что нет особой опасности в том, что Припять будет обесточена.

Перестали мигать светофоры на пустых улицах. Пожарные, опасавшиеся последствий спонтанных коротких замыканий, вздохнули свободнее, но патрулирование города все-таки продолжается: неожиданностей быть не должно.

Их не должно быть и ни в одном звене городского хозяйства Чернобыля, городка, о существовании которого еще совсем недавно мало кто знал.

Мы много говорим и пишем о необходимости экономить воду — и совершенно справедливо. В Чернобыле, на станции, в базовых лагерях, где отдыхают смены, экономить ее — непозволительно. Душ перед сменой, душ перед сном, стирка — только вода избавляет от радиоактивной пыли.

Вода в Чернобыле есть: пять скважин содержатся в идеальном порядке и с большим запасом перекрывают потребность населения. Чистая вода: ее радиационный уровень на уровне естественного фона. Сменяясь, как и все работающие в тридцатикилометровой зоне, обслуживают сеть водопроводчики из Борисполя, Ирпеня, других городов. А когда случилась мелкая в общем-то и обычная в других ситуациях авария — прорыв водопровода, — ликвидировать ее срочно прибыли из Белой Церкви и из Броваров специалисты под руководством И.П. Соломаки, начальника водоканализационной службы. Перебоя с водой не случилось: работают все хозяйства, город полит, пыль смыта.

Нет мелочей в городском хозяйстве. Есть далекая от героических будней и от романтики проза: очистные сооружения, городская свалка... Необходимая работа, которую нужно делать, наладить профилактику теплосети — придет ведь зима со всеми ее заботами и трудностями, помноженными на условия экстремальной обстановки.

«Советским организациям в городе, оставшемся без постоянного населения, нужна помощь, — продолжает заместитель председателя облисполкома. — Помощь ведомств в обустройстве жизни временного населения. Если бы у всех дело было поставлено как у угольщиков! Минуглепром взял у города только помещения — благоустройство, снабжение наладили сами. А на прошедшем недавно партсобрании решили в свободное от смен на АЭС время отремонтировать здание школы, где сейчас находится общежитие».

Подход к делу достаточно убедительно свидетельствует о том, как много зависит от человеческого фактора. Давайте говорить прямо: что Минуглепрому чернобыльские события? Была нужда в их специалистах — люди приехали и отлично работают: выручают напортачившего «дядю». Нет за ними никакой прямой вины в этой аварии: атомная станция взорвалась — не тепловая, для которой они поставляют топливо. Работа угольщиков получила высокую оценку, так что «честь мундира» полностью обеспечена и защищена. Что же им еще в Чернобыле — я имею в виду ведомственные интересы... Но работают не только по основному заданию,

понимают, что в сложившейся обстановке их ведомству — союзному министерству — от местных властей помощь может быть не большая. Значит — сам позаботься о своих сотрудниках. Ведь, несмотря на принятые недавно решения о повышении роли Советов в определении экономической и хозяйственной политики на местах, ни для кого не секрет, что районный, областной или даже республиканский Совет сравнительно редко может настоять на своем, если мощное министерство против...

А вот Минэнерго заняло позицию, при которой все сводится к формальной постановке вопроса. Кто должен дать воду городу, наладить снабжение жителей, обеспечить чистоту улиц? Горисполком и райисполком. Так дайте все, что положено, говорят руководители министерства, а мы будем делать свое дело.

Местные власти стараются выполнить свой долг. Но простите, если уж становиться на формальные позиции, о ком они должны заботиться в первую очередь? О жителях района, о своих избирателях. И сделали для них немало!

Несет ли местный Совет ответственность за аварию? Думаю, никто утвердительно на этот вопрос не ответит. Виновные в трагедии названы, и все они в большинстве — сотрудники Министерства энергетики, в ведении которого находилась Чернобыльская АЭС. И на мой взгляд, именно Минэнерго должно было бы проявить основную заботу о людях, приехавших со всех концов страны, чтобы ликвидировать последствия серии ошибок энергетиков.

Честь мундира — категория, которая скомпрометирована употреблением этих слов в негативном смысле. Назовите чувство ответственности за произошедшее хотя бы «корпоративным мышлением», а еще лучше — чувством вины. И все станет на свои места. Но пока не происходит этого: даже 95-квартирный жилой дом, который возводили до аварии и практически подвели под крышу, энергетики достраивать отказываются. А ведь при нынешнем дефиците площади в Чернобыле такой дом был бы очень кстати.

Легче всего требовать по закону «мирного времени» то, что положено. Но ведь не требуют от энергетиков тока Чернобыльской АЭС сегодня, сейчас...

Мы еще долго говорили о городских проблемах. О том, что предстоит решить еще немало вопросов, возникающих в сложившейся ситуации. Обычно эти вопросы лежат вне круга тем газетных репортажей из Чернобыля. Как, допустим, оформить отношения между министерствами и городом: передавать здания в аренду или с баланса на баланс? Кто оплатит кинопрокату (ведь план ему не отменили и не скорректировали) сеансы, на которые нынешние чернобыльцы ходят бесплатно? Город есть город — тысячи забот, от которых не отмахнуться...

Первый заместитель председателя облисполкома Степаненко работает и живет в Чернобыле уже три недели. «Скоро сменяюсь,— говорит он,— хрипота — мелочь, скоро пройдет. А вот тому, кто придет на мое место, работы, возможно, прибавится. Когда будет решено, в какие именно населенные пункты внутри 30-километровой зоны можно вернуться временно эвакуированным жителям, Советам предстоит оказать им всестороннюю помощь».

В Киеве, в здании исполкома областного Совета народных депутатов, работает еще один штаб — эвакокомиссия. Здесь помогают тем, кто пока живет не дома. Помогают найти временную работу, жилье, получить советы врача, объясняют порядок выдачи пособий, путевок для детей и женщин в летние лагеря, дома отдыха, санатории. Консультируют по вопросам пенсионного обеспечения и социального страхования. Разыскивают через адресный стол родственников и близких эвакуированных.

Эвакокомиссия разместилась в вестибюле здания облсовета, где осенью и зимой работает гардероб для посетителей. В просторном помещении расставлены столы, над которыми укреплены таблички: «собес», «милиция», «медицина»...

«К началу июня к нам обратились более четырех тысяч человек,— рассказывает член комиссии, заместитель заведующего отделом облисполкома Владимир Сергеевич Макаров.— Разумеется, мы не только консультируем. Достаем билеты для тех, кто едет работать в другие города или отдыхать. Устраиваем людей в киевские гостиницы: не всегда билеты бывают на тот же день — нужно переночевать в городе. Часть работников радиозавода «Юпитер» из Припяти поехали вместе с семьями в Литву, на вильнюсский завод радиоизмерительных приборов, других устроили на базе отдыха киевского завода «Маяк». Немало неполадок и недоделок было на этой базе, но после вмешательства комиссии все они были устранены. Наладили медицинское обслуживание, в столовой появились свежие овощи, нормально заработал водопровод».

Особенно напряженными были первые дни после эвакуации. Нередко медики категорически настаивали на том, что одежда переселенцев должна быть уничтожена. А сменной люди из дома не захватили. Обеспечить их — забота эвакокомиссии. Приходилось и распутывать накладки организационного порядка: случалось, что из городов, куда были направлены эвакуированные, их автобусами возвращали в Киев, не разобравшись в ситуации и не поняв данных предписаний.

Запомнилось, как разыскивали по всему Киеву маленькую коляску для грудного малыша: у мамы на руках был еще один ребенок и справиться с ними двумя ей было трудно. Я прежде и не знал, что такие коляски — проблема. Помог Киевский городской Совет.

Действия Советов — это тоже работа по ликвидации последствий аварии. И закончится она только тогда, когда перестанет быть опасным реактор, когда выздоровеет чернобыльская земля и вернутся домой люди, оказавшие доверие своим депутатам.

ГЛАВА VI

РАДИАЦИЯ

Размышления об опасности, которой не видно

Тысячелетия эволюции сформировали инстинкт самосохранения — научили избегать опасности, сохранять свою жизнь. Но по-прежнему, как и на заре истории, более всего страшит человека неизвестное. Это — радиация. Не видно, не слышно, не больно... Чувства наши, всегда безошибочно подсказывающие, откуда ждать опасность, бессильны здесь. Надеяться остается только на знания.

Большинство из нас доверяет только опыту, только одной логике — логике факта. Факта проверенного, «пощупанного». У нормального человека не вызывают сомнения с детства знакомые проявления законов физики. Тающий снег, кипящий чайник, тормозящая машина — тысячи примеров подтверждают эти законы. Но чем дальше вглубь клетки, молекулы, ядра проникает взгляд физика, биолога, химика, тем безнадежнее наши — не физиков, не биологов и не химиков — попытки ухватить суть дела. Знания о предметах, подобных радиации, большинству приходится принимать на веру. Потому-то — такова психология человека — информации, собственным чувственным опытом не подтвержденная, оказывается способной породить множество мифов и преувеличений. Одновременно и недопустимое пренебрежение к опасности: да существует ли она на самом деле? Случилась беда, но вокруг-то ничего не изменилось...

Так было и в Киеве, и в других местах: кто-то не верил в серьезность опасности, кто-то преувеличивал ее. Научно-популярные да и серьезные, трудные книги, до тех пор спокойно стоявшие на библиотечных полках, пошли по рукам требовательных и любопытных — люди хотели разобраться, понять что к чему.

Многое из того, что вчера еще входило в круг интересов только узких специалистов, стало живо волновать всех. Это не случайно: ведь невидимая, неслышимая, неуловимая радиация имеет отношение к тому, о чем мы все в той или иной степени печемся, — к нашему здоровью.

...В зависимости от того, где живет человек, в большей или меньшей степени, но постоянно он подвергается ионизирующему облучению — существует природный радиоактивный фон. Средняя естественная доза облучения, которая принята за точку отсчета у специалистов, составляет примерно 100 миллирентген в год. В некоторых местах земного шара естественный фон выше среднего. Например, в штате Керала в Индии, в Бразилии, в Центральном гранитном массиве во Франции — в пять-шесть раз... Однако такой факт никак не сказывается на здоровье населения.

Кроме естественного фона излучения люди получают дозы в результате медицинских обследований. В разных странах они различны. В

Советском Союзе — это примерно 140 миллирентген в год, в Японии — 180, в Польше — 160.

Еще около 150 миллирентген ежегодно человек берет в себя просто оттого, что живет в современных домах: в кирпиче и бетоне также присутствуют радиоактивные элементы.

Из этих трех величин — естественного фона земли, медицинских диагностических исследований и излучения внутри помещений — складывается средняя годовая доза каждого из нас. Для сельского жителя она составляет около 350, для городского — около 500 миллирентген в год. (При этом, правда, неучтенными остаются такие источники дополнительного облучения, как включенный телевизор, полеты на самолетах, радиоактивные осадки, которые выпадали в результате ядерных взрывов в атмосфере до 1963 года...)

Чернобыльская авария, естественно, внесла свои изменения в приведенные выше расчеты. Насколько существенные? Скажутся ли они, и если да, то как, на здоровье жителей Припяти, окрестных сел, Киева? Прежде чем ответить на эти вопросы, немного сведений из истории.

Влияние радиации на человеческий организм, неблагоприятные генетические последствия изучаются давно, с тех пор, как люди начали работать с источниками излучения. Толстые резиновые перчатки, которыми стали в свое время защищать руки рентгенологи, появились не сразу: профессиональное заболевание — рак кожи — было одним из первых проявлений отдаленного воздействия чрезмерного облучения, которое получал врач, работавший за несовершенным рентгеновским аппаратом. К основным группам людей, наблюдение за которыми позволило установить связь облучения с онкологическими заболеваниями, относятся, скажем, шахтеры урановых рудников или некоторая часть населения Хиросимы и Нагасаки.

Во время взрыва атомных бомб в японских городах от восьми до десяти процентов населения подверглось облучению в дозе, превышающей 200 рад¹. Еще некоторая часть населения получила дозу, превышающую 100 рад. Именно на этих группах людей сказались все тяжелые последствия атомных взрывов. Что касается упомянутых уже врачей-рентгенологов, то и среди них заболевали далеко не все. Лишь те, кто начал работать до тридцатых годов, когда сами аппараты были примитивны.

В те времена, кроме того, не существовало еще установленных норм допустимого облучения. Позже, когда улучшились условия труда, с введением нормы допустимого облучения (она составляет около 5 бэр² в год), количество онкологических заболеваний среди рентгенологов стало таким же, как и среди любых других групп населения.

¹ Рад — единица измерения поглощенной дозы. Поглощенная доза - отношение энергии ионизирующего излучения к единице массы облучаемого вещества. 1 рад=0,01 Дж/кг.

² Бэр — биологический эквивалент рентгена. 1 бэр рентгеновского излучения соответствует 1 раду поглощенной дозы.

Длительные (20—30 лет) наблюдения в самых разных странах за людьми, работающими с источниками излучения с соблюдением допустимых норм, показали, что зловещих изменений по сравнению с другими группами населения у этих профессионалов нет.

Хотя медицинская радиология располагает сегодня значительным опытом, специалисты в своих оценках все-таки осторожны и не дают сразу категорических заключений. И все же некоторые данные уже известны.

Так, проявление отдаленных последствий облучения онкологические заболевания и генетические нарушения — считается бесспорным для облучения, превышающего 100 бэр. Лучевая болезнь может возникнуть при разовой дозе, превышающей 75—100 бэр. При всей осторожности, с которой делаются прогнозы последствий чернобыльской аварии, риск проявления отдаленных последствий облучения на больших группах населения признается ничтожно малым.

Профессор В. А. Книжников, член Советской национальной комиссии по радиационной защите, считает, что «риск от дополнительного облучения в результате аварии несравненно ниже, чем риск погибнуть в автомобильной катастрофе или скончаться от того же рака легких в результате курения. Риск умереть от рака у жителей Киева значительно меньше, чем у живущих вблизи современной мощной угольной станции». Почему? Да потому, что доза, которую могли «схватить» киевляне за месяц после аварии, — 150 миллирентген.

Но как бы благоприятны (понятно, относительно) ни были прогнозы радиологов, медицинское наблюдение за жителями пострадавших районов ведется самым скрупулезным образом, и будет оно длительным.

Врачей больше всего волнуют дети. Те, в частности, которые родились после аварии и которым предстоит еще родиться. Данные прежних наблюдений, в частности, за потомством врачей-рентгенологов, работавших с первыми установками, говорят о том, что каких-либо значительных изменений в генетическом фоне, в здоровье детей их и внуков не выявлено. Родилось столько же мальчиков и девочек, с тем же ростом и развиваются так же, с такими же наследственными показателями, что и у всех нас...

Но это теоретические аргументы. Что говорит нынешняя, чернобыльская практика? Уже есть сведения на первую тысячу детей, родившихся после аварии. Они в самом деле причинили акушерам много хлопот. Дело в том, что их средний вес — около четырех килограммов — больше обычного. А этого акушеры не любят, да и матерям приходится труднее. Избыточный вес связан в первую очередь с тем, что будущие мамы сразу же после аварии были взяты под медицинский контроль, помещены в стационары. А там усиленно питались. Изменение образа жизни, режим питания и привели к богатырскому весу малышей.

Из всего этого безусловно не следует, что радиация сама по себе вещь безопасная и полностью медициной сегодня контролируемая. Но в отличие от других воздействий на человеческий организм, например химических, здесь у врачей есть точные, выверенные градации соотношения дозы радиации и возможных последствий. И оптимистические прогнозы медиков основаны не на интуиции, а на строгой зависимости дозы облучения и степени риска.

Один-полтора процента. Так определялось возможное увеличение роста раковых заболеваний в районах, пострадавших от аварии. Данные эти, приведенные советскими врачами осенью в Вене, на чрезвычайной сессии МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии), остаются и сегодня в силе. Хотя, подчеркну, прогноз этот основан на самых неблагоприятных допущениях. И теперь, когда поступают новые сведения, после более детального и точного измерения доз, полученных населением, выясняется: исходные расчеты облучения были значительно завышены. По отношению к некоторым районам — в пять, а то и в десять раз. Выходит, цифра 1 или 1,5 процента скорее всего будет еще уменьшена.

...В распоряжении современной радиобиологии и радиационной медицины не только данные многолетних наблюдений, о которых мы упомянули. В течение многих лет разворачивались и экспериментальные исследования. В Институте биофизики Минздрава СССР был поставлен уникальный эксперимент, результаты которого очень важны для оценки действия различных доз облучения на организм. Руководил экспериментом профессор Юрий Григорьевич Григорьев, заместитель директора института, секретарь секции по радиобиологии АН СССР.

Объектом изучения в эксперименте, как и во многих других медико-биологических исследованиях, были собаки. Около 250 животных на протяжении нескольких лет постоянно, круглосуточно подвергали облучению от гамма-источников. За ними был установлен ежедневный контроль. Через каждые два месяца при обследованиях оценивали состояние хромосомного аппарата клеток костного мозга, иммунологические и биохимические реакции, состояние высшей нервной деятельности, реакцию на различные нагрузки.

После прекращения облучения собак наблюдали на протяжении всей их жизни, наблюдали также за их потомством. В общей сложности эксперимент длился 16 лет. Основной результат: частота появления злокачественных опухолей не увеличивалась, не менялась воспроизводительная способность животных, продолжительность жизни подопытных животных была чуть больше, чем у контрольных.

Специальные исследования показали возможность переносить полученные данные на человека. При этом появляется определенный коэффициент запаса, так как длительность жизни человека значительно

больше. Шестилетний период облучения собак соответствует для человека примерно 25 годам.

Эксперимент проводился для того, чтобы оценить влияние галактического космического излучения на членов экипажей орбитальных станций. В космосе радиационная обстановка более жесткая, чем на Земле, прикрытой щитом атмосферы. Галактическое космическое излучение оказывает постоянное воздействие в течение всего полета. Кроме того, космонавты могут подвергаться дополнительному острому облучению из-за вспышек на Солнце и продолжительному воздействию в случае полета в радиационных поясах Земли. Доза облучения может достигать за год 100 рентген.

Для сравнения скажу, что на аварийных работах предельно допустимая доза установлена в 25 рентген. Эти дозы определяются с большим запасом «в пользу» человека. Накопив 25 рентген, любой работник, независимо от должности, покидает зону. Более того, такие дозы — случай исключительный. И можно с уверенностью сказать, что никто не получает больше 25 рентген за время работы.

Но 25 рентген за год — доза, признанная безопасной всеми международными комиссиями, комитетами, соглашениями. Поэтому впоследствии люди могут вернуться к работе в радиационных условиях, однако с оговоркой: в последующий этап жизни суммарная доза не должна превысить 50 рентген.

Тут необходимы пояснения. Доза профессионального облучения персонала АЭС за 25 лет составляет в среднем 19—25 рентген. Те, кто не имеют никакого отношения к энергетическим реакторам и не живут вблизи станций, тем не менее, тоже испытывают действие излучения. Естественный радиационный фон, о котором говорилось выше, постепенно возрастает. Сейчас средняя доза, накапливаемая человеком в течение жизни, достигает в Советском Союзе, как и в других промышленно развитых странах, примерно 25—28 рентген.

В последние годы сделаны огромные усилия, чтобы максимально снизить дозы при рентгенологических исследованиях в медицине. В пятидесятых годах при рентгенокопии желудочно-кишечного тракта пациент получал до 100 рентген, почти столько же при «просвечивании» грудной клетки. Меры вынужденные: иначе тогда нельзя было добиться результата. Ныне техника совершеннее и дозы, конечно, меньше: лишняя радиация организму совершенно ни к чему. Но и уровни пятидесятых годов не дали явных отрицательных последствий. О врачах мы уже говорили, теперь речь о пациентах. Если бы это было не так, медики наблюдали бы в разных странах (методы исследований ведь различаются) «пики» роста раковых заболеваний.

Но одно дело — рентгеновский кабинет, где нагрузки кратковременны и строго дозированы, другое — пребывание в зоне, где

на организм действуют самые разные факторы. Тут и все виды излучения, и масса различных твердых и газообразных веществ, радиоактивных изотопов, которые, проникая в ткани, скапливаясь, становятся источниками облучения внутреннего. Действия всех факторов и их сочетаний мы предвидеть не можем, но обязаны считаться с их присутствием и вероятной угрозой здоровью. Перестраховка в том случае, когда речь идет о здоровье, не просто оправданна, но необходима.

Существует понятие эффективной дозы. Если бы, допустим, человек по каким-то причинам облучался в течение нескольких лет и получил в общей сложности 1000 рентген, то эффективная доза будет исчисляться к 200—300 рентген — с остальным организм справился. Произошло восстановление, компенсация нарушенных функций. Это проверено экспериментами на животных.

Восстановление идет очень активно. Возьмем даже случаи острой лучевой болезни: если сохраняется островок костного мозга, не поврежденный ионизирующим излучением, он дает возможность восстановить кроветворение. Когда на животных проверялись способы защиты космонавтов при солнечных вспышках, пробовали экранировать от излучения только одну кость, бедро например. Животные выживали при значительно больших дозах, справлялись с заведомо смертельными.

В связи с аварией на Чернобыльской АЭС, по мнению Григорьева, нельзя ожидать острых проявлений каких-либо заболеваний. Потенциальная опасность связана в основном с накоплением радиоактивного йода в щитовидной железе в первые дни после аварии. С учетом средних доз сделаны модельные расчеты, которые показали, что возможно возникновение небольшого количества случаев излечимого рака и доброкачественных опухолей: от 40 до 320 случаев на миллион человек.

Модель всего учесть не может, но при ее разработке, как и при определении предельных доз облучения, введена масса допусков в пользу человека. Нужна была предельная осторожность. Был необходим тщательнейший контроль за продуктами.

Естественно поэтому, что кроме существовавшего «теоретического» голода, жажды получить сколько-нибудь полную научную информацию людей заботили и вопросы чисто практического свойства. Советы о том, что можно, а чего нельзя, что вредно, а что полезно, передавались из уст в уста и иной раз принимали характер фантастический. Часто бывало трудно разубедить людей в том или ином заблуждении.

Ну, например, было много разговоров о благотворном влиянии спиртных напитков на людей, живущих в зоне повышенной радиации. «Очевидцы» утверждали, что в Киеве вином торгуют на всех углах, причем по очень низким ценам. Врачи и специалисты, к которым обращались за разъяснениями, только разводили руками — какая чушь! В самом деле,

алкоголь оказывает воздействие на нервную систему, мозг, печень и т. д. А радиация сказывается на клеточном уровне. То есть алкоголь и радиация в своем действии на организм оказываются как бы параллельными, не пересекаются. Впрочем, нет. Все же пересекались. Хотя о целебных свойствах водки речи быть не могло. Скорее, наоборот.

Некоторые пожарные, работники станции, вернувшись домой после страшной ночи пожара, повинувшись естественному желанию расслабиться после чудовищного напряжения аварийных работ, выпивали. По их собственным рассказам, да и по свидетельству врачей, стакан водки не приносил им облегчения. Наоборот, им тут же становилось плохо... Кроме того, попав к врачам, пострадавшие от радиации не могли толком рассказать о своем состоянии — в случае если их мозг был затуманен алкоголем. Так что и перед лицом опасного врага — радиации, как, впрочем, и в любом другом случае, трезвая голова лучше, чем хмельная.

Больше всего вопросов, и это понятно, было связано с продуктами питания — достаточно ли надежен контроль? Контроль был установлен с первых же дней, и был он тем строже, чем ближе к месту аварии. Проверялись все продукты, привозимые на рынки, все, поступавшее в государственные магазины.

В Киеве была закрыта часть летних рынков. Сделано это было для того, чтобы максимально ужесточить контроль на работающих — самых больших и популярных. Существовали ограничения на продажу — не разрешалось торговать самодельными молочными продуктами, зеленью, грибами и лесными ягодами. Все остальное очень строго проверялось. Клубнику, скажем, проверяли так: ягоду разминали в банке и затем опускали туда дозиметрический прибор. Обычно справка о прохождении контроля лежала рядом с продуктами, ее мог потребовать каждый покупатель. Те, кому недостаточно было увидеть справку, могли сами пойти в пункт контроля и проверить свои покупки, убедиться собственными глазами в их безвредности.

И на московских рынках проверялись все привозимые продукты. Не так часто, но обнаруживались «загрязненные» овощи и ягоды. Чтобы дозиметрический прибор перестал «звенеть», достаточно было, как правило, хорошенько вымыть продукты: сигнал о наличии радиации подавали не они, а пыль, на них осевшая. Впрочем, любую пыль, не только радиоактивную, лучше с фруктов смывать.

Что до молока и молочных продуктов, то они проходили проверку как минимум дважды — на фермах и на молокозаводах. Если молоко оказывалось зараженным радиоактивным йодом, его отправляли на переработку. Сыр и масло, изготовленные из него, опасности не представляют. (Кстати, норматив на допустимое содержание йода-131, в десять раз более жесткий, чем тот, что был установлен, например, в

Великобритании при аварии реактора, когда в атмосферу тоже попал изотоп радиоактивного йода.)

А представляет ли опасность для человека скот, попавший в зону радиации, не может ли он превратиться в источник радиации? В самом деле, если на шкуру животного осела радиоактивная пыль, то излучение есть. Но в таком случае достаточно смыть пыль с животного, что и делалось. Хуже, если корова пасется на сраженном лугу, — радиоактивные элементы попадают в молоко. Потому и необходим был контроль, потому и отправлялись партии зараженного молока на переработку.

В Чернобыле скот не забивался, хотя известно, что при сильном радиоактивном заражении животных уничтожают. Например, в Японии в 1954 году было уничтожено более 400 тонн рыбы, зараженной радиоактивными веществами. Мясо скота, попавшего в зону облучения, может идти в пищу в том, разумеется, случае, если следы радиоактивности не превышают установленных норм.

Вода — вот, что серьезно волновало всех — и жителей Украины, и ученых, и тех, кто привык проводить летние отпуска на курортах Черного моря, в Крыму. Буквально в первые дни после аварии по берегам Припяти стали насыпать валы, чтобы избежать попадания загрязненных вод в реку. Припять впадает в Киевское водохранилище, в Днепр — один из источников пресной воды двухмиллионного города и густонаселенных окрестностей. То, что первое время после аварии не было дождей, конечно, помогло обезопасить воду от сильного загрязнения.

И все же ситуация была настолько серьезной, что срочно принимались меры. Необходимо было создать резерв водоснабжения — и всего за месяц была возведена насосная станция, подававшая в Киев воду из другой реки — Десны. В разных районах города было пробурено 58 артезианских скважин глубиной от 160 до 330 метров. Работы шли стремительными темпами, при этом надо учитывать, что в Киеве скальные грунты. Кроме того, скважины пробурили на всех молоко- и хлебозаводах Киева. На них использовалась вода только из артезианских колодцев.

Самые сложные работы были связаны с подземными водами в районе самой станции. Нельзя было допустить, чтобы они перенесли в Припять радиоактивную грязь. Для этого бурились скважины, менялось направление подземных рек и ручьев. Они стали огибать территорию станции, обходить ее стороной.

Однако Киеву не пришлось переходить на воду артезианских колодцев. Ежечасные замеры радиации показывали — вода никакой опасности не представляет. Воду на пробы брали каждый день, каждый час, в одно и то же время, в одних и тех же местах. Как правило, на самом быстром течении реки на всем протяжении — от зоны станции до города.

После аварии, хотя было очень жарко, днепровские пляжи пустовали — люди боялись купаться, ловить рыбу. Конечно, привычный отдых

приходилось ограничивать. Врачи не рекомендовали находиться на солнце слишком долго и лучше — утром. Впрочем, этот совет они дают всегда. Потихоньку на берегах реки стали появляться отдыхающие — многочисленные выступления врачей по телевидению и в печати, информация, о постоянном снижении уровня радиации воды и воздуха успокаивали людей. Хотя разумную осторожность соблюдать, безусловно, было необходимо.

Многие летом все же отказались от привычных поездок к Черному морю. Свою роль сыграли в этом и молва, и слухи, и преувеличение опасности. Впрочем, летний отпуск лучше проводить со спокойной душой. И если кто-то не доверял поступавшей информации, трудно его в этом упрекнуть. Такова уж природа человека: последняя инстанция, которой он доверяет больше всего, — он сам....

Да, учеными и средствами информации после аварии было сделано много для того, чтобы помочь людям справиться с неизвестным врагом, чтобы помочь найти разумную меру осторожности. Надо было суметь избежать и паники, с одной стороны, и несерьезного, пренебрежительного отношения к угрозе повышения радиации — с другой.

...Не сразу, но постепенно, удалось удовлетворить любопытство населения. Согласимся, оно не было праздным. Согласимся еще и с тем, что авария обнаружила слишком серьезный провал в наших знаниях: о многом население районов, прилегающих к атомной станции (и не только Чернобыльской), должно было знать заранее. Об этом также пришлось беседовать с профессором Григорьевым в одну из наших чернобыльских встреч.

«В наше время, в период широкого использования атомной энергии, нужно не только максимально повышать надежность установок, но и, безусловно, просчитать все мыслимые сценарии возможных аварий. Такая работа ведется.

Проведение мероприятий по радиационной безопасности зависит от характера аварии, географического положения станции, погодных условий в момент аварии. Это предполагает определенную гибкость в принятии решений. Однако эффективность мероприятий будет, безусловно, зависеть от срока их проведения.

Население должно знать о существовании планов на случай аварии. Нужны четкие и простые инструкции. И в случае аварии очень важно как можно быстрее известить население о случившемся и дать инструкцию о применении первых срочных мероприятий по защите от радиационной опасности.

Это я вам почти дословно процитировал выдержки из статьи, которую готовлю для энциклопедии... Меня мучает, что слова такие формальные, банальные. Но на основании опыта считаю — именно так и должно быть.

Я вот не уверен, что до поездки в зону, оказавшись в подобной ситуации, не забыл бы закрыть форточку. Помните, на здании штаба комиссии в Чернобыле табличка: «Уровень радиации в помещении в десять раз ниже, чем на открытой территории».

Чернобыль преподавал нам много уроков. Нужно хорошо запомнить и этот. Ионизирующего излучения не видно, не слышно, никак оно не чувствуется — и человек не может критически оценить опасность. Такую возможность дает только знание — цифры, факты, на основании которых вырабатываются правила, способы защиты.

За сорок лет сделано многое, накоплен большой материал. И я считаю, что необходимо усилить пропаганду результатов исследований. Очень важно издавать и больше монографий для специалистов, и различные руководства по радиационной безопасности, и популярную литературу.

Известный наш медик Ангелина Константиновна Гуськова подготовила руководство по оказанию помощи. Необходимейшая, к сожалению, вещь! А вот издать ее, пока не случилось несчастье, не удавалось долго: «пробивали» рукопись и в Медгизе, и туда и сюда — безрезультатно.

Меня удивляет, что при той массе вопросов, которыми постоянно засыпают нас в любой аудитории, при явном недостатке информации ни к кому из сотрудников института ни разу не обратились из общества «Знание». А казалось бы, должны теперь трясти, как грушу. Но нет. Помню, читал лекцию в Киеве — четыре часа не отпускали. Надо было закрывать здание, служители торопились — все равно не расходились...»

Волнение и профессиональная озабоченность радиолога Григорьева понятны: вероятно, многих накладок можно было бы избежать, имея население заблаговременную простую и внятную информацию. Что ж, и это мы должны крепко запомнить...

ГЛАВА VII

ВРАЧИ

Кто и как лечил пострадавших

Имя профессора Гуськовой было достаточно известно и прежде в тех медицинских кругах и у нас в стране, и за рубежом, в которых привычно звучат чуждые для большинства слова: радиационное поражение, лучевая болезнь... В мае слова эти стали произносить многие. Да, А.К. Гуськова делает с блеском свое дело давно. Но радиолог — кто о нем знает, пока не случится что-то совершенно чрезвычайное?

В первый раз я увидел Ангелину Константиновну в московской клинике, там, где лечились самые тяжелые больные из пострадавших при чернобыльской аварии. Было это в самое напряженное для врачей время, когда у большинства пациентов наступил критический период.

О бремени сострадания и ответственности за каждого больного, о нечеловеческой усталости, накопившейся за месяц бессонных ночей, можно было только догадываться. Ничем эта женщина не подчеркивала исключительности того, что она и ее сотрудники сделали. Труднейшая работа началась для них уже 26 апреля.

Рассказывает Гуськова: «Наша клиника была моментально привлечена к консультациям. 26 апреля в 16.30 я уже разговаривала по телефону с припятскими врачами. В 18.00 подготовили к вылету аварийную бригаду. В числе первых отбывших в Чернобыль было двое моих сотрудников.

Переоценить важность этого этапа работы нельзя еще и потому, что при лучевой болезни промедление недопустимо. Если нужных операций не провести в первые две недели болезни, то потом они будут уже не нужны, мы будем бессильны помочь. А ведь это не просто операции — к пересадке костного мозга, например, необходимо долго готовиться, искать доноров. Уже на следующий день больные стали поступать к нам, их доставили тремя самолетными рейсами».

С этого дня и началась работа маленького коллектива, никогда прежде не имевшего такого количества пациентов. Десять молодых врачей, что еще вчера были младшими сотрудниками, стали заведующими десяти отделений. Самые опытные работники приняли первых тяжелейших пациентов — пожарных.

Все, что требовалось для лечения пострадавших, клиника Гуськовой получала без промедления: врачей, лекарства, сложнейшую аппаратуру... И все же от хозяев — сотрудников Гуськовой — зависело самое главное: сделать для каждого все возможное, как если бы он был единственным на всю больницу. Это стало их девизом.

Врачи, лаборанты, сестры — все прекрасно сознавали, что от их темпа, самоотверженности, готовности работать в любое время, забыв о собственной усталости, зависит жизнь.

В день тогда делалось по триста — четыреста анализов.

У каждого тяжелого больного круглосуточно дежурил индивидуальный врач, рядом все время была сестра. На всех тяжелых больных — три смены врачей, четыре смены сестер и у дежурного по больнице работало целое «войско». Отошли в сторону всякие мелкие обиды, недоразумения. Единственное, что было важно в те дни, — состояние пациента.

«Доктора у нас нежные, теплые, — продолжает рассказ Гуськова, — контакт с больными — доверительный. Они и пациенты хорошо узнали друг друга. Я думаю, что это очень важно.

Больные, надо сказать, были очень активны, все время интересовались: что с ними делают врачи. Даже самые тяжелые — в барокамере, на сепараторе. Многие понимали, что к работе по профессии вряд ли вернуться, а нам было очень важно занять их мысли далекими жизненными планами. Они огорчались: «Вы нам не разрешите работать», а мы еще не знали, «разрешим» ли им жить...

Тем, кто очень тяжел, мы позволяли повидаться с родными. Некоторые из родственников были донорами. Сами больные часто переживали: «Как же мама, она такая старенькая, а я от нее беру костный мозг?»

Боль и тревога близких нам понятны — это все молодые люди, молодые семьи, жены, ждущие детей, иногда первого ребенка. И все же большинство больных мы старались оберегать от визитов. Ведь даже посещения врачей при лучевой болезни проходят при соблюдении строжайших санитарных норм. В палату нельзя пропустить даже тень инфекции».

Что же это за недуг? Даже в неосложненном варианте лучевая болезнь излечивается непросто. Ведь одновременно она наносит удар по целому ряду органов и систем. В зависимости от уровня доз ведущими в процессе болезни становятся разные органы.

Пациенты Гуськовой пережили такую ситуацию, при которой удары превосходили те, что поражают лишь кроветворную систему. А именно эту стадию медики и лучше знают, и лучше лечат. В Чернобыле удар по величине дозы у части людей был таким, что поразил кишечник, сказались тяжелыми изменениями других органов... И это сочеталось с обширными радиационными повреждениями кожи. Даже из перечня «выбывших» из строя органов становилось ясным, что для лечения этих пациентов нужно было привлечь широкий круг специалистов самого разного профиля. Безусловно, ведущие среди них — специалисты по болезням крови — гематологи и те, кто занимается пересадкой кроветворящих тканей.

Специалистами именно в этой области, в области трансплантации клеток крови и зародышевой печени, были американские специалисты, с первых чисел мая работавшие в Москве. Среди них — профессор Роберт Гейл. О нем речь впереди.

Операции по пересадке чужой кроветворной ткани делались небольшой группе самых тяжелых больных. Эти операции, как и всякие связанные с пересадкой, чреватые серьезными осложнениями. Дело в том, что если у больного сохранились собственные кроветворные ткани, то возможен серьезный иммунный конфликт. «Хозяин» будет отторгать пересаженную ткань, а та станет работать против него. Поэтому, если есть малейшая надежда на восстановление кроветворения собственными силами, операция противопоказана.

И все же, — говорит Ангелина Константиновна, — движимые чувством гуманности, понимая, что иногда мы опаздываем с пересадкой, мы все-таки расширили показания к этой операции. И пересаживали тем, надежды на жизнь которых с самого начала у нас были очень неуверенными. Возможности этой операции в какой то мере ограничены.

Более широко мы использовали пересадку клеток зародышевой печени. Она была сделана практически безнадежным пациентам. Но мы сочли, что она не приносит вреда, не вызывает иммунных конфликтов и в то же время таит в себе некоторый дополнительный резерв. К моменту приезда американских коллег — к 4—5 мая — мы уже сделали шесть первых пересадок. Самые первые решения, самые первые операции советские врачи проводили самостоятельно. И с нашими американскими коллегами мы как бы продолжали эту работу, а не начинали ее с их приездом.

Конечно, присутствие подготовленных, владеющих мировым опытом специалистов было полезным, хотя наша совместная работа касалась далеко не всех больных».

В первые дни клиника приняла 200 пациентов. 70 человек были выписаны довольно скоро. Среди оставшихся 89 больных, по словам Гуськовой, занимали ум и сердце врачей. Вопрос о пересадке костного мозга решался относительно 35 самых тяжело пострадавших. Обсуждение их историй болезней и было предметом совместной работы советских и американских врачей. Эти консультации также оказались полезны.

Тактика применения костного мозга в случае общего равномерного облучения в дозе, заведомо исключающей собственное восстановление кроветворения, была впервые определена советскими специалистами в 1967 году. Поэтому контакты с советскими врачами были для американских врачей весьма небезынтересны. По мнению американских коллег, объединение усилий профессора А. Баранова — гематолога и профессора Гуськовой — радиолога — образец синтеза двух дисциплин, которого недостает у них. Они рассказывали, что в США гематология и

радиология существуют независимо. Гейла, например, ни разу не привлекали для лечения пораженных при авариях на атомных станциях.

Операции по трансплантации проводились совместно. При извлечении костного мозга донор находится под наркозом. Чтобы не держать его долго, берется мозг из разных точек. Во время таких операций врачи обменивались репликами: похоже было, что идет советско-американское соревнование — кто лучше выберет клетки, кто быстрее это сделает, чтобы можно было скорее вывести донора из наркоза.

Профессор Гуськова отмечала такт и корректность доктора Гейла и его коллег. Когда случались расхождения в оценке и прогнозе, доктор Гейл всякий раз прерывал дискуссии: «Стоп. Кончаем обсуждение. Делаем так, как считают хозяева».

«Сдержанность и мудрость» — эти слова часто повторялись доктором Гуськовой. Речь шла прежде всего о досаде журналистов на недостаток информации о больных, о ходе лечения.

«У нас есть пациенты, за чью жизнь мы волновались. И всякое неосторожное слово, особенно слово, относящееся к конкретному человеку, позволяющее ему себя узнать, могло оказаться мощным отрицательным фактором. Таково наше убеждение, несмотря на то, что за рубежом подчас в нашем немногословии хотят увидеть злую волю, нежелание поделиться, нежелание подвести итоги. Между тем мы внимательно изучали опыт аварий, которые имели место в Югославии, США,— всегда информация поступала с известным опозданием. И это несмотря на другие этические нормы, которые приняты. В других странах больше говорят о пациенте, например могут сообщить, что президент оперирован по поводу опухоли... Нас как врачей такое просто коробит.

Что касается итогов нашей работы, нашего опыта, который может понадобиться любой стране, мы, без сомнения, сделаем его достоянием научной и медицинской общественности. Скажем, с доктором Гейлом есть договоренность о совместных публикациях. Но это потом, когда мы уже не будем ежечасно нужны нашим больным».

Этот же подход — сдержанность и мудрость — диктовали советским врачам необходимость ограничить участие специалистов из других стран в лечении пациентов с лучевой болезнью. Действительно, многие, и весьма требовательно и настойчиво, стремились приехать для участия в работе, множество фирм посылало свои лекарственные препараты. И все же нельзя было допустить, чтобы за спиной каждого врача стояли три других, наши ли, зарубежные ли, которые, естественно, своими вопросами, вмешательством в какой-то мере стали бы отвлекать от лечебного процесса. По решению сотрудников клиники больным давали только те лекарства, которые уже были испытаны на людях, по которым есть

надежная литература. Человек не пробирка, и вкладывать в него все, что производят фармацевтические фирмы, нет никакой необходимости.

Когда я слушал доктора Гуськову, и первый раз, и позже меня поражала спокойная уверенность ее интонаций, обдуманность каждого слова, каждого решения. Рядом с нею возникает чувство надежности, защищенности. Уверен: то же самое она внушала и своим больным. А ведь были — не могли не быть — минуты сомнений, отчаяния, просто усталости, наконец...

Ангелина Константиновна — четвертый в семье медик. Врачами были прадед, дед, а отец — один из первых врачей, награжденных орденом Ленина — высшей наградой СССР. Ангелина поступила в Свердловский медицинский институт в 1941 году, когда уже началась война. Будущая профессия в семье даже не обсуждалась, с детства ей было ясно, кем быть. Но война — война и для врачей. Отец, который сразу же должен был отправиться на фронт, не столько чтобы отговорить, но чтобы отрезвить, перед отъездом спросил: «Ты хоть подумала, на что ты идешь?»

В семье ли были воспитаны воля и характер врача Гуськовой, трудные ли годы учебы в военное время их укрепили, но в том, как смогла она организовать и провести сложнейшую работу, в полной мере проявились все лучшие качества врача и человека — милосердие и мудрость, твердость и спокойствие.

Радиология не сразу стала основной специальностью Гуськовой. В начале 50-х годов она занялась этой — новой тогда — отраслью медицины. Сначала на Урале, потом в Москве. Последние 14 лет в коллективе специализированной клиники. Два года назад ими была издана книга «Организация наблюдений за работающими в атомной промышленности». Глава из этой книги — «Аварии на реакторах и организация помощи пострадавшим» — стала основной инструкцией для врачей после чернобыльской аварии.

И еще одну небольшую книжечку вместе с коллегами написала Гуськова. Тираж ее невелик, написана она была специально ко второму конгрессу участников движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Доктор Гуськова — активный участник этого движения. По ее словам, книжечка эта произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Русские самостоятельно, абсолютно объективно, подробно и совершенно по-новому интерпретировали возможные последствия атомной войны. Что отличало эту работу от других? В ней не было никаких сценариев войны между теми или иными странами, оценок ее последствий для отдельных городов, как это принято за рубежом. Авторы стремились подчеркнуть, что общий дом — мир и опасность — одна для всех.

Другая была и система расчетов. В ней рассматривались вещи, которые для многих оказались неожиданными. Прежде всего демографический аспект последствий атомных взрывов в Японии. Если

после обычной войны происходит как бы всплеск, рост рождаемости, демографическая ситуация быстро выравнивается, то в японских городах спустя двадцать, тридцать лет не только гибли дети, но до сих пор люди боятся заводить детей. Выводы эти были сделаны впервые, и японские коллеги оценили их по достоинству.

В том, что профессор Гуськова — автор таких, казалось бы, разных книжек, есть своя логика. Кому, как не ей, очевидны все безжалостные, чудовищные последствия возможной атомной мировой катастрофы?

Пусть во время совместных операций и были у них с доктором Гейлом мелкие расхождения, но в главном вопросе они были единодушны. Успех лечебных мероприятий нынешним летом, относительно небольшое число погибших связаны не в последнюю очередь с тем, что на каждого больного приходилось по 20 медицинских работников. С тем, что для каждого было сделано все, чем только располагает современная медицина, идет ли речь об аппаратуре, о медикаментах, о сроках госпитализации и операций. С тем, что сопереживал, сочувствовал и помогал весь мир, в 15 странах были готовы принять пострадавших, если бы в этом возникла необходимость. Война, совершенно понятно, перечеркнет все возможности, которыми располагает сегодняшняя медицинская мировая наука: в Хиросиме сразу погибло 90 процентов врачей — об этом нельзя забывать.

И еще в одном сошлись американские и советские врачи их совместная работа летом 1986 года позволила как бы заглянуть в будущее, ощутить, что значит работать в условиях сотрудничества, когда о здоровье больных заботится огромный дружелюбный мир.

«Я уверен, — заявил доктор Гейл, — случись такое в другой стране, советские врачи немедленно предложили бы свою помощь».

Сегодня, увы, стало очевидным, что ни одна страна в мире не застрахована от подобной аварии, равно как любое государство будет нуждаться в помощи других стран в ликвидации ее последствий. Итак, кто он — доктор Гейл, показавший пример такого участия и сотрудничества?

Доктор Роберт Гейл, Калифорния, США. Такая краткая информация тем, кто до апреля прошлого года не был по службе или в силу научных интересов связан с одной из самых страшных бед второй половины XX века — лучевой болезнью, говорила немного. Для специалистов и больных, а последних, увы, в мире не так уж и мало, тут и добавлять особо нечего. Теперь имя американского специалиста по пересадке костного мозга, одного из крупнейших авторитетов в этой сложнейшей области медицины, известно в нашей стране достаточно широко.

Страшная ночь, когда на четвертом блоке Чернобыльской АЭС произошла авария, вызвала за рубежом не только шумные газетные скандалы. Эта трагедия всколыхнула лучшие человеческие и

профессиональные чувства. Среди первых, кто вызвался оказать помощь получившим лучевое поражение в Чернобыле, был и доктор Гейл.

Наша встреча состоялась в привычном для доктора номере гостиницы «Советская». Он занимал его уже третий раз за сравнительно короткое время.

Доктор Гейл специалист сразу в трех областях: раковые болезни, гематология и иммунология. Трансплантация костного мозга лишь небольшая, хотя и чрезвычайно важная часть его работы. Тяжкими болезнями, свойственными больше второй половине XX века, доктор занимается потому, что они, к сожалению, есть, потому, что они, увы, встречаются все чаще. Кроме того, раковые болезни, гематология и иммунология неразрывно связаны с трансплантацией костного мозга. Проблемы лечения рака еще ждут своего решения. Это область, по мнению Гейла, где возникают совершенно новые идеи, методы. Лечение лейкемии, частью которого является трансплантация костного мозга, всегда находилось как бы в авангарде усилий по борьбе с раковыми заболеваниями.

Эта мечта, кстати тоже общая для Гейла и Гуськовой,— победить злейшего врага XX века — рак — привела американского профессора к необходимости решать задачи пограничных медицинских областей. Доктор Гейл вспоминал о начале своей работы в этой сфере: «Свою первую операцию по пересадке костного мозга я провел в 1973 году. Моим первым пациентом был... хотя почему был? Он ведь жив! Тогда мальчику было восемь лет. Да, только восемь. Его костный мозг перестал функционировать. Эта болезнь примерно идентична той, которая называется лучевым поражением.

В случае с этим мальчиком мы, к сожалению, не знали причину его заболевания. Но у него была пятилетняя сестра, у которой, как мы выяснили, тип ткани костного мозга был таким же, как у брата. Этот факт был решающим. И мы пошли на трансплантацию. Прошло с тех пор 13 лет... Сейчас парень чувствует себя хорошо. Учится в университете. Его сестре — восемнадцать лет. Она стала настоящей красавицей!

А всего я провел более 500 операций. Подавляющее большинство — в своей клинике в Соединенных Штатах. Но кроме этого оперировал также в Японии, Израиле, странах Латинской Америки».

Небольшого роста, подтянутый, как принято говорить, спортивный, Роберт Гейл выглядит моложе своих сорока лет. Выслушав вопрос, отвечает спокойно, ровным, уверенным голосом — чувствуется большой опыт в «раздаче интервью». Но от этого ученый не становится сухим, менее обаятельным. Причина, видимо, в том, как он улыбается — неожиданно и очень по-свойски.

В комнате, где мы сидим, стоит пианино. На нем — скрипка в футляре. Естественным был и вопрос: играет ли доктор сам, любит ли музыку?

«Музыку — люблю. А на инструментах играют дочери. И в Киеве, где я летом побывал всей семьей, дочери даже дали маленький концерт в больнице. В эту больницу меня привели, понятно, профессиональные интересы. Там проходят курс лечения дети, эвакуированные из Чернобыля. Так вот, в ответ на музыку моих дочерей они чудесно спели украинские песни».

Тем, что он взял с собой в Киев всю семью, Гейл хотел ответить на чрезмерно раздутые, по его мнению, за рубежом слухи об опасности жизни в столице Украины, он был уверен, что этот его шаг будет понятнее и убедительнее для многих, чем десятки уверений. Пожалуй, профессор прав.

«Я был в Киеве в августе вместе со своей семьей — женой и тремя детьми. Как врач я могу сказать, что в целом любой уровень радиации людям ни к чему. Киевляне подверглись незначительным дозам, когда радиоактивное облако прошло над городом. Но уже летом риск был минимален. И если бы я не был так уверен в этом, сам бы туда не поехал. И уж конечно ни за что бы не повез туда семью (сыну профессора два с половиной года). Двух мнений быть не может: я считаю, что сейчас этот город абсолютно безопасен и люди могут жить там совершенно спокойно, детям тоже нет никакой опасности. Кроме того, радиоактивный фон с каждым днем все меньше и меньше».

Во время последней поездки на Украину доктор Гейл побывал рядом с Чернобыльской атомной электростанцией — летал туда на вертолете.

Он хотел собственными глазами увидеть, как продвигаются работы на станции и вокруг нее, какой прогресс достигнут в деле нейтрализации последствий аварии, как и в каких условиях трудятся рабочие и специалисты, очищающие местность от радиоактивного загрязнения... Увидеть собственными глазами все это — значит потом иметь возможность смело говорить. По мнению Гейла, ученые должны знать действительное положение вещей и нет смысла скрывать что-либо.

Американский профессор серьезно думает о перспективах работы с советскими коллегами, о международной кооперации в вопросах лечения лучевой болезни.

«Советские медики, — говорил Гейл, — работают превосходно. И в отдельных областях есть чему у них поучиться. У нас — свой опыт, свои достижения. Сложив все это вместе, убежден, можно добиться многого. Ну а конкретно вот одна из множества перспектив: люди, которых мы лечили совместно с советскими врачами, и веете, кто занесен в национальный регистр Центра пересадок СССР, теперь будут внесены и в международный регистр. Представьте, как хорошо было бы объединить все регистры

костных трансплантаций мира. Тогда банк доноров стал бы куда более эффективным, что в свою очередь помогло бы спасти многих и многих...»

Да, чернобыльская беда — беда не одной страны. Для радиации нет преград в виде границы. Необходимо опираться на международный опыт, международную помощь. Совместная работа специалистов как нельзя лучше способствует установлению доверия не только между профессионалами-врачами, но и вообще между странами.

«Как врача,— продолжал Гейл,— меня больше всего занимает вот что. Я считаю, что когда Бог сотворил наш мир, то он не мог желать, чтобы маленькие дети умирали от лейкемии. А они — умирают... И это чудовищно, невероятно! Я убежден, что наступит такое время, придет такой день, когда никто уже не будет умирать от этой страшной болезни. Мы стараемся найти необходимые средства и методы борьбы с нею. Кое-чего мы уже добились. Сейчас мы спасаем больше половины детей, пораженных лейкемией, в то время как в 1945 году практически каждый такой ребенок умирал. А при сотрудничестве ученых многих стран мы вообще сможем ликвидировать это заболевание. Помните, когда-то считалось — туберкулез неизлечим, полиомиелит неизлечим... А что сегодня? Поэтому я оптимистически смотрю в будущее и думаю, что и против рака противоядие найдут наверняка. Об этом — мечтаю».

Здесь я хотел бы сделать небольшое отступление. В одной из своих бесед с Гейлом я спросил профессора: «Вы, только узнав из прессы о чернобыльской беде, твердо решили к нам ехать. Вы спешили, бросили все... Не помешало ли такой уверенности да и вообще настроению то, что многие газеты да и телевидение и в Западной Европе, и в США весьма тенденциозно подавали события на Украине? Одно издание докатилось даже до приблизительно такого заголовка: «Тысячи красных детей в атомном огне. Ура!»...»

Гейл на секунду задумался — видимо, привычка быть точным и одновременно тактичным сработала и в данном случае — и ответил так: «Среди ученых и в серьезных изданиях подобных настроений я не увидел. Что до «желтых» газет — к их позиции не прислушиваюсь».

Но можно ли нам «не прислушиваться»? Или, как говорится, плюнуть, не заметить?

Поначалу мне казалось очень важным ответить на то, что приходилось читать о нашей беде в западной печати. Если уж называть вещи своими именами, то многое, особенно в первые дни, было просто непорядочным. Да и на собственном опыте пришлось убедиться и том, как факты становятся с ног на голову, как правда превращается в чистое вранье.

...С французским коллегой-журналистом я беседовал довольно долго — его интересовала работа наших врачей, судьба пожарных. Чем мог, старался ему помочь. Когда же мне пришлось прочесть то, что вышло

из-под пера этого человека, я просто растерялся. Из беседы, которую мы вели с ним в присутствии переводчика, что, казалось, исключало всякое непонимание и недоразумения, получилось напыщенное и злобное сочинение. Меня автору понадобилось превратить в главного редактора газеты «Известия», медицинскую сестру, которую, как я выяснил, он и в глаза не видел, сделать главным источником информации о состоянии больных, Арманда Хаммера его волей поселили прямо на Красной площади, в Кремле. Кругом понаставили солдат и охрану — и в больнице, и в нашей редакции...

Редакционная буфетчица поила нас кофе во время своего обеденного перерыва. И этот скромный факт дал журналисту повод заявить, что главный редактор (то есть я) принимал его в обстановке строгой секретности — в буфет других сотрудников не пускали.

Все это, понятно, мелочи, но они, и сами по себе вранье, сопровождали куда более злобную ложь. А ведь речь идет не о третьесортной газете, а о солидном издании «Пари-матч». Прежде я к этому журналу относился с профессиональным уважением. К сожалению, поток грязи лился в связи с Чернобылем не только в нем.

Так вот. Сначала мне хотелось как-то ответить. И на эту выходку, да и на другие, от которых меня просто коробило. А потом подумал — какого черта! Если бы, скажем, я узнал, что кого-то из моих знакомых обрадует болезнь моего сына или неприятности моей жены, разве пошел бы я выяснять с ним отношения, стал бы лезть в драку? Да никогда в жизни. Просто перестал бы с ним здороваться. Должен, правда, сказать, что в жизни с подобными типами мне часто встречаться не приходилось. Так стоит ли полемизировать с коллегами, способными радоваться чужому горю?

Я прекрасно помню собственную реакцию, реакцию моей семьи и друзей, когда по телевизору прокрутили ролик из США. Мы замерли, глядя на экран,— показывали взлет «Челленджера». И вдруг — взрыв! Мгновенная смерть астронавтов. А на экране уже плачущие американцы. Ком подкатил к горлу и у нас. И в наших глазах стояли слезы. Убежден, это единственно возможная реакция на трагедию. Если ты, конечно, человек.

Надеюсь, и события в Чернобыле у большинства жителей планеты вызвали естественное чувство горечи. Вот только высказывали ли печать — газеты, Журналы — и телевидение эту самую человеческую реакцию в те майские, страшные для нас дни? Увы, далеко не везде.

Относись к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. Это так же верно в отношениях между близкими людьми, как и между незнакомыми, даже говорящими на разных языках.

Вернемся все же к реальной и благородной совместной деятельности советских и зарубежных специалистов.

Врачи — и наши и американские — уже начали анализировать и обобщать ту научную информацию, которая была собрана за время лечения пациентов. Речь идет о больных с диагнозом острой лучевой болезни. Она, как известно, имеет строго ограниченный во времени цикл — два — два с половиной месяца. По истечении этого срока и можно говорить о том, кто одержал победу — врачи или болезнь. В этой работе заинтересованы врачи многих стран, она должна составить основу многостороннего сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

... К началу зимы в московской клинике продолжали курс лечения всего несколько человек — те, кто получил лучевые ожоги. Дело в том, что поражения кожи хотя и не так тяжелы, как острое облучение, но требуют более длительного ухода. Остальные пациенты приезжают к Гуськовой на консультации.

Эти консультации нужны прежде всего для того, чтобы определить их будущую профессиональную судьбу. Где и как станут теперь работать бывшие операторы АЭС, пожарные, инженеры — словом, все те, кто 26 апреля ночью подвергся максимальному «удару», — такой вопрос волнует одинаково сильно и бывших больных, и докторов. Врачи понимают, что полноценный труд лучше всяких лекарств поможет восстановить необходимый жизненный тонус, привести в норму подвергнувшуюся жестокому стрессу нервную систему. Но занять свое место в непосредственной близости от источников ионизирующего излучения, на атомных станциях, смогут, к сожалению, не все.

Специальные исследования — на работоспособность, психологическую и психофизиологическую устойчивость — позволяют специалистам прийти все же к достаточно благоприятным прогнозам: четыре пятых пациентов московской клиники будут работать по основной специальности. Инженер останется инженером, слесарь — слесарем, оператор — оператором. Но выйдут они на смену уже на обычной, тепловой или гидростанции.

Опыт работы клиники дает Ангелине Константиновне основания для подобных оптимистических утверждений. Среди ее пациентов прошлых лет есть люди, успешно защитившие потом кандидатские и докторские диссертации, руководители предприятий, учреждений. Все они сохраняют высочайшую квалификацию. Некоторым даже время от времени разрешено работать у реакторов. Если, конечно, в этом возникает особая необходимость.

Такая «профессиональная» консультация — не последняя встреча коллектива московской клиники с чернобыльскими больными. В ближайшие два-три года они будут приезжать сюда регулярно. Конечно, из-за каждой простуды нет необходимости спешить в Москву. Поэтому к наблюдению за ними подключатся местные врачи. А несколько человек,

борьба за жизнь которых была особенно острой, останутся на постоянное жительство в столице. И все вопросы, касающиеся их здоровья, до самых, казалось бы, мелких и незначительных, останутся заботой коллектива профессора Гуськовой.

Да, прошло немало времени с того апрельского дня, когда в Москву привезли пострадавших от облучения в чернобыльской аварии. Как теперь, когда позади бессонные ночи и нечеловечески напряженная работа, горечь потерь и радость побед, как нынче оценивает профессор Гуськова результаты труда своего маленького войска, в чем видит основные его заслуги?

«В прессе большое внимание уделялось операциям по пересадке костного мозга. И все же основные наши врачебные радости и победы связаны не с этим. И даже не потому, что число подобных оперативных вмешательств по сравнению с количеством больных — их было двести — незначительно, всего тринадцать. Нет, дело не в этом.

История лечения острой лучевой болезни свидетельствует, что чаще всего к смертельному исходу приводили ее основные осложнения — неспособность организма защититься от инфекций и кровоточивость. То, что мы сумели у многих больных избежать тяжелых инфекций, сепсиса, смогли предупредить или хотя бы ограничить кровоточивость, — и есть наша основная победа. При этом удалось не просто спасти людей от смерти, но облегчить само течение болезни. Ведь в прошлом она непременно связывалась с сильной слабостью, сердечными жалобами, потерями веса и другими крайне неприятными для самочувствия больного изменениями в организме. А наши больные не хворали так сильно, как это считалось неизбежным прежде».

ГЛАВА VIII

ПРИРОДА

Чем грозил удар радиации по окружающей среде?

Поля вокруг Чернобыля стояли необработанными, закрыты ворота животноводческих ферм. Оживленно только на дорогах, ведущих к городу, к станции. И к этому безлюдью, к тишине привыкнуть, пожалуй, было труднее всего.

Эвакуация. Теперь уже всем стало понятно, что это — надолго. Для людей, покинувших опасную зону, поставлены тысячи домов. «Село Берестянка построено трудящимися Крымской области. Июль — август 1986 г.» — надпись на камне при въезде в новый географический пункт Бородянского района. Удобные коттеджи с водопроводом, газом. На участке — хозяйственные постройки. И кое-где уже посажены первые деревца, еще прутьки. Таких поселков много. Люди обживают, работают. Но что же будет там, откуда они приехали, что будет с землей «за чертой»? Что — вблизи от нее?

Беседа в Госагропроме Украины началась со знакомства с картами. Вот одна из первых — на 10 мая. Принято считать, что к этому времени выпали на землю все радиоактивные частицы. Черным цветом окрашен участок в самом центре: здесь уровень поднялся выше 20 миллирентген в час. Красная зона — выше 5 миллирентген, голубая — выше 2, а ниже — зеленая. Другие карты, уточненные, детальные, — по стронцию и цезию, созданные специалистами различных служб, институтов.

Говорит первый заместитель председателя Госагропрома УССР Александр Николаевич Ткаченко: «По этим картам отрабатывается система ведения сельского хозяйства с учетом радиоактивного загрязнения. Загрязнение, как видите, легло пятнами, неравномерно. Та территория, что попала в черную зону, отчуждается. На какой срок — покажет время. Будут новые данные, скажутся результаты работ по дезактивации: контроль ведется постоянный. Во всяком случае, речь сейчас не о ней.

Практически ничего из урожая не убрали и в других районах 30-километровой зоны. Здесь есть вполне благополучные участки, но необходимо перестраховать людей. Придется пожертвовать продукцией на 24 тысячах гектаров сельхозугодий, расположенных в красной зоне. Да и не такая уж большая потеря. Здесь занимались в основном животноводством, а весь скот был вывезен сразу после эвакуации населения, так что сейчас работы не ведутся.

А вот для голубой и зеленой зон созданы подробные рекомендации. Составлены они с учетом биоклиматических условий районов, чтобы рассчитывать рацион животных, содержащихся на откорм или на

молочных фермах. Есть и временные рекомендации по обработке почвы к севу, уже под урожай будущего года.

Вместе со специалистом в области сельскохозяйственной радиологии Николаем Александровичем Лощиловым мы ездили по районам, собирали главных агрономов, рассказывали об особенностях работы, о том, как пользоваться различными данными, таблицами».

Николай Александрович продолжил разговор: «На пятилетку определена программа комплексных научных исследований по проблеме «Рациональное ведение агропромышленного производства на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС». Почвы здесь особые. Потребуется провести массу проверенных опытов, чтобы определить, насколько эффективно снижается подвижность радионуклидов на этих типах почв, как переходят вредные для здоровья вещества из почвы в разные части различных растений, как и сколько их попадает в организм животных по пищевым цепочкам.

Многими вещами мы раньше просто не занимались. К примеру, выяснилось, что крыжовник, смородина ведут себя иначе, чем другие ягоды. И в прошлом году так было? Мы не проверяли их тогда на этот предмет. А помидоры, огурцы, редис, собранные в самое «горячее» время, после того как их как следует мыли и отделяли ботву, становились совершенно «чистыми».

Во всяком случае, нужно сказать, что из почвы растения в этом году радиоактивных веществ не набрали, только с поверхности».

Газеты писали о тройном контроле за продуктами, установленном с первых дней после аварии. Он не отменен: и в поле, и на базе, и в магазине.

Усиливать систему дозиметрического контроля пришлось на ходу. За 10—12 дней подготовили 1,5 тысячи человек из специалистов с высшим образованием, имеющих опыт отбора проб, химиков, биологов. Очень помогли сотрудники Киевского университета, Института ядерных исследований, обработавшие тысячи образцов, трудившиеся без выходных.

Но это — в магазинах, на крупных рынках. А как в селах, где всё — со своего огорода?

Были обследованы села, примыкающие к зоне, откуда выселены люди. Составлены таблицы, по которым можно рассчитать уровни загрязнения всех продуктов по каждому селу, практически на любом приусадебном участке.

Специалисты разъясняли хозяевам: вот картофель, скажем, у вас вполне пригодный, уровень загрязненности — незначительный. Но вы должны, выкопав, сразу убрать его, не держать на загрязненной земле. То же самое с яблоками, сливами...

Эти таблицы раздавали депутатам сельсоветов, проводили лекции. Объясняли: 22 села решено полностью снабжать привозными продуктами. Те, кто не хочет пользоваться своими, с участка, могут продать их колхозу на корм скоту, а все, что нужно, купить в магазине. Па корма перерабатывается и часть урожая зерновых.

Клетчатка полезна всегда, поэтому сегодня рекомендуется есть побольше яблок. Летом пустили первую линию по производству таблеток из яблочного порошка. Такая таблетка — одно среднее яблоко. Я попробовал — для лекарства вкус сносный. Порошок будут использовать в кондитерской промышленности, его можно добавлять в хлеб, творог, другие продукты. Делается порошок из полноценных яблок, клетчатка сохраняется целиком, а хранить его проще и «навязывать» потребителю можно в больших количествах.

— Как снабжается продуктами Киев? Откуда их привозят?

А.Ткаченко. Из разных районов республики. И все они гарантированно чистые. Некоторую дозу радиации киевляне получили, и в профилактических целях сейчас следует избегать даже незначительно загрязненных продуктов. Так будет до нового урожая; он покажет — менять это положение или продлить.

В 30-километровой зоне летом начинались сельскохозяйственные работы, но их прекратили. Действительно, сначала попытались окучивать картофель. Делалось это вахтовым способом, на специально подготовленной технике. Было предположение, что после обработки снизится фон на полях, но расчет оказался неверным. Сначала фон действительно упал буквально до нуля, а через несколько дней стал прежним: большой перенос радиоактивных пылевых частиц. И от таких работ отказались.

Как трудятся жители деревень, которые были эвакуированы, а потом вернулись в свои дома? В общем-то, обыкновенно: убрали картошку, которую используют на корм скоту. Молочное животноводство здесь сейчас не ведется. А на полях, на тех участках, которые определены как чистые, — все обычным порядком. И тоже ставший обычным медицинский контроль.

Спустя несколько дней мы снова встретились с Николаем Александровичем Лошиловым, и он рассказал, что за это время специалистам в области сельскохозяйственной радиологии выделены теплицы, в которых будет поставлен интересный эксперимент. Из различных районов загрязненной зоны привезут в контейнерах партии почв и высадят на них самые разнообразные растения.

В теплицах высаженные осенью растения к февралю — марту 1987 года разовьются настолько, что можно будет судить об их пригодности для той или иной цели. Таким образом, практически уже зимой можно будет смоделировать будущий урожай. На практике это значит выиграть целый

год. Ну а впоследствии селекционерам, возможно, удастся вывести новые сорта растений.

...Разговаривая, мы шли по Крещатику. На клумбах красовались особенно пышные в этом году цветы. И я спросил о том, что не раз приходилось слышать: правда ли, что в районах с повышенным радиационным фоном растения либо болеют, чахнут, либо «ударяются» в гигантизм? Николай Александрович проследил за моим взглядом и сказал простую вещь, которая мне самому, как, по-видимому, и многим киевлянам, в голову не приходила:

«Поливают в этом году Киев гораздо больше обычного — вот цветы и благоденствуют. А в некоторых других местах, где наблюдали «радиационный» гигантизм, растения получали подкормку при дезактивации территории: ведь один из способов — внесение удобрений в почву. Мы об этом в прошлый раз говорили.

Конечно, мощные дозы радиации — на несколько порядков больше тех значений, которые зарегистрированы в Киеве, — могут причинить вред растениям. Вы же видели участок соснового леса около станции. Но нужно сказать, что сосна вообще растение очень чувствительное. И к кислотным дождям, непосредственное влияние которых на здоровье человека пока не отмечено. И к дыму, например, предприятий цветной металлургии: годичные кольца у деревьев, растущих вблизи таких заводов, как в самые суровые по климатическим условиям годы, хотя и влаги, и питательных веществ в почве может быть достаточно. Гибнут эти деревья раньше, хуже развиваются».

А потом мы говорили об общих принципах, об отношении к живому. МКРЗ — Международный комитет радиационной защиты — принимает человека за эталон уязвимости: уровни, безопасные для человека, безопасны для всего живого. Позиция попятная. Но на деле все несколько сложнее. Поясню это примером из другой области экологии.

Сегодня все знают об угрозе, нависшей над Байкалом. А ведь вода в нем и сейчас соответствует самым строгим санитарно-гигиеническим нормам. Но нормы эти ориентированы опять-таки на человека. Байкальскую воду в ее нынешнем качестве можно пить десятилетиями без ущерба для здоровья. В то же время она уже вредна для многих живых организмов, населяющих озеро. Какие-то их виды могут сильно пострадать или исчезнуть. Если это микроорганизмы, очищающие воду, — ясно, что вода станет грязнее. Но «грязь» — пища для других, например для синезеленых водорослей, которые очень быстро размножаются и могут образовать колоссальные массы. Отмирая, водоросли будут загрязнять воду, а заодно и лишать ее растворенного кислорода, необходимого другим растениям и животным. Станет меньше планктона, а потом и рыбы, которая им питалась. А потом пропадет рыба, питавшаяся той рыбой...

В результате человек может оказаться на берегу безжизненной зловонной лужи, пить из которой будет уже попросту нельзя. Скорость процесса зависит от объема воды, количества и состава загрязнителей. Вот такая схема. В принципе она сохраняется для любого рода загрязнения: химического, микроволнового, радиоактивного, шумового и так далее.

Равновесие в природе очень шатко. Порой бывает достаточно нарушишь лишь одно звено замкнутой системы.

Радиационная экология накопила пока немного фактов, это наука молодая. На многие вопросы ответить ученые еще не в состоянии. Но что говорит здравый смысл в случае с тем же озером? Чтобы спасти его, нужно прекратить загрязнение извне и постараться тем или иным способом очистить воду, помогая естественным процессам.

Чтобы вылечить землю, загрязненную в результате аварии, нужно то же самое: закрыть источник радиоактивности и постараться очистить почву. И то и другое делается. Возведен «саркофаг» над четвертым блоком. Идут огромные по масштабам, по вкладываемым в них средствам и силам работы по дезактивации территории. А природа нам поможет.

...С первого дня, фактически с момента аварии следят за обстановкой в Киеве и в области сотрудники Института ядерных исследований АН УССР. Они участвуют в работе штабов, созданных при горисполкоме и при президиуме Академии наук республики. Я обратился к заместителю директора института Виктору Ивановичу Гаврилюку с просьбой рассказать о контроле за состоянием среды.

— Регулярно проводятся замеры уровня радиоактивности Киевского водохранилища, рек Тетерев, Припять, Уж и других, контролируется киевский водопровод. Результаты показывают, что состояние воды здоровью населения также не угрожает.

— В середине лета обсуждался вопрос о том, что делать с травой, которую скашивают на городских газонах, в парках. Как решили?

— Пыль оседает, поэтому, понятно, на земле уровень радиации несколько выше фона. Но тщательные замеры показали, что он не достигал того, при котором по действующим нормам требуется специальное захоронение. Скошенную траву просто вывозили из города, чтобы избавиться от дополнительных, хотя и незначительных следов радиоактивности. В специально определенные места вывезли осенью и собранную в Киеве опавшую листву. А вот от даров леса — ягод, грибов — киевлянам в этом сезоне лучше было воздерживаться. Мы предупреждали об этом через газеты. Каждое лукошко не проконтролируешь — зачем же лишний риск?

Надо иметь в виду, что разные продукты накапливают различные количества радиоактивных веществ, так как механизмы накопления не одинаковы. Молоко — продукт жизнедеятельности организма, а продукты эти, как правило, содержат больше радиоактивных веществ,

чем мышцы. В тканях растений распределение этих веществ происходит также неравномерно: скажем, в ботве картофеля больше, чем в клубнях. Разные растения обладают индивидуальной способностью аккумулировать вещества и далеко не в одних и тех же количествах накапливают радиоактивные изотопы из того «набора», что содержится в почве. Но эти вопросы — сфера компетенции скорее радиологов-аграрников.

При нашем институте создан центр экологических проблем ядерной энергетики. Наряду с другими вопросами его сотрудники вместе с геологами, гидрогеологами и специалистами иных отраслей знания будут заниматься научным обоснованием выбора мест для строительства новых атомных электростанций. Ведь при сооружении таких ответственных объектов необходимо учитывать и строение, и состав горных пород, и режим грунтовых вод, и состояние биоценозов — сообществ животных, растений, объединенных сложнейшими связями.

Повышение уровня радиационного фона наши сотрудники отметили еще до того, как было получено сообщение об аварии на четвертом блоке. В институте есть небольшой исследовательский реактор, и, разумеется, велись постоянные замеры. В первый момент предположили, что произошли какие-то неполадки у нас, но скоро убедились, что все в порядке.

Когда узнали об истинной причине, сразу включились в работу. Создали группы, которые занимаются спектральным анализом по альфа-, бета- и гамма-радиоактивности. Образцы почв, продуктов, воды, воздуха, подвергшихся облучению, доставляли из района аварии в городской аэропорт Жуляны и специальными машинами переправляли в институт. Здесь в лабораториях проводились экспресс-исследования элементного и изотопного состава.

Очень много пришлось работать службе внешней дозиметрии: замеры проводились круглосуточно. Никто из сотрудников, а специалисты службы — женщины, не просил смены. Все остались на местах, хотя было тяжело: в те дни погода не баловала, было холодно, многие были простужены.

Техника, как принято говорить, не выдерживала: постоянные нагрузки, а точность в работе требуется высокая. Мастера с опытного завода института сумели за один день провести профилактику аппаратуры. Обеспечиваем мы приборами и другие научные организации, ведущие исследования внутри 30-километровой зоны. Территория ее поделена сейчас на участки, и из 240 точек данные поступают постоянно.

Институт ядерных исследований работает в контакте со штабом при президиуме Академии наук республики. Для дозиметрической аппаратуры, которую наши специалисты в течение суток установили на

всех молочных заводах города, в Институте проблем литья АН УССР за ночь изготовили по заданию штаба корпуса, защищающие датчики от помех.

Эксперты информируют созданный Киевским горисполкомом штаб о радиационной обстановке, качестве питьевой воды, сельскохозяйственной продукции. Институт оказывает методическую помощь всем службам города в организации контроля, необходимого для того, чтобы у киевлян были нормальные условия жизни, чтобы случайности им не грозили.

Институт ядерных исследований стал центром мониторинга состояния воды не только в Киевской области, но и по всей территории республики. Проведена очень большая работа по защите от возможности загрязнения радиоактивными веществами: по берегам Припяти построены валы, создается система других сооружений. Очень важно не допустить заражения грунтовых вод. Чтобы избежать его, территория вокруг станции обрабатывается специальными составами.

Серьезная проблема — захоронение радиоактивных обломков, снятого бульдозерами верхнего слоя земли, воды, охлаждавшей аварийный реактор, а ныне отведенной в специальные емкости.

Это, конечно, проблема не единственная. Все сейчас не перечислишь, да и не следует, наверное, углубляться в технические подробности. Во всяком случае, направление работ известно, и ученые приложат все силы, чтобы ликвидировать последствия аварии, преподавшей нам такой суровый урок, и предотвратить возможность ошибки.

С руководителем центра экологических проблем ядерной энергетики Виталием Константиновичем Чумаком мы отправились на бронетранспортере на берег пруда-охладителя АЭС. Уже стояла осень, было пасмурно, сеялся мелкий дождь. Песчаный пустынный берег, поросший какими-то наполовину высохшими травами, выглядел уныло. Мы ходили вдоль кромки воды и рассматривали останки рыб, выброшенные на песок. Высохшие кости.

Осмотр Виталия Константиновича несколько успокоил: ни одной недавно погибшей рыбины. Чумак любит этот пруд и переживает из-за него. Конечно, сейчас уровень радиации здесь несколько повышен — все-таки совсем рядом со станцией.

Когда-то лучше контролировать качество воды заставила рыба. В пруд-охладитель выпустили толстолобика, к затее многие отнеслись скептически. Но потом, когда рыба стала давать солидный доход, как-то вдруг оказалось, что воду можно и не загрязнять. И хотя по законодательству пруд-охладитель считается свободным водоемом, а не цехом или хозяйством АЭС, станция отнеслась к доходному делу внимательно: уровни загрязнения были зарегулированы.

Но разговор о рыбе и загрязнении был только началом долгой нашей беседы с Виталием Константиновичем. Конечно, проблемы ядерной

энергетики — их экологические аспекты — гораздо шире. Центр ведет исследования по определению оптимальных районов размещения АЭС. Ведь если исходить только из соображений сегодняшней экономической выгоды, если строить станции только там, где самые удобные подъездные пути, где сосредоточено наибольшее число потребителей энергии, то в результате окажется, что на небольшой территории будет сосредоточено очень много атомных объектов. Одно из направлений работы центра как раз и состоит в том, чтобы найти оптимальные мощности для одной площадки и определить пределы безопасности наращивания мощностей в регионах. Другими словами, сколько энергоблоков строить на одной станции и сколько станций строить, скажем, на Украине.

Тут, разумеется, должно учитываться не только состояние окружающей среды (воздуха, почв, воды), но и опять-таки экономические факторы. В частности, как мне удалось убедиться, и экономические последствия аварий. Четвертый блок Чернобыльской АЭС на полгода вывел из строя, «выключил из сети» три остальных блока - три миллионника. Будь блоков больше — больше были бы и потери.

Специалисты допускают, что апрельские события на станции и их последствия могут временно несколько замедлить темпы строительства и ввода в строй АЭС. Дело в том, что понадобятся дополнительные исследования и проектов, и самих установок. За счет этих мер несколько дороже может стать и киловатт «атомного» электричества. Но все возможные предосторожности, строжайший контроль не только оправданны, но и жизненно важны. Непременное условие безопасности современного производства — высокая надежность любых, не только энергетических, мощных промышленных комплексов.

Крупные аварии редки, но с их возможностью необходимо считаться. Необходимо вырабатывать политику безопасного размещения АЭС, без которых немислимо развитие энергетики, экономики, цивилизации. А будущее цивилизации — только в гармонии с природой.

ГЛАВА IX

«САРКОФАГ»

Как «закрыли» аварийный блок

Слово «саркофаг» мы услышали впервые в мае от председателя правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии Ивана Степановича Силаева. Он пояснил: это будет защита, которая укроет людей от потоков радиации,— нечто вроде огромного колпака, под которым спрячут разрушенный реактор.

Что за колпак? Каким образом «накроют» им реактор? Из чего сделают? На множество вопросов в тот день ответов я не получил.

Во-первых, окончательные решения еще не были приняты.

Во-вторых, времени у председателя было немного, а проблем — масса.

Тогда в репортажах из Чернобыля нужно было сообщать информацию о самых разных участках и направлениях работ на станции, в кольце 30-километровой юны, рассказывать об обстановке в Киеве — ходило множество невероятных слухов. Да и Ивану Степановичу хотелось рассказать о том, что уже делается «в материале», а не на эскизах чертежей, о том, что уже начало происходить и воплощаться. Мы говорили в тот день о создании новой транспортной схемы для снабжения района всеми необходимыми грузами, о работе химиков, позволившей в широких масштабах вести дезактивацию территории. О том, что после проходки скважин под реактор, по которым пойдет азот для охлаждения, начнется строительство мощной плиты, расположенной глубже всех фундаментов энергоблока.

Вот с этой плиты и началась «материализация саркофага». 136-метровый тоннель в толще земли пробили проходчики. Начали работу метростроевцы. Подземная дорога началась из котлована, вырытого рядом с третьим, соседним блоком. Потом эстафету приняли горняки из Московского угольного бассейна и Донбасса. Необходимо было застраховать котлован от затопления и гарантировать чистоту грунтовых вод — и рядом с шахтерами работали специалисты из Укргеологии. Их задача — понизить уровень воды в подземных горизонтах. Более 400 человек, сменяясь, работали здесь круглые сутки. Уровень опасности такой, что смена длилась всего три часа.

Сложные для проходки породы. Радиоактивная пыль, для защиты от которой над котлованом сооружали шатер из полиэтиленовой пленки. Небольшой диаметр тоннеля (таким его сделали, чтобы вынимать меньше грунта) оставлял лишь узкий зазор между потолком и верхним краем борта вагонетки — орудовать лопатой на загрузке сложно. При ручной

откатке вдвоем — иначе работать было нельзя — за смену нужно убрать из забоя более 40 кубометров грунта. Духота, от которой не всегда спасала приточная вентиляция. И сроки! Немыслимо короткие сроки, в которые нужно было уложиться. Все это дает только приблизительное представление о работе по сооружению основания «саркофага».

...Я иду по тоннелю вслед за двумя шахтерами в белых костюмах, толкающими к забою пустую вагонетку. Над нами, над нашими головами, заглушённый третий блок, потом — четвертый, разрушенный реактор Чернобыльской АЭС. Впереди — проходческий щит. Грохот отбойных молотков. Пот и пыль на лицах шахтеров...

Говорит горный мастер Анатолий Камаев: «На рабочем собрании первый заместитель министра угольной промышленности СССР Александр Петрович Фисун говорил о новых задачах. Нам предстоит пройти рассечку-штрек и разработать камеру под четвертым блоком. За нами пойдут другие службы, поэтому темп работы — максимальный. Начинали с полутора метров в смену. Потом рекордом стали два метра сорок сантиметров за три часа. Днем и ночью в штреке мы бьемся за каждый сантиметр проходки, за каждую вагонетку грунта».

Мощная плита с вмонтированной в ее толщу системой трубопроводов охлаждения была готова раньше намеченного срока. И это не должно никого смущать. Действительно, в последнее время мы начинаем привыкать к образу мышления, восстающему против неперменного пуска агрегатов к тем или иным датам, против опережения графиков работы ради рапорта о перевыполнении — такая деятельность часто оборачивалась утратой качества. Мы убедились, что плата за призыв «любой ценой!», если он становится расхожим, может оказаться слишком высокой.

Здесь было другое. Здесь исходили не из возможностей технологий и материалов (технология рождалась в процессе работы), а из возможностей человека — мастера, профессионала. Мастера, приехавшие на станцию со всей страны, показали, что в особых условиях возможно по-особому работать. Жесткая норма здесь была одна: безопасная для здоровья доза облучения, за пределы которой нельзя выходить...

Время поджимало, подхлестывало, гнало. Реактор продолжал излучать, хотя интенсивность потоков радиации постепенно снижалась. На территории станции еще собирали и капсулировали сильно «светящиеся» обломки графита и осколки топлива. Наступление на разрушенный взрывом реактор нельзя было вести со стороны завала, пока не снизится уровень радиации на площадке перед ним.

Но одновременно с нижней гранью «саркофага» сооружалась еще и стена, разрезающая гигантское здание сверху донизу и отделяющая четвертый блок от практически не пострадавшего при взрыве третьего.

Я видел эту стену, которая, если постучать по ней, гасит, как бы «втягивает», поглощает звук. Преграда собрана из сравнительно небольших армированных блоков, заполненных бетоном. С наружной стороны блоки покрыты свинцовым листом. Сразу улучшилась обстановка на третьем энергоблоке: начались работы по дезактивации его многочисленных помещений, куда до этого заглядывали только разведчики-дозиметристы да пожарные.

А к Припяти шли баржи с огромными стальными формами. Из них предстояло собирать опалубку для той грани «саркофага», которая закроет завал. На изготовление этих «полуфабрикатов» Киевскому заводу экспериментальных конструкций было отведено десять суток. Час в час. В цехах экономили минуты: обед привозили рабочим прямо в пролеты, туда, где шел монтаж. Часть сварочных работ нужно было вести на улице, а поскольку трудились круглосуточно, то ночью — при свете прожекторов. В Чернобыле из этих конструкций собирали секции, которые стали основанием самой мощной стены «саркофага». Любой этап работы требовал неординарных решений, изобретательности и, конечно, высшей квалификации всех исполнителей. Простыми ли были рейсы на промплощадку для водителей, доставлявших из Чернобыля 55-метровые 30-тонные секции?

На промплощадке в июне работали по особому графику: сменщики были наготове, чтобы тут же подхватить эстафету, когда их товарищи покинут опасный участок. Ведь для многих рабочих день измерялся тогда несколькими минутами, обстановка же требовала, чтобы дело не останавливалось.

Но подготовка к строительству основной наружной стены заключалась не только в том, чтобы очистить территорию от радиоактивных обломков и доставить секции, которые заполнят бетоном. Требовался сам бетон, причем в количествах огромных. Доставлять его издалека машинами было невозможно. Поэтому, пока собирали секции, шло сооружение трех бетонных заводов неподалеку от станции.

Производство работ было поручено управлению строительства № 605. Это огромное хозяйство, работают здесь несколько тысяч человек. Штаб строительства занял здание Чернобыльского автовокзала. У входа, под навесом, где раньше шла посадка в «Икарусы», стоят бронетранспортеры, львовские автобусы со спецзащитой, микроавтобус с надписью «Правительственная комиссия». В зале ожидания — техническое управление: кульманы с приколотыми ватманскими листами, заваленные чертежами столы. Ими заставлено все просторное помещение. Здесь мне показывают чертежи «саркофага», объясняют тактику наступления на реактор.

А потом, переодевшись в бытовке в «хэбэшные» спецовки и рабочие башмаки (о последних скажу потом несколько слов), вооружившись новым

электронным дозиметром, о котором я уже как-то упоминал, мы садимся в машину и отправляемся по «технологической цепочке».

Комментирует Виктор Никитович Хопренко, заместитель начальника управления. «Эти три бетоносмесительных завода были построены за двадцать дней,— говорит он, когда мы подъезжаем к высоким металлическим башням. — Был период, бетон к саркофагу поступал с перебоями, но теперь он, можно сказать, «подпирает» строительство: насосы едва успевают подавать его в тело защитной стены. Первые кубы уложены в июле. А сейчас дневные объемы такие, каких не было даже на строительстве плотин крупнейших гидроэлектростанций».

Начальник района — так в управлении строительства №605 называют крупные подразделения — Р. Семенченко уточняет: «За сутки мы готовим в среднем пять тысяч кубометров бетона. Щебень, гравий, песок поступают с барж от причала Чернобыльской пристани, цемент — с завода в Тетереве. Работаем по скользящему графику без минуты простоя».

Так же четко поставлено дело и в следующем звене, на участке перегрузки. Мощные самосвалы въезжают на высокую эстакаду и опрокидывают груз в бункер, под которым стоит в ожидании машина-миксер с постоянно вращающейся емкостью. Перегрузка нужна, чтобы избежать излишнего радиоактивного заражения трассы, территории и техники. Машины, уже набравшие радиоактивность у реактора, не соприкасаются с «чистыми», не заезжают на территорию бетонных заводов: их путь обрывается под стенкой эстакады. А отходы — бетон, неизбежно попадающий на землю при перегрузке,— постоянно разравнивают по площадке бульдозером, чтобы закрыть «грязь», принесенную на колесах со станции.

Принцип сменного транспорта использован и при перевозке пассажиров. Из лагеря отдыха, из своих общежитий, рабочие едут до пересадочной площадки, а оттуда в освинцованных автобусах — до станции.

Итак, на станцию мы отправляемся вслед за очередной сменой, работающей на четвертом блоке. Электронный индикатор в руках замполита попискивает тревожнее: счет пошел на десятки миллирентген. Включаем систему, создающую в машине избыточное давление, чтобы не проникла снаружи зараженная пыль. По дороге встречаются стоящие у обочины роботы-бульдозеры.

Я уже говорил о том, что в обстановке повышенной радиации роботы зарекомендовали себя не с лучшей стороны. Спрашиваю у Виктора Никитовича, много ли сейчас такой техники у реактора. Хопренко провожает взглядом уплывающую назад машину и говорит:

«Сейчас сами увидите. Вернее, не увидите — не идет пока это дело. Техники немало, целый участок создан для ее испытания, эксплуатации, усовершенствования. Но не тянет она, отказывает очень быстро. Так что

роботизация», пожалуй, заслуга газетчиков. Наши ребята уже шутят, что если сосчитать все роботы, о которых писали в прессе, то нам тут, пожалуй, и дела не останется. Нет, помощь от них пока небольшая. Но ученым и конструкторам промплощадка, конечно, предоставляет уникальные возможности для поиска новых решений, испытания их на месте, разработки более совершенных моделей, которые лучше бы никогда не пришлось применять...»

Только вблизи четвертого энергоблока можно по-настоящему оценить и размеры сооружения, и масштабы разрушений. С галереи, расположенной как раз напротив наиболее пострадавшей стены здания, сквозь проемы выбитых взрывом окон хорошо видны развороченные внутренности агрегата и четкие контуры «пирамиды», которая растет, подбираясь к хаотичному нагромождению обломков, искореженных балок, бетонного крошева и, по-видимому, всего того, что сбрасывали на реактор, когда в апреле и мае пломбировали его кратер. Эта уступчатая стена и есть одна из граней саркофага.

Исполинский кран устанавливает собранные неподалеку блоки металлоконструкций, начиненных решетчатыми стальными фермами, каждая из которых объемом 40 кубометров. Мощный насос на автомобильном шасси по 50-метровому «хоботу» трубопровода непрерывно подает жидкий бетон в чрево блоков. Так, постепенно заполняясь, вырастает несокрушимая стена. Нижний уступ пирамиды — площадка для строительства следующего уступа.

Миксер-бетоновоз подъезжает к насосу, стыкуется с ним, и водитель бежит в укрытие—поставленную неподалеку будку, обшитую листами свинца. Пять-шесть минут на разгрузку — вновь бегом в кабину. А навстречу уже двигается следующая машина с вращающимся бункером. Непрерывная, круглосуточная карусель.

Когда очередной ярус пирамиды будет готов, насос поднимут выше, установят краном емкости с горючим и маслом для его двигателя, и все продолжится. На верхние уступы бетон пойдет по системе труб, а для завершающего этапа работ на 60-метровой высоте, когда будут перекрывать «саркофаг», продумана подача раствора самопрокидывающимися ковшами.

Это лишь тот участок работ, что виден нам с галереи. Под прямым углом к ступенчатой грани пирамиды возводится сплошная контрфорсная стенка. Уровень радиации вокруг аварийного блока падает, хотя сохранились еще и опасные участки, где все — только бегом. Огибая здание блока, мы проскакиваем такое место. Но мы — на машине. В Чернобыле, после возвращения, мы проверили индивидуальные накопители, показывающие, какую дозу радиации получил человек. Все нормально: медики не рекомендуют выходить за два рентгена в сутки.

Поездка эта происходила в начале сентября. Киевляне, которые, разумеется, особенно внимательно следили за хроникой событий на станции, интересовались: когда же закончится строительство? Информация, к слову сказать, в Киеве была поставлена не лучшим образом: часто запаздывала. Я переадресовал вопрос начальнику оперативного штаба Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР, члену правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии И. А. Беляеву.

«Саркофаг» будет закрыт в конце сентября,— сказал Игорь Аркадьевич.— Все участки работают с опережением графика. Минмонтажспецстрой Украины оказывает большую помощь управлению строительства при подготовке металлических конструкций. Основная работа будет в этом месяце окончена. Но вероятно, понадобится доводка, поэтому сейчас приступают к сооружению бетонного завода, который сможет работать и зимой. За оставшиеся до перекрытия дни предстоит сделать еще очень многое. Но основной объем работ уже выполнен, сложнейшая строительная операция, не имеющая аналогов в мировой практике, завершается».

Конечно, одновременно с этим беспрецедентным строительством решалось множество других задач. Нужно было ввести в строй ХОЯТ — хранилище отходов ядерного топлива. Привести в порядок дамбу пруда-охладителя. Укрепить грунт на многих участках. Провести огромную работу по дезактивации территории.

И все-таки «саркофаг» — основной объект в опасной зоне. Когда его закроют, менее опасной станет сама зона, легче будет вести другие работы.

...Мне не раз еще приходилось приезжать к четвертому энергоблоку Чернобыльской АЭС, удалось присутствовать и на завершающем этапе — при перекрытии. Здесь замечательно работали тысячи людей, принимались на месте ответственные решения. Сюда по первому требованию направляли уникальное оборудование. В выполнении заказов для Чернобыля принимали участие предприятия со всей страны. Тем досаднее было им деть «мелочи», мешающие работать, отравляющие жизнь.

Речь об обмундировании. Так вот, и белые комбинезоны работников станции, и защитного, черного, синего, серого цвета комплекты из куртки и брюк — все это обычная хлопчатобумажная ткань. «Специальное» назначение этой одежды — укрыть человека от пыли. Военнослужащие работают в своей обычной полевой форме. Ну, с военными проще — одежду им подбирают по росту. Стараются, конечно, подбирать и всем остальным, но дело это не простое.

Для меня всегда было загадкой, почему на складах снаряжения геологических отрядов, строительных, монтажных и прочих организаций в изобилии лежат подростковые комплекты и кипы штанов, в которые

людей среднего размера можно помещать по двое. То же самое происходит и на складах в бытовках Чернобыля. На станции опытные работницы цеха дезактивации, которые с одного взгляда снимают мерку не хуже профессионального портного, часто говорят: «Нет размера!» Это значит, что достанется либо тесное, мешающее двигаться, либо такое, у чего рукава к запястьям и штанины к щиколоткам придется прикручивать проволокой, чтобы не попадала радиоактивная пыль.

То же и с башмаками. Но здесь есть и свои особенности. В Чернобыле у помещений, перед входом в которые нужно переобуваться, я не раз с удивлением разглядывал совершенно новые ботинки с явно наспех вырезанными ножом или бритвой задниками. Но спросить о причине как-то не было времени. Позже спрашивать уже не понадобилось.

Снаряжаясь в одну из поездок на четвертый блок, мы с коллегой — киевским корреспондентом «Известий» Николаем Баклановым выбрали себе башмаки, идеально подходящие по размеру. Вытащили из коробок, вдели шнурки, примерили, потопали ногами и остались довольны. Пока добирались в машине до станции, мы и думать забыли о своей экипировке.

Но когда началась беготня по лестницам, когда нужно было подниматься на высокие отметки, а потом спускаться и идти коридорами и галереями, — вот тогда мы о своей обуви забыть уже не могли. Не могли отрешиться от присутствия этих колодок и пересекая засыпанную щебнем площадку, когда шли к стене «саркофага», и после, переминаясь с ноги на ногу перед экранами телевизоров, следящих за действиями подъемных кранов.

У меня десятилетний опыт экспедиционной работы в геологических отрядах, и за это время приходилось испытать всякое, помучиться с разными «системами», созданными обувщиками, но такого не встречал. Ботинки, в которых ступня чувствовала себя как дома, впивались верхним бортом в ахиллесово сухожилие, сдирали кожу.

Были и другие вещи, которые к разряду мелочей не отнесешь, даже если взять это слово в кавычки. Как-то мы разговорились с водителем асфальтоукладчика, ремонтировавшим дорогу на Чернобыль. Он был в опасной зоне еще новичком и расспрашивал о различных сторонах здешней жизни. Среди прочего поинтересовался, сколько времени «работает» респиратор, когда его менять. Я точно не помнил — три часа или четыре. «Во! — удивился водитель. - А мы их уже четвертый день таскаем».

Мне рассказывали, как для того, чтобы сменить испачкавшуюся, пропотевшую, запыленную одежду, шли на различные ухищрения. Например, просили дозиметриста показать наиболее опасный участок стены и терлись об него коленями, рукавами. После такой процедуры костюм обязательно сменяют: приборы покажут отклонение от нормы...

Верно было сказано, что не следует без разбору и не считая денег швыряться ценностями, даже при такой невиданной работе, как ликвидация аварии в Чернобыле. Здесь, разумеется, нужен контроль и учет. Когда бывало необходимо, посылали вертолеты за единственным листком чертежа, самолеты отправлялись за тысячи километров за несколькими ящиками крайне необходимого оборудования. Никто не считал это расточительством и разбазариванием денег: промедление могло привести к новой беде. Если по укоренившейся привычке снабженцы заказывают всего нужного в три раза больше, а заодно просят и ненужное вовсе,— дело другое. Тут следовало и ограничить их, и указать: время и обстоятельства не те. Но вовсе недопустимо экономить на том, что действительно требуется людям для нормальной работы и жизни, будь то респираторы, количество мест в столовых или подходящая одежда.

Работать здесь предстоит еще долго. Заниматься дезактивацией территории, достраивать пятый и шестой энергоблоки станции, обслуживать агрегаты и так далее. Мы говорим о них торжественные, красивые слова, которые они заслужили. Так нужно же заботиться об этих людях!

...Сентябрь кончался. Снова знакомая уже до каждого дорожного знака, до последней, кажется, выбоины трасса на станцию. Мимо увядшего в мае леса, потом направо и через чистое поле к комплексу станционных зданий. К бывшему четвертому энергоблоку.

Дождь отмыл до блеска кирпично-красные поверхности уступов каскадной стены, поднявшейся почти на 60 метров. Не видно больше завала. Ни с земли, ни даже с галереи, тянущейся от помещения хранилища жидких отходов на уровне четвертого этажа.

Пересекая ровное пространство — площадку, с которой срезали толстый верхний слой, а потом покрыли бетоном и засыпали щебнем, — мы шли к стене, навсегда скрывшей разрушенный реактор. Саша Буренков, один из участников небывалого строительства, посетовал, что нет с собой мела — расписаться на боку «саркофага». О такой возможности все лето да и в начале сентября мечтали многие. Придумывали разные весьма эмоциональные эпитафии реактору, радиации. Но ходить здесь тогда вот так спокойно, как мы сейчас, было нельзя.

Слово «саркофаг», понятие это вошло в речь, в жизнь всех работающих в опасной зоне так же прочно, как «радиация». И вот «саркофаг» запечатывается. Завершается самый острый, самый напряженный этап в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Работа — с постоянным опережением графика. Темп диктуется лозунгом, висящим на стене помещения, где разместился монтажный участок: «Даешь перекрытие реакторного зала!»

Как нелегко выдержать сроки, можно понять, если знаешь, что для сооружения «саркофага» пришлось строить и бетонные заводы, и дороги, собирать тысячи тонн металлоконструкций. Управлению строительства №605 — исполнителю работ — нужно было в самое короткое время развернуть механические мастерские, которые под стать иному заводу, организовать четкую службу дозиметрического контроля и радиографического картирования, наладить быт тысяч людей. «Саркофаг» стал результатом труда инженеров, рабочих, конструкторов, монтажников и шахтеров, пилотов и геологов, ученых самых разных специальностей.

...Всего две недели назад я смотрел, как исполинский кран устанавливал секцию в тело второй ступени каскада. Все, кто работал на площадке: крановщики, операторы мощных насосов, подающих раствор, водители бетоновозов, — укрывались за свинцовой защитой.

Свинцовыми листами были высланы изнутри смотровые щели, прорубленные в толще стен стационарных строений для наблюдателей-корректировщиков.

Теперь ступеней четыре. Прежние наблюдательные пункты стали ненужными: гигантские уступы скрыли от глаз участки, куда кран должен уложить груз.

День перекрытия приближался, уже было названо число, когда сооружение обретет «стропила» и останется только навести кровлю — уложить слой бетона, который погасит излучение. Предстояла беспрецедентная операция: поднять и установить на 58-метровой высоте при большом вылете стрелы раму из стальных балок весом 165 тонн.

И тут вышел из строя один из узлов подъемного крана — огромный груз, покачиваясь слегка, повис над землей. Исполинской машине — стрела ее поднимается более чем на 70 метров, каждая из гусениц, на которых передвигается вся сложная конструкция, весит 82 тонны — требовался ремонт. Необходимые детали сделали на месте — в мастерских управления строительства. Однако перекрытие пришлось на некоторое время отложить.

Я был свидетелем и второй попытки. Медленно, очень медленно и осторожно, чтобы груз не вошел в ритм маятниковых колебаний, перемещается стрела. Конструкция зависла над блоком и начала почти незаметно опускаться... Но вот сработало устройство, освобождающее стропы, — стрела пошла вверх и в сторону. Рама, которая послужит основанием перекрытия «саркофага», легла точно на место.

«Есть!» — выдохнули все, кто собрался в помещении оперативного руководства работами, по стационарной традиции называемом «бункером».

Телекамеры, укрепленные над реактором, передают сюда изображение на три экрана. С пульта управления можно взять ближний и общий план, можно сместить картинку» вправо или влево. Перед

телевизорами за длинным дощатым столом, заставленным телефонными аппаратами, пультами управления, коробками раций, на наспех сколоченных скамейках сидят ведущие специалисты, операторы, представители различных НИИ.

Заместитель министра среднего машиностроения, член правительственной комиссии Александр Николаевич Усанов показывает на экран, объясняет, как лягут поверх основания «стропила» — вплотную одна к другой подогнанные стальные трубы особой конфигурации, которые потом будут залиты бетоном.

Разговор прерывается: нужно дать по рации указание крановщику, опускающему на еще открытый завал черные ящики — буи с аппаратурой, которая будет давать информацию о состоянии реактора. Датчиками нафаршированы и трубы перекрытия: за происходящим под оболочкой «саркофага» придется постоянно наблюдать.

Когда радиодialog закончился, я поинтересовался, будет ли возведен над реактором купол — летом собирались принять именно этот вариант.

«Был такой проект, — ответил Александр Николаевич, — один из множества. От него отказались. Достаточно бетонного покрытия поверх настила из труб: ученые утверждают, что такая изоляция надежна».

...Бетон. С первых чисел июля его уложили здесь около 300 тысяч кубических метров. Так еще никогда и нигде не работали. А основная трудность монтажа в том, что каждую операцию нужно было проводить абсолютно точно с первого захода. Когда устанавливались секции каскадной стены, подправить груз на площадке или снова подстропить его, если бы сделали неверно, некому: человеку там находиться нельзя. Можно работать у основания стены, под ее прикрытием, но строители-то шли вверх... И тут все зависело от мастерства оператора крана, слаженности его действий с командами корректировщиков, которые передавались по радио. А ведь осваивать новую технику пришлось на месте. Не только учились работать на ней, но и собирали кран незнакомого устройства здесь же, на промплощадке. Вместо обычных двух месяцев уложились с монтажом меньше чем в три недели.

Александр Николаевич вызвал на экран крупный план верхней части завала. Между двух балок, образовавших основание перекрытия, стали видны искореженные взрывами и огнем конструкции.

Последний взгляд на реактор... Среди беспорядочного переплетения металла и груд обломков медленно и как-то очень спокойно вращаются лопасти сброшенного с вертолета прибора, похожие на пропеллер вентиляторов, которые стоят в любом учреждении.

...Падает фон на площадке перед реактором и в помещениях зданий. Поднимаясь по лестницам к отметке высоты «49 метров», в конце каждого пролета видишь надписи дозиметристов: «0,8, 0,5, 0,4 рентгена в час».

В десятки (местами — в сотни) раз снизился уровень. Мы идем взглянуть сверху на город Припять. Идем тем маршрутом, которым еще совсем недавно бойцы радиационной разведки продвигались только перебежками — от одного укрытия к другому.

Вернувшись в бункер, знакомимся с главным инженером монтажного района Юрием Константиновичем Чашкиным. Он рассказывает о системе вентиляции, которой оборудован «саркофаг». Смонтированы две магистральи: приточная, подающая воздух внутрь, и вытяжная. Меньше чем за месяц сквозь стены и внутренние помещения блока проложено и состыковано 150 метров трубопроводов диаметром 180 сантиметров. Это будут «легкие», а очищать дыхание разрушенного реактора станут надежные фильтры, которые не выпустят за стены «саркофага» радиоактивную пыль.

«Монтажная» одновременно и штаб участка, ведущего важную работу, и бытовка. Вдоль стены стоят кровати. У противоположной — штабеля ящиков с минералкой. Несколько канцелярских и общепитовских столов с телефонами, выдавшие виды, обшарпанные стулья. Не самое комфортабельное место для отдыха. Но после напряженной, тяжелой смены — других здесь не бывает — и это благо. На некоторых койках спят вповалку. Спят, не снимая сапог и курток. Скоро придет автобус, отвезет людей на ужин. А уже потом настоящий отдых на базе.

Мы сидим за столиком, пьем из горлышка минеральную, и главный инженер отвлекается от цифр и технических подробностей:

«Сужу по себе и по разговорам с товарищами: время здесь летит стремительно. Бригады после окончания смены вывозят со станции в обязательном порядке. А инженеры, прорабы, начальники участков часто прихватывают большую часть суток — все, что остается после двух-трех часов сна и поездок в Чернобыль в столовую. Сменишь ненадолго обстановку, отвлечешься, поговоришь в городе с новыми людьми и — опять в бункер. Очень хочется побыстрее закончить, запечатать «саркофаг», и сделать это как следует. Надежно».

23 сентября была уложена 165-тонная опорная балка.

26 сентября у здания штаба управления строительства №605 появилась «Молния»: «В 5.00 закончен монтаж четвертого яруса каскада. «Великая» стена возведена!»

Одновременно продолжалось перекрытие «саркофага»: крановщики укладывали на массивное основание трубы-стропила. А когда монтаж был завершен, сразу началось бетонирование настила.

Потом пришла очередь 52-метровой контрфорсной стены, расположенной под прямым углом к каскадной.

15 ноября я снова разговаривал с заместителем начальника стройки, которую ведет управление № 605, Виктором Никитовичем Хопренко. Он сказал: «Сегодняшний день мы считаем днем завершения строительства

«саркофага». Сейчас, по сути, заканчиваются «косметические», отделочные работы. Правительственная комиссия поручила нашим специалистам возвести вторую — легкую — кровлю поверх реакторного зала аварийного блока и уложить сверху настил из штампованного металла. Это 36-метровый пролет, который будет собран из шести деталей. Рассчитываем справиться с заданием в ближайшие три дня. Опыт работы вслепую, по командам корректировщиков, наши специалисты приобрели огромный.

Сейчас закрываем последние щели, неплотности, которые удается обнаружить в защитных стенах. Конечно, при таком гигантском объеме работ и при том, что почти все строительство приходилось вести, управляя механизмами на расстоянии, какие-то мелкие погрешности были неизбежны. Но все они сейчас, когда радиационный фон стал значительно ниже, устраняются.

Теперь наше управление строительства №605 занято и другими задачами. Сооружаем, в частности, цех дезактивации, в котором будут обезвреживать оборудование строящихся пятого и шестого блоков Чернобыльской АЭС. Строительные работы пока еще не возобновились. Но Чернобыль готовится принять тысячи рабочих и специалистов, которым предстоит продолжить дело, прерванное апрельской аварией.

В самом Чернобыле, в городе, обстановка тоже значительно улучшилась: работы по дезактивации дают хороший результат. Ну а наше управление скоро будет ликвидировано. Персонал уже вдвое сократился — основная работа сделана.

Из зарплаты, полученной за труд в опасной зоне, работники управления перечислили в Фонд помощи пострадавшим от аварии около 200 тысяч рублей».

«Есть саркофаг!» — написали монтажники на последней секции, которую устанавливали в верхнем ярусе каскадной стены. Да, вот он: уже покрашены защитной антикоррозийной краской металлические поверхности, белым и зеленым — стойки ограждения. Огромное, но аккуратное сооружение, навсегда спрятавшее радиоактивные развалины. Весной площадка перед ним покроется травой.

«Саркофаг» — самая заметная, наглядная веха работ по ликвидации последствий аварии». Но огромны масштабы и других дел: около 12 тысяч домов для жителей, эвакуированных из опасной зоны, вахтовые поселки для тех, кто будет работать на станции, очищать пораженную территорию, многие десятки километров новых дорог, причалы на Припяти.

И самой большой работой, и самой важной стала забота о безопасности людей, забота об их здоровье.

ГЛАВА X

ВОЗРОЖДЕНИЕ Станция оживает вновь

Последний день сентября подходил к концу. Смеркалось. Из окна кабинета, расположенного на шестом этаже административного корпуса АЭС, виден парадный подъезд станции. Включили наружное освещение, и свет залил широкие ступени, пустое пространство перед огромным зданием. Одинокий редакционный «жигуленок», приткнувшийся к барьеру у главного входа, кажется отсюда совсем крошечным, беспомощным и чужеродным, попавшим из какой-то другой реальности, другого измерения...

За минувшие пять месяцев мы успели привыкнуть к иной картине: обычно у этого «причала» стояли бронетранспортеры, пожарные и инженерные машины. Бетонное покрытие дорог было иссечено тяжелыми стальными гусеницами. У стеклянных входных дверей лежали груды бахил и какого-то разнородного мусора. По полу вестибюля тянулись временные коммуникации. Словом, корпус напоминал объект, на котором еще не завершены отделочные работы.

Внутренние помещения тоже выглядели иначе, чем сейчас. В коридорах далеко не стерильно. По какой-то из многочисленных лестниц в мае, помнится, текла вода. Грязная вода плескалась в металлических поддонах для мытья обуви. Многие кабинеты администрации были заняты различными оперативными группами, не предусмотренными штатным расписанием.

Позже корпус отгородился от внешнего излучения тусклым свинцом, закрывшим оконные стекла. Шла дезактивация помещений: отчищали от проникшей повсюду радиоактивной пыли буквально каждый квадратный сантиметр поверхности, меняли покрытия пола. Чистить пришлось и все оборудование. На эту работу потребовалось два месяца.

Одновременно шла дезактивация территории станции, загрязненной, конечно, сильнее, чем помещения. На большой площади сняли значительный слой грунта и вывезли его в места, предназначенные для захоронения радиоактивных отходов. А обнажившуюся чистую землю укрыли бетонными плитами, тщательно заделав швы между ними. Парапет, отделяющий корпус от подъездной дороги, и все пространство до стен блока покрыты специальным «атомным» пластиком. Материал пот используют во внутренних помещениях, в салонах автобусов, перевозящих смены: он очень плотный, его трудно повредить, поцарапать, зато легко отмыть от любой грязи и пыли.

Теперь станция приобрела почти тот же вид, что и до аварии. На окнах обычные — не свинцовые — шторы. Чисто и тихо: дезактиваторщики

сделали свою трудную работу и ушли. Правда, в тот день была перекрыта главная лестница административного корпуса. Мне объяснили, что ремонтируется, вернее, реставрируется. Мраморные ступени на некоторых маршах были поколоты, и сейчас их заменяют, чтобы все на станции стало, как прежде. К весне вернут на прежнее место — к подъезду — голубые ели, которые росли здесь. Да, именно те самые: их эвакуировали на опасное время, когда шли работы по ликвидации последствий аварии...

Но вот хозяин кабинета, руководитель одного из подразделений на АЭС Игорь Никифорович Ракитин говорит, что разрешение осмотреть станцию получено. И мы идем знакомыми коридорами и лестницами. Знакомые-то они знакомые, но выглядят теперь иначе: другой пол, другой цвет стен, освещение другое.

Весной, когда я сопровождал майора Маевского в обходе станции, иной была и процедура смены одежды. Тогда основной заботой было «схватить» меньшую дозу. Мы пришли сюда в своей (тех спецовках, что носили в Чернобыле) одежде — все новое, чистое получали после душа. Теперь, как всегда при обычной работе на АЭС, оставляешь свое в шкафчике, переодеваешься в белый костюм, а на обратном пути сдаешь его на обработку. Станция сейчас, объясняют специалисты, по своему состоянию соответствует гигиеническим нормам, принятым для таких объектов. Нужно теперь защитить ее от любых источников загрязнения.

Открывая дверь помещения центрального щита управления, где сосредоточены приборы, контролирующие главную электрическую схему, Ракитин предупредил, что время сейчас очень ответственное — предпусковое, поэтому не следует обижаться, если сотрудникам будет не до разговоров.

Зал ЦЩУ — центрального щита управления — тоже одновременно и знаком и изменился. Именно здесь беседовал я весной с начальником смены Борисом Александровичем Барановым, одним из троих спускавшихся в радиоактивную воду бассейна-барботера, чтобы предотвратить угрозу нового взрыва. Я листал тогда «Оперативный журнал начальника смены станции» и, чтобы лучше разбирать строки, пересел поближе к светильнику: в помещении было темновато — не включены многие лампы. Не все контрольные системы работали тогда из-за высокой ионизации воздуха; противопожарную сигнализацию пришлось вообще отключить — она постоянно давала сигнал тревоги...

Такой же журнал (только, конечно, уже совсем другой его «том») листал сейчас, устроившись у пульта, Шадрин. Начальник смены электроцеха Николай Андреевич Закаблук рассказывал о том, как идет работа. Все нормально: трансформаторы отработали положенные 72 часа — прошли контроль, проверены системы защиты. По электрической части оборудование готово к включению в сеть.

Шадрин, как он сам выразился, в это время лицом официальным еще не был. Ему, начальнику следующей смены, только предстояло принять ночью вахту у своего коллеги Николая Владимировича Бекешко.

Александр Георгиевич Шадрин оторвался от записей: «Думаю, станцию, точнее, первый блок предстоит пускать нашей смене. (Забегая вперед, скажу, что так и получилось.) А сейчас смотрю записи дежурных за каждый минувший день. Смену нельзя принять «по итогам» — недостаточно знать параметры на какой-то конкретный момент. Нужно быть в курсе всех событий, происходивших в твое отсутствие: какие производились действия, как они отразились на состоянии агрегатов. Словом, динамику нужно знать и до мелочей представлять себе все, что происходит на блоке.

Вахта для персонала станции до сих пор была двухнедельной, событий за такой срок — множество. Вот и приходится накануне начала работы входить во все подробности, штудировать «хроники» блока.

Правда, теперь, начиная с нашей смены, переходим на новый график вахт: пять дней работаем, шесть дней отдыхаем. Будет проще входить в суть дела, когда возвращаешься на станцию. Ну и, надеемся, жизнь в вахтовом поселке наладится. Сейчас начинают заселять домики базового лагеря Зеленый мыс. Условия там обещают быть получше, чем в нашем временном жилье на реке Припять. Каюты «Белого парохода» не очень-то удобны. Да и мал он, плавучий поселок...»

На вопрос, чем для эксплуатационников, не занятых непосредственно на ликвидации последствий аварии, отличается сегодняшняя работа от повседневной, обычной для нормальных условий на станции, ответил Николай Владимирович Бекешко: «Тем, что мы не просто сдаем и принимаем очередную смену, — все системы проверяются, обкатываются так, как это делается на станции, которую впервые готовят к пуску. Составляется технический акт на каждый этап предпусковой готовности. Весь персонал прошел переподготовку на других АЭС, на тренажерах. Все заново переаттестованы. Медики провели психофизиологическое обследование сотрудников.

При подготовке к пуску были внесены изменения в схемы защиты — их требуется перепроверить. Сейчас предстоит поднимать мощность и готовиться к пуску первого и второго турбогенераторов. Одно из звеньев защиты оказалось ложным: когда оно сработало, реактор, выведенный уже на минимально контролируемый уровень, снова потерял мощность. Само отключение цепочки — дело десяти минут, но на согласование этой операции потребовалось около двух дней.

Изменены некоторые требования регламента. Несколько иным стал вход стержней в реактор, другое количество поглотителей. Новый состав активной зоны должен обеспечить снижение парового эффекта, приблизить его к нулю. Это даст дополнительную гарантию безопасности».

Огромная подготовительная работа вплотную началась с июля, когда дали результат меры по дезактивации помещений и оборудования и обстановка на станции значительно улучшилась. Второй блок тоже «на подходе», и заботы там, в принципе те же: контроль, контроль и контроль.

Ведь дело не только в том, что вновь вступает в строй атомная электростанция. Возвращается к жизни, готовится дать энергию Чернобыльская АЭС. Тут внимание особое, особая ответственность. Через девять лет, почти день в день, первый блок снова, как впервые, в предпусковом режиме. Но едва ли тогда, 26 сентября 1977 года, все участники работы волновались так, как сегодня.

Впрочем, внешне все выглядят спокойно. В зале управления блоком старший, инженер Виктор Астахов говорит в трубку одного из многочисленных телефонов: «Все в порядке. Открылась полностью... Замечаний нет». На вопрос, какая операция сейчас проводится, отвечает: «Проверяем аварийные питательные насосы. Это входит в процесс подготовки блока к работе».

Главный инженер станции Николай Александрович Штейнберг работал прежде на ЧАЭС начальником турбинного цеха, потом главным инженером на Смоленской атомной. После аварии снова назначен сюда. Разговор с ним получился очень коротким: «Штатная ситуация, ничего экстраординарного. Действительно, ответственность большая, сложностей — много. Извините, сейчас необходимо в реакторный — последний контроль перед пуском...»

Отсюда, с блочного щита управления, тоже видно, как идет загрузка топливом. Машина весом 400 тонн перетаскивает от реактора к узлу выгрузки отработавшие кассеты, а новые кассеты загружает в активную зону. Слева от подковообразного пульта, занимающего большую часть помещения, на стене светится схема загрузки активной зоны. Весь пульт состоит из сегментов, наклонные панели которых сплошь заняты бесчисленными датчиками. Здесь, как мне объясняют, идет синхронизация блока. Перед включением нужно подогнать до определенных значений напряжение и частоту. А потом в течение получаса набрать электрическую мощность агрегатов в 150—180 мегаватт. На словах это кажется довольно простым, на деле процесс очень сложен — необходимо постоянно контролировать множество параметров, в том числе и тепловые.

Электронные часы блочного щита управления первым блоком показывают: «17.30 ВТ 30» — время, день, число. Очень хотелось остаться еще, чтобы дожидаться момента пуска. Но стало ясно, что в ближайшие часы блок не включат, а продолжать мыкаться в зале, мешая работающим, — непозволительно.

Пришлось на ночь глядя возвращаться в Киев. От станции мы отправлялись вслед за автобусами, увозящими смену. Перед выездом

из 30-километровой зоны нас задержал пост дозиметрического контроля — слишком много «грязи» на машине. Пришлось отправляться на ближайший пункт санитарной обработки. Тут нас ожидала малоприятная новость. Оказывается, введено частичное самообслуживание: водитель должен принимать участие в дезактивации транспортного средства. Проверив изнанку крыльев машины, работник отправил нас на специально отведенную площадку, где нужно чиститься. Мы пытались отскрести закаменевшую корку, прилипшую к нижней части крыльев, какими-то найденными на ощупь впотымах щепками — она не поддавалась. Тогда, вспоминая, как час назад ходили во всем белом по станции и как потом у нас это белое забрали, чтобы отдать в спецпрачечную и обезвредить, попробовали счищать эту корку руками. Но только обломали ногти.

Воспользоваться кувалдой не рискнули: «Жигули» все-таки не бронетранспортер, хотя тоже казенное имущество. Лишь после энергичного диалога машину без особого напряжения сил отмыли из шланга и дозконтроль пропустил нас на дорогу к Киеву...

К сожалению, даже самое важное и безотлагательное дело обрастает досадными вещами, от которых не отмахнешься. К примеру, днем, когда ждали оформления пропусков на АЭС, я подошел к доске приказов и объявлений в вестибюле станции. Содержание первого документа касалось празднующихся — тех, кто не занят или не хочет быть занятым на работе, и устраивает из вестибюля клуб. Распоряжение было свежим, и во исполнение его ко мне почти тут же подошел дежурный и предложил удалиться. Удалось уговорить его, чтобы дал дочитать. Остальные приказы, все без исключения, имели один общий мотив: «на рабочем месте в состоянии опьянения...», «в состоянии глубокого похмелья...»

Я знаю, что и на станции, и в базовых поселках работают психологи: помогают лучше организовать дело, отдых. Но знаю и то, как легко попадает сюда водка, какие в округе цены на самогон. Запретительными мерами, по-видимому, не обойтись. О том, как существенно они накажут себя рублем, нарушители трудовой дисциплины знают... но нарушают ведь! Так не следует ли ввести для работающих здесь наркологический контроль, как на транспорте. Надо полагать, что пьяный на атомной станции опасен не меньше, чем за рулем самосвала.

Но вернемся к хронике возрождения станции. На следующий день поехать в Чернобыль не удалось. А когда, наконец, дозвонился до Припяти, заместитель директора АЭС Александр Николаевич Миргородский прокричал в трубку: «Сегодня, 1 октября, в 16.48 мы — в сети!»

Первый энергоблок Чернобыльской атомной электростанции заработал в пробном режиме. Спустя две недели он был остановлен для корректировки, а потом снова введен в эксплуатацию. Говорит директор станции Эрик Николаевич Поздышев, принявший этот пост 25 мая, спустя месяц после аварии: «Партия и правительство поставили перед коллективом станции трудную задачу — в октябре пустить первый энергоблок. И мы ее выполнили. Это праздник для персонала АЭС».

А потом наступила очередь второго чернобыльского миллионника: он был подготовлен к синхронизации и включению в сеть турбогенератора. Пуск его прокомментировал начальник Главного управления по эксплуатации АЭС Минатомэнерго СССР Юрий Николаевич Филимонцев: «Это событие произошло 5 ноября в 12 часов 36 минут. И по прошествии некоторого времени можно сказать, что все технологические режимы тщательно соблюдаются, блок работает устойчиво. Эксплуатационники заняты испытаниями, цель которых — добиться гарантии полной безопасности».

Пустила второй энергоблок смена Николая Владимировича Бекешко, с которым мы беседовали накануне включения первого блока.

В апреле Вадим Васильевич Грищенко возглавлял на станции третий реакторный цех, тогда еще строившийся. На следующий после аварии день организация спасательных работ легла на его плечи. Самое трудное время, когда еще не были вполне ясны масштабы случившегося, но стало уже ясно, что произошла катастрофа... Работали вручную, в тяжелой радиационной обстановке.

В ноябре Вадим Васильевич сказал о пуске второго энергоблока: «Блок останавливали без нарушения режима. Но понадобилась тщательная дезактивация помещений и оборудования. После этого начались ремонтные работы. Главной задачей было повышение надежности реактора и всех систем. Старались сделать все, чтобы подготовка шла точно по графику, без сбоев».

В день, когда писались эти строки, устойчиво работали первый и второй блоки Чернобыльской АЭС, продолжалось восстановление третьего. Пустить его намечено в 1987 году. Шла дезактивация территории зоны (весной, после того как сойдет снег, она вступит в новую фазу). Снят слой грунта на всей территории города энергетиков Припяти, а очищенные участки засыпают песком, привезенным из других, чистых районов.

Начальник цеха дезактивации АЭС Виктор Михайлович Карлов рассказал, что радиационная обстановка в Припяти улучшается, фон заметно снизился. На базе бывшей городской химчистки открыта специальная прачечная. Еще летом большую часть одежды со следами радиоактивного загрязнения приходилось либо отправлять на другие АЭС

для обработки, либо складывать и ожидании лучших времен. Теперь это время наступило.

В Припяти намечено создать вычислительный центр службы радиационной безопасности. Обсуждается вопрос об организации здесь общежитий для персонала станции.

Устраняются недоделки в вахтовом поселке Зеленый Мыс. Каюты многоместных теплоходов, отданных под общежития, утеплены на зиму. Принято решение выделить 8 тысяч квартир работникам АЭС в Киеве и Чернигове. Правда, и это жилье временное, на два года. За эти годы планируется возвести в Черниговской области, около села Неданчичи, новый город на 30 тысяч жителей. Имя ему уже выбрано — Славутич.

В середине декабря 1986 года в газетах был напечатан этапный документ: «...в результате осуществления крупных научных, технических и других мер завершена особо важная работа по ликвидации последствий аварии. Государственной комиссией принят в эксплуатацию комплекс защитных сооружений поврежденного энергоблока. Разрушенный реактор перестал быть источником радиоактивного загрязнения окружающей среды. После проведения всех необходимых мероприятий по обеспечению безопасности введены в действие первый и второй энергоблоки электростанции...»

Что же дало возможность решить столь сложные и крупномасштабные задачи в сжатые сроки?

Действительно, в труднейших условиях проведены не имеющие аналогов в мировой практике работы, построены уникальные сооружения, оснащенные необходимым оборудованием. Только героический, поистине самоотверженный труд рабочих, инженеров, техников, ученых и специалистов, воинов сделал возможным то, что в начале мая виделось лишь весьма отдаленной перспективой.

Работа на площадке АЭС и рядом, в 30-километровой зоне, без преувеличения равна подвигу. Но должно быть, не меньшей оценки заслуживает и все то, что сделано для обеспечения безопасности населения, охраны его здоровья, организации эвакуации 116 тысяч человек. В широких масштабах проведена дезактивация — обработано почти 60 тысяч жилых домов и других зданий и сооружений...

Да, завершена сложная работа. Но и предстоящие дела потребуют немало сил, точной инженерной мысли, новаторского подхода, дисциплины и организованности. Однако не только те, кто работал в Чернобыле или пострадал от аварии, но все мы отчетливо сознаем — чернобыльская авария должна остаться единственной.

ГЛАВА XI

УРОКИ

Чему научил нас Чернобыль

Авария на Чернобыльской АЭС потрясла всю нашу страну. Чернобыль — трагедия, потребовавшая на многое посмотреть по-новому.

Гибель людей, боль их родных и близких, более 100 тысяч человек, сорванных невидимой опасностью радиации со своих родных мест, ущерб природе, экономике... Удар по такому знакомому и, казалось бы, безобидному понятию, которое прочно вошло в жизнь не только нашей страны, но и десятков других, как мирный атом, при помощи которого вращаются турбины электростанций... Наконец, значительные финансовые потери для государства, которые министр финансов страны оценил в 2 миллиарда рублей... Все это вместе заставило сделать наисерьезнейшие выводы из апрельской трагедии.

Не могло не заставить.

Самые высокие партийные и правительственные органы страны дали четкую и ясную оценку произошедшему, трезво и сурово посмотрели на все то, что волновало сотни миллионов людей.

Да, авария произошла из-за целого ряда допущенных работниками этой электростанции грубых нарушений правил эксплуатации реакторных установок. На четвертом энергоблоке при выводе его на плановый ремонт в ночное время проводились эксперименты, связанные с исследованием режимов работы турбогенераторов. При этом руководители и специалисты АЭС сами не подготовились к такой непростой — потому-то она и зовется экспериментальной — работе. Они не согласовали ее с соответствующими организациями, хотя обязаны были это сделать. Не обеспечили контроль и не приняли всех мер безопасности. За такую вот «деятельность» и безответственность, халатность и недисциплинированность, приведшую к тяжелым последствиям: смертям и болезням одних и чудовищному риску для других, ликвидировавших в первую ночь пожар, к разрушению реактора и к радиоактивному загрязнению территории вокруг станции, сняты с занимаемых должностей и привлечены к строгой партийной ответственности ряд работников Минэнерго СССР, группа ученых и хозяйственников... Все так или иначе виновные в ситуации, приведшей к аварии, получили соответствующую оценку «своей деятельности». В том числе оценку, вытекающую из Уголовного кодекса.

Авария эта требует новых подходов, особой бдительности от министерств и ведомств, научных, конструкторских и проектных организаций, хозяйственных, советских, партийных органов — словом, всех, кто трудится в области атомной энергетики.

В кратчайшие сроки необходимо (и это уже делается) разработать и осуществить дополнительные меры по обеспечению безопасной эксплуатации действующих атомных электростанций, укреплению технологической дисциплины, повышению требовательности неукоснительного соблюдения регламентов работы реакторных установок и другого оборудования. Идет переподготовка и аттестация обслуживающего персонала, расширяется сеть учебно-тренировочных центров, оснащенных специальными тренажерами. Органам государственного надзора поручено строго контролировать работу всех атомных электростанций. Для повышения уровня руководства и ответственности за развитие отрасли, улучшения эксплуатации АЭС создано специальное министерство — атомной энергетики.

Использование энергии атома — реальность наших дней. Атомная энергия вошла, однако, в жизнь человечества не через созидание, а через гибель сотен тысяч людей. Между пуском первой установки Энрико Ферми и пуском первой промышленной атомной электростанции Игоря Курчатова пролегла зловещая тень трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Сейчас ядерные арсеналы достигли размеров, угрожающих уничтожением самой жизни на Земле. Пришла пора осознать, что сохранение человеческой цивилизации — дело всех государств, ибо ядерная война неизбежно коснется всех и каждого. Пока не поздно, необходимо положить конец самоубийственному наращиванию ядерных вооружений, отказаться от курса на катастрофическую конфронтацию, начать реальный процесс разоружения.

Осознанием реальности нависшей над человечеством угрозы продиктована выдвинутая Советским Союзом программа ликвидации ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения во всем мире. Двадцатое столетие должно завершиться под знаком полной ликвидации ядерного оружия в условиях мира и подлинной, равной безопасности для всех государств и народов.

Однако и мирный атом таит в себе немалые опасности. Об этом свидетельствуют последствия аварий на ядерных объектах: Поэтому всем странам вместе надо добиваться того, чтобы возможность аварий в работе атомных установок была сведена к нулю.

Обе задачи — и обеспечение безопасности мирного использования атомной энергии, и освобождение нашей планеты от ядерного оружия — требуют широкого международного взаимодействия, объединенных усилий всех государств, и в первую очередь ядерных, международных организаций и общественных сил, которые заинтересованы в создании всеобъемлющей и надежной системы международной безопасности.

Это дело как всех государств вместе, так и каждого в отдельности.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, выступая по телевидению в связи со случившейся аварией, сказал: «Мы считаем, что

авария на Чернобыльской, равно как и аварии на американских, английских и других атомных станциях, ставит перед всеми государствами очень серьезные вопросы, которые требуют ответственного отношения.

Сегодня в различных странах мира работают более 370 атомных реакторов. Это реальность. Будущее мировой экономики трудно представить без развития атомной энергетики. В нашей стране сейчас действуют 40 реакторов общей мощностью свыше 28 миллионов киловатт. Как известно, мирный атом приносит немало пользы человечеству.

Но, разумеется, все мы обязаны действовать с еще Польшей осмотрительностью, сконцентрировать усилия науки и техники на обеспечении безопасного освоения великих и грозных сил, заключенных в атомном ядре.

Для нас непререкаемый урок Чернобыля состоит в том, что в условиях дальнейшего развертывания научно-технической революции вопросы надежности техники, ее безопасности, вопросы дисциплины, порядка и организованности приобретают первостепенное значение. Нужны самые строгие требования везде и во всем.

Далее. Мы считаем необходимым выступить за серьезное углубление сотрудничества в рамках Международного агентства по атомной энергии».

Так что же предлагает СССР сделать, чтобы чернобыльская трагедия стала последней в черном списке подобных событий, когда самая современная энергия, призванная помогать человеку, выходит из повиновения?

Но прежде несколько цифр. Убеждены: повторить некоторые из тех, что уже упоминались, имеет смысл. Ведь они — конкретная реальность конца XX века. Одновременно и настораживающая, и вселяющая оптимизм.

Предполагается, что к 2000 году, ядерная энергетика будет обеспечивать более 20 процентов общей мировой выработки электроэнергии. В отдельных странах уже сейчас доля электроэнергии, вырабатываемой на атомных электростанциях, превышает 50 процентов. Более чем 30-летний опыт эксплуатации атомных электростанций убедительно доказал их жизнеспособность, экономичность и экологическую чистоту.

В последние годы значительно расширилась география ядерной энергетики. Строятся и эксплуатируются АЭС и исследовательские реакторы в развивающихся странах Азии, Латинской Америки и Африки.

Настало время и для ускорения освоения управляемого термоядерного синтеза, который в будущем мог бы стать неисчерпаемым источником энергии. Но быть может, этот новый «виток» мысли ученых и конструкторов может принести и новую, еще большую, чем, скажем, чернобыльская, беду?

Нет, утверждают специалисты, термоядерная энергетика будет оказывать наименьшее воздействие на окружающую среду по сравнению с другими энергетическими источниками. Сейчас уже можно сказать, что существуют реальные технические возможности построить такой реактор, причем в сравнительно недалеком будущем.

Мирный атом позволит удовлетворять всевозрастающие потребности человечества в области энергоснабжения промышленности, сельского хозяйства, научных исследований. Другой равноценной альтернативы в области энергоресурсов в наше время попросту нет.

Да, история «оседлания» атома, история того, как эту самую большую силу XX века «запрягали» для мирной работы, знает уже немало остановок. Да что там «остановок»! В мире уже зафиксированы десятки аварий на АЭС с утечкой радиоактивности. Некоторые из этих аварий — в США, ФРГ, Англии и, наконец, у нас в Чернобыле — привели к тяжким последствиям, нанесли значительный экономический и психологический урон. Планета Земля маленькая—это тоже истина, открытая в XX веке. И такого рода события могут затронуть и соседние государства. Но они, с другой стороны, показывают, насколько велика взаимозависимость государств. Реальности ядерно-космической эры требуют, чтобы народы осознали себя единой семьей планеты Земля.

Для Советского-Союза вывод из аварии был однозначный — ядерная энергетика должна развиваться в условиях, максимально обеспечивающих безопасность людей и окружающей среды. Чернобыль показал: необходимо широкое международное сотрудничество, совместные усилия для обеспечения ядерной безопасности в полном смысле этого слова.

Вот только некоторые предложения из тех, которые выдвинул Советский Союз в Вене, на специальной сессии МАГАТЭ.

Необходимо создать в ближайшее время систему оперативного оповещения о ядерных авариях и неполадках на АЭС, когда это сопровождается выходом радиоактивности с угрозой ее трансграничного переноса. Цель этой системы — сведение к минимуму последствий таких аварий для других стран, своевременное принятие мер для защиты здоровья и безопасности населения, материальных ценностей и окружающей среды.

Важным элементом этой системы мог бы стать международный банк данных об уровнях радиационного фона в отдельных согласованных географических точках. Такие данные — основа при оценке последствий возможных трансграничных переносов при ядерных авариях. Сбор данных — дело национальных центров, которые в свою очередь передавали бы информацию в единый международный центр.

Для многих государств не под силу справиться с крупной аварией лишь собственными силами и возможностями. А потому предлагается создать — как компонент международного режима безопасного развития

ядерной энергетики — отлаженный механизм оказания помощи в опасных ситуациях.

Очень важно, чтобы все страны в своей ядерной деятельности исходили из рекомендаций, разработанных МАГАТЭ, относительно обеспечения безопасности ядерных установок. Что может посоветовать Международное агентство? Как, скажем, выбрать площадку для размещения установки, как спроектировать ее, как обращаться с радиоактивными отходами.

Сбор, обработка и обмен информацией об авариях на АЭС также помогли бы правильному и «грамотному» развитию ядерной энергетики. Советский Союз сделал здесь свой первый шаг: дал МАГАТЭ объективную и подробную информацию о причинах, ходе и последствиях аварии на Чернобыльской АЭС. Все предложения, с которыми вышла делегация СССР в Вене, были приняты.

Важным элементом в концентрации усилий стран по обеспечению безопасности ядерных установок может стать совместная разработка проектов реакторных систем нового поколения как на тепловых, так и на быстрых нейтронах...

Но эти предложения касаются безопасности ядерной энергетики в, так сказать, обычных условиях. Но живем-то мы в мире необычном, беспокойном. И потому действовать должны с большой оглядкой. Не трудно догадаться, что не от одних только ошибок проектировщиков или, как это было в Чернобыле, от цепи безответственности при эксплуатации можно ждать беды. Как известно, преднамеренное разрушение атомных электростанций, исследовательских реакторов и других сооружений подобного рода способно вызвать гигантский выброс радиоактивности, заразить все и вся. А разрушение мирных ядерных установок даже с помощью обычного оружия? По своим последствиям такая акция фактически равнозначна ядерной бомбежке — действиям, которые ООН квалифицирует как тягчайшее преступление против человечества.

Поэтому необходимо разработать надежную систему мер по предотвращению нападений на ядерные объекты. Гарантию даст разработка международной конвенции, согласно которой все государства взяли бы на себя обязательство не нападать на объекты ядерной энергетики.

Ядерный терроризм... Даже одни эти слова, не то что действия, не могут не вызвать беспокойства. А ведь уже имели место за рубежом факты умышленного нанесения ущерба предприятиям атомной промышленности, случаи хищений высокообогащенных расщепляющихся материалов. Радиационная опасность и высокая токсичность ядерных материалов требуют обеспечения их надежной защиты от преступных посягательств. Ведь если следовать логической цепочке — украли, значит, это кому-то надо, — то нельзя исключить возможность использования

таких захваченных материалов для создания простейших ядерных взрывных устройств. Атомная бомба в руках террористов — опасность страшная. Назрела необходимость разработки надежной системы мер по предотвращению ядерного терроризма в любом его проявлении. Советский Союз готов договариваться на этот счет.

То, что мы перечислили, специалисты нашей страны уже предложили для международного обсуждения. Понятно, говорили они и о многих других технических и правовых вопросах. И решать их надо. Незамедлительно. Ведь человечество сегодня стоит перед выбором: допустить сползание по пути гонки вооружений к пропасти ядерного самоуничтожения или привести свой образ мыслей и действий в соответствие с реальностями ядерно-космической эры.

...С сотнями людей самого разного возраста и жизненного опыта встретились мы, готовя эти материалы. Суждения многих из них есть в «Репортаже из Чернобыля». Быть может, некоторые из них и противоречивы, во всяком случае, не каждый из наших собеседников разделял точку зрения журналистов.

Одно, безусловно, объединяет всех, с кем мы встречались, чьи высказывания слышали или читали, с кем спорили или кого цитировали. Буквально всех. Ни одного равнодушного к чернобыльской трагедии нет. Есть испуганные, есть злобствующие, есть сомневающиеся в том, что атомная энергетика может вообще принести добро людям... Подавляющее же большинство смотрит на происшедшее трезво: беда должна заставить задуматься, быть строже к себе и аккуратнее в деле, но никак не должна стать этому делу помехой.

Прошел почти год. За многие тысячи километров от днепровских берегов, в Токио, состоялся международный симпозиум журналистов, посвященный охране природы. Много проблем обсуждалось там — голод в Африке, уничтожение лесов в Южной Америке, выпадение кислотных дождей во многих странах. Слишком часто, умы, в наше время здоровье и жизнь тысяч людей оказываются под угрозой, и виной тому — сами же люди. И все же наиболее пристальный интерес сосредоточился вокруг чернобыльских событий — дискуссии, вопросы, обсуждения вспыхивали моментально, от одного только упоминания этого слова — Чернобыль. Еще раз пришлось убедиться в том, что случившееся рядом с тихим украинским городком волнует по-настоящему все человечество.

«Наше поколение понимает, что не земной шар принадлежит нам, а мы принадлежим ему,— сказал генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс. — И нам надо передать будущим поколениям чистую планету. Поэтому усилия всех государств должны быть сосредоточены на уничтожении ядерного оружия, на том, чтобы свести к минимуму риск от использования ядерной энергетике».

Под этими словами расписываются и авторы этой книги.

ГЛАВА XII

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Какие вопросы нам задавали чаще всего!

«Репортаж из Чернобыля» — одна из первых книжек об этом событии, вышедшая у нас в стране. Но сколько газетных и журнальных публикаций по темам, «рожденным» крупнейшей в мире аварией на АЭС, прошло в периодической печати! Десятки, сотни, а может, и тысячи корреспонденций. И все-таки жажда знать подробности, получить ответы на «свои» недоумения до сих пор у читателя есть.

Вот мы и постарались суммировать те вопросы, которые задают чаще всего. Опираясь на то, что видели сами, и, конечно, на мнения авторитетных специалистов, подготовили ответы, которые и предлагаем в конце «Репортажа из Чернобыля».

— Каковы основные принципы работы реакторов типа чернобыльского?

— Использование уран-графитовых канальных реакторов, охлаждаемых обычной водой, — именно такие установлены на Чернобыльской АЭС — в нашей стране имеет длительную историю. Именно такого типа реактор был установлен на первой в мире атомно-энергетической установке, которая начала работать более тридцати лет назад в городе Обнинске, неподалеку от Москвы.

Те же конструктивные принципы были использованы в строительстве Белоярской АЭС. После долгих лет ее успешной работы был сделан следующий шаг - создание серийных установок большой мощности. Первый такой серийный реактор РБМК-1000 (реактор большой мощности канальный) вошел в строй на Ленинградской АЭС еще в 1973 году. И к нему, и к следующим реакторам, которые много лет служили верой и правдой, у специалистов претензий не было.

Теперь о технических подробностях. Тысяча мегаватт - это электрическая мощность ядерной энергетической установки. Тепловая значительно больше и составляет 3200 мегаватт. Реактор охлаждается кипящей водой по так называемой одноконтурной схеме. Топливом служит низкообогащенная двуокись урана. Каждая ее тонна содержит примерно 20 килограммов ядерного горючего. Стационарная загрузка урана — 180 тонн. Замедлителем является графит. Температура пара перед турбиной достигает 280 градусов, а его давление — 65 атмосфер.

— Почему в реакторах, подобных чернобыльскому, нет традиционного толстостенного корпуса, способного выдержать высокие давления? Не уменьшает ли это безопасность его работы?

— Такого корпуса в реакторе РБМК-1000 действительно нет. Графитовая кладка заключена в тонкостенный герметичный кожух. Но

тепловыделяющие сборки находятся в каналах из циркониевого сплава. Они как раз и воспринимают давление воды. Именно такие каналные реакторы надежнее в работе, чем традиционные корпусные. Толстостенный корпус высокого давления с точки зрения безопасности как раз является наиболее уязвимым.

В конструкции РБМК-1000 учтена возможность аварийной ситуации — существует специальная система аварийного расхолаживания активной зоны. Чтобы предотвратить выход пара и продуктов деления в случае разгерметизации, основное оборудование реакторной установки размещено в прочных боксах. Они рассчитаны на избыточное давление в 4,5 атмосферы. Все выбросы при «проектных» авариях локализуются именно здесь, а пар конденсируется в специальном бассейне — барботере.

— Почему произошла авария — то, что прежде считалось не просто маловероятным, а решительно невозможным?

— Разработчики реакторной установки не предусмотрели создания защитных систем безопасности, способных предотвратить аварию при имевшем место наборе преднамеренных отключений технических средств защиты и нарушении регламента эксплуатации, потому что действительно считали такое сочетание событий невозможным. Персоналом станции было допущено шесть грубейших нарушений и ошибок — в порядке подготовки и проведения испытаний, в самой программе испытаний, в управлении реакторной установкой... Эти нарушения и ошибки и стали первопричиной аварии. Мотив же, приведший к катастрофическим последствиям небрежности, — стремление как можно быстрее запершить программу испытаний.

Таким образом, главной причиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока.

— Почему информация об аварии поступила не тотчас же после случившегося?

— С такого рода аварией мы имели дело впервые. Не скрою, я не предполагал, что масштабы случившегося именно таковы, — отвечает заместитель директора Института атомной энергии имени И. Курчатова академик В. Легасов. — Мы узнали об аварии сразу же, однако в сообщениях из Чернобыля было много противоречивого. Понять, что произошло, оценить масштабы сразу было просто невозможно.

Утром 26 апреля в Чернобыль вылетела первая группа специалистов и правительственная комиссия, членом которой я был. Только подъезжая к Припяти и увидев зарево, я начал догадываться о масштабах аварии. Оценить происшедшее из Москвы — как проработавший на ликвидации последствий этой аварии, — утверждаю, было действительно невозможно. Как специалист и участник событий могу подтвердить — масштабы аварии,

ее характер, развитие событий казались маловероятными, почти фантастическими. Злого умысла, попытки что-то скрыть не было.

Сколько человек находилось на территории АЭС во время аварии?

- В ночь с 25 на 26 апреля на четырех энергоблоках Чернобыльской станции работало 176 человек. Кроме того, в полутора километрах к юго-востоку, на площадке пятого и шестого энергоблоков, в ночной смене было 268 строителей и монтажников.

Какова была величина выброса продуктов деления из поврежденного реактора?

В момент взрыва было выброшено 20—22 МКи (мегакюри). Затем количество ежесуточного выброса радиоактивных веществ в атмосферу с некоторыми колебаниями постепенно снижалось и в основном завершилось к 6 мая. Общий выброс продуктов деления составил около 50 МКи — примерно 3,5 процента общего количества радионуклидов в реакторе.

— Что же вылетело из поврежденного реактора?

— Выброс радиоактивных нуклидов за пределы разрушенного энергоблока продолжился несколько дней. В результате этого во внешней среде оказался достаточно широкий спектр радиоактивных нуклидов, входящих в состав облученного топлива. Состав радионуклидов в аварийном выбросе отличается от их состава в топливе поврежденного реактора повышенным содержанием летучих продуктов деления — йода, теллура, цезия, инертных газов.

— Какой из радиоактивных компонентов, выброшенных в атмосферу, был наиболее опасен?

— Йод-131. Это летучее вещество, выброшенное из реактора в больших (по сравнению с другими элементами) количествах, накапливается исключительно в щитовидной железе — важнейшей железе внутренней секреции, вырабатывающей гормоны, регулирующие рост и развитие организма. Концентрация радиоактивного йода в щитовидке может вызвать расстройства гормональной системы. Особенно опасно такое накопление для детей. Отсюда то внимание, которое в Припяти уделяли медики проблеме йода-131.

В первые же часы и дни необходимо было просто предоставить организму переизбыток йода нерадиоактивного, чтобы перенасытить железу, «не пустить» в нее йод радиоактивный. Это и делали врачи, снабжая население соответствующими препаратами. Но вопрос о йоде-131 достаточно скоро отпал — период его полураспада всего восемь с небольшим суток.

— Сколько всего было эвакуировано?

— Общее число эвакуированных из 30-километровой зоны составило на Украине 93 тысячи человек. После того как часть жителей вернулась в районы, радиационная обстановка в которых не представляла

опасности, это число сократилось на Украине до 89 460 человек. Всего же было эвакуировано 116 тысяч человек.

— Как людям была компенсирована потеря имущества?

— Общая сумма направляемых государством на эти цели средств составила около 800 миллионов рублей. Выплачивается средняя заработная плата тем, кто временно потерял трудоспособность. Выплачиваются пособия. Сельским жителям компенсирована потеря урожая. Квартиры и дома предоставляются бесплатно. Выдаются крупные беспроцентные ссуды сроком на 15 лет. (Средний размер компенсации на одно хозяйство, например, в Белоруссии составил свыше 14 тысяч рублей.)

Сумма единовременных денежных пособий составила почти 15 миллионов рублей. Все расходы первых дней после эвакуации — на питание, одежду, постельные принадлежности — брали на себя колхозы, принявшие переселенцев.

— Было ли оправданно решение некоторых стран об ограничении и даже запрете на ввоз сельскохозяйственных продуктов из СССР?

— Радиоактивно зараженные продукты — это не продукты с цианистым калием внутри. Наличие радиации проверить очень легко — на каждой таможне есть соответствующие приборы. Дело было, конечно, не в реальной опасности, которую могли бы представлять продукты питания из нашей страны, а в политике, — считает радиолог профессор А. Воробьев.

— Какие меры предосторожности были приняты в Киеве, когда там был повышен радиационный фон?

— Перед жителями города неоднократно выступал по телевидению министр здравоохранения Украины Романенко. В числе основных мер предосторожности он предлагал следующие. Прежде всего — гигиена жилища, ежедневная влажная уборка. Проветривание помещений он советовал проводить после дождя, когда нет ветра и пыли. Рекомендовалось не пренебрегать ежедневным душем и мытьем головы. Не советовали детям полый день бегать по улицам, особенно гонять в футбол на мыльных площадках. Поскольку запереть детей дома, особенно летом, — мера достаточно жестокая, занятия в школах Киева были прекращены для 1—7-х классов до 15 мая, и детей отправили в места отдыха.

Советы врачей изменялись в соответствии с измененном радиационной обстановки.

Не было ли опасности растаскивания радиоактивной грязи и пыли на колесах автомобилей, если поток транспорта из 30-километровой зоны был велик?

— Такая опасность теоретически существовала. Поэтому на въездах во все населенные пункты, вплоть до Москвы, были организованы пункты проверки. Работали дозиметристы. Контроль проходил весь транспорт. Чтобы уменьшить возможность загрязнения грузовых

автомобилей, впоследствии на границе 30-километровой зоны была организована перегрузка с «чистых» машин на те, что работали внутри пораженной радиацией территории.

— Сколько человек было госпитализировано?

— Всего 300 человек. 237 из них с диагнозом лучевой болезни различной степени тяжести. 129 из трехсот были доставлены тремя авиарейсами в Москву уже 27 апреля. Это были самые тяжелые больные, нуждавшиеся в особо сложных видах медицинской помощи.

— Сколько человек погибло в результате аварии?

— Погиб 31 человек. Все они — работники станции или пожарные. 28 человек скончались от острой лучевой болезни.

— Были ли пострадавшие среди населения близлежащих городов и сел?

— Тщательное обследование нескольких сот тысяч человек не выявило ни одного с симптомами лучевой болезни.

— Могла ли авария в Чернобыле вызвать случаи лучевой болезни в других странах?

— Ни в коем случае. По подсчетам специалистов, самая большая доза, которая могла быть получена жителями европейских стран, не превышает дозы космической радиации, получаемой при полете на самолете по маршруту Париж — Лос-Анджелес и обратно. Раз уж правительство Франции не запрещает такие полеты, видимо, неразумно было принимать какие-то особые меры, ожидать хоть сколько-нибудь серьезных последствий,— считает профессор Жамме, президент Международного центра по радиопатологии.

— Кого и как обследовали врачи после аварии?

— Медицинское обследование проходили в обязательном порядке все жители Припяти, Чернобыля, сел и деревень 30-километровой зоны.

По решению Министерства здравоохранения проводились радиационные обследования всех желающих. Не только в Киеве, но и в Москве специально для этого были выделены больницы.. Кроме того, врачи прекрасно понимали, что доза радиации может быть невелика, но психологический удар, стресс, которые пережили эвакуированные, сказываются и на их настроении, и на самочувствии.

— Как дальше будет организовано наблюдение за людьми, получившими те или иные дозы радиации?

— В Киеве создан Центр медицинской радиологии. В его состав входят три научных подразделения: клинической эпидемиологии, клиники и экспериментальной радиологии. Построены специализированная больница на 600 мест, лабораторные корпуса. Создан банк данных, в который введена информация о месте пребывания каждого человека в момент аварии и позже. Те, кто проходили лечение в Москве и Киеве,

включены в особый регистр. Они будут наблюдаться долго, по специально разработанной программе. Одновременно ведется работа по созданию новых эффективных препаратов, препятствующих накоплению в тканях вредных радиоактивных веществ.

— Не следует ли вообще отказаться от развития атомной энергетики, если существует риск подобных аварий?

— Глубоко убежден, что атомные станции — вершина достижений энергетики. Это фундамент для очередного этапа развития человеческой цивилизации. Что я имею в виду? Ядерные источники энергии не только экономически выгоднее по сравнению с тепловыми, не только экологически более чистые, но они готовят базу для очередного рывка в технологии. Будущее цивилизации немыслимо без мирного использования атомной энергии — мнение академика Легасова. Другое дело, что аварии на АЭС воспринимаются острее, чем любые иные. Это понятно: их последствия ликвидировать особенно тяжело. В Чернобыле случилась авария, которая считалась маловероятной. Уроки, которые из нее надо извлечь, — и технические, и организационные, и психологические. Причем уроки эти важны не только для нас, но и для других стран.

— Сколько было аварий на атомных электростанциях до Чернобыля?

— С 1971 по 1984 год в четырнадцать странах случилась 151 авария на атомных электростанциях. В понятие аварии входят значительный выброс радиоактивных материалов или их воздействие на людей. Количество случившихся аварий свидетельствует о том, что мировой уровень развития атомной энергетики еще далек от совершенства. Этот же факт не дает серьезных оснований, по мнению специалистов, упрекать советскую атомную энергетику в технической отсталости по сравнению с другими странами.

Самая крупная из этих 151 аварий случилась на американской АЭС Тримайл Айленд в штате Пенсильвания. В 4 часа утра 28 марта 1979 года вышла из строя система охлаждения реактора № 2, начал скапливаться водород, который мог взорваться в любой момент. Только через три дня после аварии выяснилось, что руководители АЭС сознательно пошли на выброс радиоактивного газа в атмосферу, не сообщив об этом ни местным, ни федеральным властям. 29 марта в реку Саскуэханну было сброшено примерно 1,4 миллиона литров радиоактивно зараженной воды.

Лишь спустя четыре дня в округе стали проверять уровень радиации. Не удалось избежать паники. Информация о случившемся поступила в конгресс через 10 дней, в другие страны — через два месяца.

— Сколько энергии мы недосчитаемся, если откажемся от атомных электростанций?

— Первая атомная электростанция пущена в СССР в 1954 году. К началу 1986 года в мире действовало 370 энергетических реакторов. Их общая мощность — более 250 миллионов киловатт. В некоторых странах

АЭС играют ведущую роль в энергетике. В Болгарии они производят 30 процентов всей энергии, в Швейцарии — 35, в Швеции — 39, в Бельгии — 50, во Франции — 65 процентов.

Предполагается, что к 2000 году ядерная энергетика будет обеспечивать около 20 процентов всей мировой энергии. В отдельных странах ее доля будет значительно выше.

— Не разумнее ли строить АЭС в безлюдных местах, скажем пустынях?

— Вопрос о размещении АЭС достаточно серьезный и теперь, видимо, будет решаться по-новому. Но последовать совету и отодвинуть АЭС в пустыни не так-то легко.

При определении места создания АЭС учитываются сейсмичность района, наличие достаточного количества воды, дороги, удобства для сотрудников станции. Для обслуживания одного реактора необходима примерно тысяча человек. Цифру эту надо увеличить втрое, чтобы получить количество членов их семей, обслуживающего их персонала. Кроме того, необходимо помнить об оптимальном расстоянии от потребителя: ведь на каждой тысяче километров линий электропередачи теряется до десяти процентов энергии.

Кроме того, далеко не все страны располагают такими территориями, как Советский Союз. Большинство европейских стран заселены чрезвычайно плотно.

И все же у нас в стране сделаны решительные выводы из событий в Чернобыле. Они касаются и вопросов, размещения будущих АЭС — будут разработаны новые нормативы и требования.

— Что такое МАГАТЭ?

— Международное агентство по атомной энергии — одна из организаций, принадлежащих ООН. Оно было создано 29 июля 1957 года. Устав МАГАТЭ гласит, что «агентство стремится к достижению более быстрого и широкого использования атомной энергии для поддержания мира, здоровья и благосостояния во всем мире». Членами агентства являются 113 государств, в том числе все располагающие атомными электростанциями.

Руководящий орган МАГАТЭ — Генеральная конференция и совет управляющих. В последний входят 35 государств, в том числе и Советский Союз. Генеральный директор агентства с 1981 года — Ханс Бликс (Швеция). В секретариате МАГАТЭ 1750 сотрудников, и том числе 60 советских специалистов.

Главная цель МАГАТЭ — препятствовать распространению ядерного оружия, осуществлять контроль за тем, чтобы не допустить переключения в неядерных странах атомной энергии с мирного применения на военное.

— Каков материальный ущерб от аварии?

— Ущерб народному хозяйству нанесен значительный. Самый большой — это гибель людей и облучение работников станции. Если говорить о материальном ущербе, то он складывается из следующего. Перестала работать Чернобыльская АЭС, и, чтобы компенсировать нехватку энергии, приходится идти на дополнительные расходы. Стоимость четвертого энергоблока — 400 миллионов рублей. Из-за восстановительных работ на АЭС будет задержан пуск некоторых других электростанций. Значительных средств стоили эвакуация людей, компенсация их убытков, доставка на аварийные работы специалистов, сами работы по дезактивации и ликвидации последствий аварии. Людей, средств, ресурсов, которые были привлечены к аварийным работам, естественно, будет не хватать в тех сферах народного хозяйства, откуда они отвлечены.

Общая сумма прямого ущерба составляет примерно 2 миллиарда рублей.

— Каковы предельно допустимые дозы радиации для работавших и продолжающих работать на аварийном объекте?

— Предельно допустимая доза — 25 рентген. Каждый работающий в зоне снабжен индивидуальным дозиметром, показания которого строго контролируются медицинской службой. Дозиметры разные — есть похожие на авторучку, есть алюминиевые накопители-висюльки, есть квадраты на груди, отзывающиеся на радиацию розовым цветом. Ограничен и срок пребывания в зоне аварийных работ. По его истечении все работники получают дополнительный отпуск, во время работ — высококалорийное, витаминизированное питание. Получившему 25 рентген на длительный срок запрещена любая работа, связанная с повышенной радиацией.

— Какова была в Чернобыле продолжительность рабочего дня?

— Она зависит от места работ, от их сложности и опасности. Скажем, смена шахтеров, которые прокладывали тоннель к четвертому блоку, была три часа. В течение суток работало восемь смен. Особо опасные работы в непосредственной близости от реактора, скажем сварочные, ограничивались несколькими минутами.

— Была ли на аварийных работах использована новая техника и какая?

В первую очередь переоборудовалась вся наличная техника — кабины тракторов, вертолетов, бульдозеров, кранов обшивались свинцовыми листами, герметизировались. Это было необходимо для защиты людей от радиации. Надежной защитой снабжались автобусы, перевозящие смены рабочих и инженеров через опасные места.

Позже на место проведения аварийных работ стала поступать сложная техника, роботы, механизмы, снабженные дистанционным управлением. К сожалению, высокая ионизация воздуха часто выводила сложные механизмы из строя — аккумуляторы разряжались.

— Как устроен «саркофаг»?

— По периметру разрушенного аварией четвертого блока возведены внешние бетонные стены. Их толщина — 1 метр и более в зависимости от радиационной обстановки и конструкции. Третий и аварийный блок разделила внутренняя бетонная стена. Кроме того, внутри станции сооружен целый ряд защитных перекрытий и перегородок.

— Не будет ли из «саркофага» поступать в атмосферу радиация?

— Ничего, кроме тепла, во внешнюю среду поступать не будет. Бетонное сооружение предусматривает полную изоляцию радиоактивного топлива, надежную вентиляцию и тщательное очищение загрязненного воздуха.

— Сколько лет простоит «саркофаг»?

— Сотни. Может быть, наши потомки, если, конечно, в этом возникнет необходимость, найдут способ все это перенести в другое место или полностью обезвредить.

АЭС — Чернобыль — Припять — Киев — Москва Май — декабрь 1986 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

ГЛАВА I. АВАРИЯ

Хроника событий одной ночи

5

ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ ДНИ

Что происходило вокруг атомной станции!

18

ГЛАВА III. ЭВАКУАЦИЯ

Сто тысяч людей, покинувших свои дома

37

ГЛАВА IV. СТАНЦИЯ

Тревоги и заботы специалистов

37

ГЛАВА V. БУДНИ

Ночной разговор в Чернобыле - и заботы обычного дня

48

ГЛАВА VI. РАДИАЦИЯ

Размышления об опасности, которой не видно

63

ГЛАВА VII. ВРАЧИ

Кто и как лечил пострадавших

73

ГЛАВА VIII. ПРИРОДА

Чем грозил удар радиации по окружающей среде!

85

ГЛАВА IX. «САРКОФАГ»

Как «закрыли» аварийный блок

93

ГЛАВА X. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Станция оживает вновь

105

ГЛАВА XI. УРОКИ

Чему научил нас Чернобыль

112

ГЛАВА XII. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Какие вопросы нам задавали чаще всего!

Иллеш А. В., Пральников А. Е.

И44 Репортаж из Чернобыля: Записки очевидцев. Комментарии. Размышления.— М.: Мысль, 1987.— 157 с.

60 к.

Книга рассказывает об аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС в конце апреля 1986 г., о ликвидации ее последствий. Журналисты были в числе первых командированы газетой «Известия» и в течение полугода работали там. Их репортажи и стали основой настоящей книги. Чернобыльская авария — событие, взволновавшее всю планету. Поэтому в книге нашли свое отражение выводы советских и международных экспертов и организаций относительно случившегося, дальнейшего развития атомной энергетики, ее безопасности для жизни человека.

Андрей Владимирович Иллеш
Андрей Евгеньевич Пральников

РЕПОРТАЖ ИЗ ЧЕРНОБЫЛЯ

Записки очевидцев.

Комментарии.

Размышления

Заведующая редакцией Т. А. Воскресенская Редактор Л. А. Козлова
Оформление художника А. Ю. Литвиненко Художественный редактор А. Б. Николаевский Технический редактор Е. А. Молодова

Корректоры: Ф. Н. Морозова, Т. М. Шпиленко И Б №3550

Сдано в набор 23.03.87. Подписано в печать 23.03.87. А09062.
Формат 84X 108'/з2. Бумага тип. № 1. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. листов 8,4. Усл. кр.-отт. 8,62. Учетно-издат. листов 8,52.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 905. Цена 60 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15

60 коп.